

марованио

ДЖИЛЛИАН ХАНТЕР

Дьявольские
наслаждения

OZON.RU

ЭКСМО

Ни один мужчина, считающий себя джентльменом — будь он хоть трижды повеса! — никому не позволит оскорблять женщину. Ни один настоящий повеса — будь он хоть трижды джентльмен! — не откажет себе в удовольствии попытать счастья с красавицей, которую защитил от негодяя. Эйдриан Раксли не задумываясь вступает в опасное противостояние с обидчиком прекрасной Эммы Боскасл, а потом с радостью залечивает раны в ее доме, прилагая немало усилий, чтобы соблазнить хозяйку. Эмма в растерянности. Что делать, если долг и честь советуют ей противостоять искушению, а страсть — поддаться ему?

Джиллиан Хантер

Дьявольские наслаждения

(Боскасл — 6)

OCR: Dinny; Spellcheck: Регинлейв

Джиллиан Хантер «Дьявольские наслаждения»: АСТ, Астрель, ВКТ; Москва; 2011

Оригинальное название: Jillian Hunter «The Devilish Pleasures Of A Duke», 2007

ISBN 978-5-17-071659-3, 978-5-271-33738-3, 978-5-226-03625-5

Перевод: И.Г. Ирской

Лондон 1815 год

Волк на свадьбе?

Эмма Боскасл, вдовствующая виконтесса Лайонс, не помнила, от кого услышала это слово: или от кого-то из гостей, или обмолвилась одна из служанок. Вначале она не придавала этому значения — так могли назвать огромного хозяйского волкодава да и какого-нибудь обжору гостя. Леди не снизойдет до того, чтобы слушать пустую болтовню. И собственное положение обязывало ее служить примером для других и не выказывать неприличного любопытства. В конце концов, это свадьба ее бывшей ученицы, и свадьба эта происходит на Портман-сквер в доме родственников новобрачной, а не где-то в деревне.

Но через несколько минут после начала свадебного завтрака произнесенное кем-то слово обрело интригующее очертание. Эмма задержала взгляд на стоявшем как раз напротив нее красивом джентльмене. В его облике было что-то порочное и одновременно привлекательное. Он стоял в компании ее троих братьев, лордов Хита, Дрейка и Девона Боскаслов, а это говорит не в его пользу. Господи, она с удовольствием избегала бы членов своей собственной семьи, если бы не считала святым долгом направлять их на праведный путь.

Незнакомец весьма опасен. Она поняла это, когда все подняли бокалы с шампанским, а он вдруг улыбнулся ей через стол со свадебным пирогом. В живых карих глазах незнакомца промелькнул озорной огонек, и, сама не сознавая, что делает, Эмма ответила на его шаловливую улыбку.

Неужели она его знает? Разумеется, она вспомнила бы такого приметного человека, будь он представлен ей в светском обществе. Нельзя не признать, что у него приятная внешность: волосы цвета спелой пшеницы, скульптурно вылепленные черты лица и широкие плечи. Она осмелилась вновь взглянуть на резко очерченный профиль. От него исходила какая-то волчья сила! Господи! Неужели ее братья привели на свадьбу мисс Маршалл пресловутого Эйдриана Раксли, виконта Вулвертона [\[1\]](#)?

Волк на свадьбе. Ходили слухи, что он — профессиональный наемник, что он пренебрег своим аристократическим происхождением и в отместку отцу отправился в чужеземные края сражаться с пиратами.

Младшая сестра Эммы, Хлоя, не самая беспристрастная свидетельница, утверждала, что лорда Вулвертона оклеветали. Он храбрец и верный товарищ для избранного круга своих друзей. Правда лежит где-то посередине этих противоречивых мнений, решила Эмма.

Неужели ее братья осмелились пригласить такого человека на свадьбу? Конечно, могли. Эти негодники, хотя уже обзавелись семьями, до сих пор сохранили бунтарский дух Боскаслов. Честно говоря, для их семьи не было ничего святого. Братья заводили самых неподходящих знакомых, которых не принимали в порядочном обществе. И сейчас, во время свадебной церемонии, Эмма, опасаясь, что кто-нибудь из милых братцев поставит ее в неловкое положение, не сводила глаз со всей троицы.

А свадебная церемония близилась к концу. Новобрачная многократно произносила слова благодарности своей наставнице, а Эмма скромно отказывалась признать свои заслуги в устройстве этого памятного события.

Эмма любила традиции, считая, что соблюдение установленных правил помогает забыть вульгарность жизни за пределами изысканного света. И больше всего она любила свадьбы, которые, как ей виделось, могли вдохнуть новизну в застывшее общество. Улыбки, красивые платья, величественная церемония и обеты новобрачных. А в конце — отличный завтрак под звон тонкого фарфора. Эмма с удовлетворением окинула взглядом начищенное до блеска фамильное серебро на белой скатерти из дамаста. Это все шприхи, но какие приятные.

Они заставляют верить в то, что жизнь может и должна проходить в красоте и порядке.

— Твоя свадьба — следующая, Эмма, — пошутила кузина Шарлотта, подходя к ней. — Девочки держат пари на то, когда же сэр Уильям сделает тебе предложение.

— Пари? Ученицы моей академии? Мы с ним ничего пока не обсуждали. — Эмма деланно рассмеялась, хотя сэр Уильям Ларкин, адвокат, с которым она познакомилась всего несколько месяцев назад, уже успел намекнуть ей на брак, когда они встречались в театре и на пикниках. — Пари на мою свадьбу... — с усмешкой пробормотала она. — Куда катится наша академия!

— К лучшему. — Голос Шарлотты звучал весело и возбужденно.

Интересно, сколько бокалов шампанского выпила кузина, подумала Эмма. Шарлотта по натуре была очень сдержанная особа, но кто знает — в тихом омуте черти водятся.

Эмма ценила похвалу ее академии. Что ж, это заслуженно. Как основательница академии для юных леди, устроенной в лондонском доме брата и невестки, она считала себя лично ответственной за своих учениц, а те сносили строгость и требовательность леди Лайонс, лишь бы стать образцовыми молодыми дамами — хотя бы внешне.

Эмма не рассчитывала, что сможет влиять на них после того, как они покинут академию, и поэтому, пока юные девицы находились под ее крылом, она всю свою энергию вкладывала в их воспитание.

— Кстати, куда подевались девочки? — спросила она. Эмма привезла четырех старших учениц на свадьбу, чтобы они лучше усвоили этикет.

— Я видела, как они умоляли Хита представить им лорда Вулвертона, — ответила Шарлотта.

Эмма побледнела. В голове промелькнули все мыслимые и немыслимые картины позора.

— И ты это позволила?

— Ну, я не... Эмма, не волнуйся. Хит ни за что не допустит никакого неприличия по отношению к девочкам.

Не на шутку взволнованная Эмма оглядела зал.

— О Боже! Я опасюсь не за их нравственность. Ты видела, как они себя ведут, стоит дать им волю? Их нельзя спускать с поводка.

Шарлотта изумилась:

— С поводка?

— Сама посмотри.

Лорд Вулвертон с беспомощным видом стоял в кружке юных девиц и озибался, явно желая удрать. Необычная ситуация для человека с репутацией кондотьера!

Но сейчас дело не в лорде Вулвертоне и его прошлом, а в трех обступивших его девушках, которые вели себя как молочницы на деревенском лугу. Они пронзительно хихикали, обмахивались веерами и поседали его светлость глазами, совершенно забыв все

наставления об утонченном поведении, которые Эмма вбивала в их юные головы.

Эмма поспешила к ним, стараясь не смотреть на их жертву.

— Девочки, подойдите к столу, я должна с вами поговорить.

Три веера слоновой кости мгновенно захлопнулись. Приструенные голосом наставницы, которую в семье называли «утонченным диктатором», девушки послушно просеменили к столу.

— Сейчас я вам ничего не скажу. — Эмма строго взирала на поникшие головки. — Поговорим позже. А теперь поздравьте новобрачных. Смею надеяться, что вы будете вести себя прилично, чтобы в будущем смогли последовать этому примеру.

— Но он сын герцога...

— Замолчите. Он пользуется дурной славой и... — Эмма предпочла не договаривать, потому что девочки есть девочки и она лишь разожжет их женское любопытство, если добавит детали к приключениям этого человека.

Эмма считала, что большинство молодых женщин тайно тяготеют к джентльменам, которых в обществе называют испорченными. Но Эмма этим не страдала. Она не питала романтических иллюзий относительно брака с одним из таких мужчин. Будучи сестрой пяти братьев Боскасл, она имела возможность наблюдать безнравственных представителей сильного пола.

— Вас здесь только трое, — сказала Эмма. — Кого-то нет. Где мисс Баттерфилд?

— Она объелась взбитыми сливками, леди Лайонс, и побежала наверх. Она сказала, что ее сейчас стошнит.

— И это на свадьбе?

— Какой ужас, да?

Эмма поморщилась.

— Даю вам несколько минут, чтобы прийти в себя, а затем мы незаметно уедем.

Она украдкой оглядела комнату, ища глазами Уильяма. Он казался ей порядочным человеком, немного позер, но, несомненно, джентльмен с принципами. Он не мог уйти, не попрощавшись. Возможно, он хотел это сделать, но она отвлеклась и не заметила его.

Да, отвлеклась.

Эмма нерешительно посмотрела на мужчину, стоявшего напротив нее за изысканно накрытым столом. Обычно, чтобы оценить мужчин, ей не требовалось много времени. Какое замечательное у него лицо! Взглядом знатока она окинула фрак-визитку из серого шелка и черные панталоны, обтягивающие длинные, мускулистые... Но что это? Эмма была разочарована. На нем сапоги для верховой езды! На свадьбе? И к тому же он оперся рукой о стол, едва не угодив ладонью в блюдо с приправленными зеленью колбасками. Это недопустимо! Она фыркнула и поспешно отвернулась, чтобы он не заметил ее взгляда. Но поздно.

— Прошу прощения, — произнес он, и она не могла не отметить, что у него красивый, глубокий голос. — Вы, кажется, что-то сказали мне, а я не расслышал.

Много шуму из ничего.

Десять лет нисколько не изменили скучных ритуалов английского света.

Благополучно избавившись от надоедливых дебютанток (Хит предупреждал, что они будут на свадьбе), Эйдриан подошел к столу и увидел элегантную даму. Младшая сестра Хита, догадался он, а это значит — безопасная гавань в море неискренности. Боскаслы сами

немало нагресли, чтобы судить других. Среди этой семьи Эйдриан мог говорить то, что думал, притворство вызывало у них издевку, они любили шутки и розыгрыши. В обществе Боскаслов дышалось свободно.

Когда молодая дама смущенно ему улыбнулась, он спрятал руки за спину и сделал вид, что разглядывает свадебный пирог. Взгляд задержался на украшении из сахарных фиалок.

— Засахаренные сладости, — произнес он. — Я не пробовал этого с пяти лет. На Рождество моя мать потихоньку таскала их мне из кухни, а потом говорила, что повар забыл положить их на пирог.

Он потянулся за лакомством. И тут же тонкая рука в белой перчатке до локтя резко опустилась ему на запястье.

Он игриво засмеялся.

— Простите. Я не знал, что цветами выложено ваше имя.

Дама обошла стол, и то, что Эйдриан увидел, ему очень понравилось.

Высокая упругая грудь, узкая талия, серо-зеленое платье со складками и пышными оборками по вырезу и на подоле. Ей не хватает лишь крыльев, подумал он. Фея с проворными руками.

— Никаких имен там нет, — прошептала она. — Эти цветы — украшение.

— Украшение?

— Такие мелочи необходимы.

— Разве?

— Боюсь, что вы этого не поймете, — мягко заметила она, словно сахарные цветочки были каким-то таинственным кодом, понятным лишь посвященным.

Он скрестил руки на груди.

— Мне просто захотелось их съесть.

— Это свадьба, — напомнила ему она, слегка улыбнувшись.

— Знаю, — усмехнулся он. — Догадался, как только увидел невесту и жениха. Да я вовсе и не собираюсь брать эти сладости.

— Тогда почему вы... ну, в общем, это не важно.

— Мальчики всегда такие, — сказал он, догадавшись, о чем она подумала, послушно опустил руку и увидел, как у нее дрогнули губы. Неужели она улыбнулась?

Она походила на остальных Боскаслов красивыми голубыми глазами, но почти у всех братьев были блестящие черные волосы, а у нее волосы золотисто-абрикосовые, уложенные на изящной шее в замысловатую прическу. А кожа такая же белая и так же притягивает к себе, как и сахарная глазурь на свадебном пироге.

Он вдруг подумал о том, как она выглядела бы обнаженной с золотыми волосами, рассыпавшимися у нее по груди и спине. Ангел, который пробудил земные чувства в простом смертном.

Эйдриан виновато кашлянул.

— Я знаю, что вы имеете в виду под мелочами на свадебных церемониях, — сказал он. — Мне приходилось бывать в государствах, расположенных в джунглях, где частью приданого невесты являются человеческие головы.

Она с досадой взглянула на него.

— Я вовсе не это имела в виду.

Он вздохнул, и оба замолчали.

Эмма внешне ничем не выдала, что ее задела его шутка, так как с детства привыкла к

розыгрышам братьев. Этому джентльмену придется очень постараться, чтобы вывести ее из себя. И вообще ей не следует с ним разговаривать. Но, по крайней мере, пока она занимает его разговором, ее ученицы не выставляют себя дурочками перед ним.

— Разве нам не повезло, что мы живем в цивилизованном обществе? — с вызовом спросила она.

— Это дело...

В эту минуту раздался негромкий звук оркестра. Эмма так и не узнала, что он собирался сказать. Но это и лучше. Наследник герцогского титула прикрыл глаза и промурлыкал на удивление приятным низким голосом:

— Господь Иисус Христос...

— Милорд, здесь не место для богохульства, — тихо попеняла ему она.

Карие глаза уставились на нее.

— «Господь Иисус Христос, будь с нами». Это название прелюдии.

— Прелюдии?

— Музыка Баха. Вы не узнали?

— О, Бах. — У Эммы перехватило дыхание от его довольной улыбки. В голове промелькнуло: а он, оказывается, не такой уж страшный, несмотря на прошлые подвиги. — Простите, — наконец произнесла Эмма. — Я не обратила внимания.

На музыку, во всяком случае.

Эмма кивнула и отвернулась, а его взгляд заскользил по ее фигуре. Она заметила это, так как его лицо отражалось в каминном зеркале, освещенном позолоченными канделябрами.

Как неловко! Конечно, она узнала бы музыку Баха, если бы он не отвлек ее своими словами о человеческих головах. Она поймала его взгляд в зеркале, и щеки у нее зарделись.

Он снова улыбнулся своей открытой улыбкой, и она поняла, что ей не удастся не замечать его. Но директрисе элитной академии неприлично на свадьбе флиртовать с наемником, пусть он и друг семьи. Хорошо, что ее ученицы ушли в бальный зал с Шарлоттой и не смогут уличить наставницу в неблагоприятном поведении. Она — вдова, виконтесса и, хотя не очень богата, пользуется уважением и занимает прочное положение в свете. Цель ее жизни не только в устройстве академии для юных леди: как сестра целого выводка необузданных братьев, она стала хранительницей моральных устоев в семье. Тот факт, что ни один из своевольных отпрысков Боскаслов не руководствовался в жизни ее примером, нельзя было поставить ей в вину. Эмма изо всех сил старалась наставить их на путь истины и сохранить почтенное родовое имя, в то время как члены семьи делали все, чтобы его запятнать. Взять, к примеру, приятеля братьев, этого высокого дерзкого красавца, который разглядывает ее в зеркале. Хотя он и наследник герцогского титула, но едва ли представляет собой человека, с которым леди может обменяться больше чем легким кивком.

Но... в нем есть что-то такое, от чего хочется «взбрыкнуть» и забыть о приличиях, что свойственно Боскаслам. Ну, всего несколько минут флирта, уговаривала себя Эмма. Она вышла замуж в восемнадцать лет, дебютанткой, а сейчас она вдова. Ей следует быть степенной матроной.

«Ты хорошая девочка, Эмма, — хвалили ее родители. — На тебя можно положиться».

Отец выдал ее замуж за шотландского виконта, веселого и мягкого Стюарта, лорда Лайонса, который ни разу не причинил ей никаких огорчений. Но он умер несколько лет назад от заражения крови.

— Прошу меня извинить, — сказала Эмма лорду Вулвертону. — Я должна найти одну из моих учениц, она плохо себя почувствовала. А сейчас — протяните руку.

Он изобразил страх:

— Вы хотите хлопнуть мне по пальцам ложкой?

— Нет, хотя вы, вероятно, этого заслуживаете. Сделайте так, как я говорю.

Он повиновался. И она положила ему в затянутую перчаткой ладонь три маленьких марципановых цветочка.

— Как вам это удалось? — удивился он, переведя взгляд на пирог.

Она изогнула бровь.

— Приходится идти на хитрость, когда имеешь безупречную репутацию.

Он не удержался от улыбки.

— Да ну? Я всегда руководствовался обратным принципом.

— Понятно.

Он сунул в рот два засахаренных цветочка, а третий протянул ей.

— Откройте рот.

— Нет, я не могу...

Но он просунул сладкий шарик между ее полураскрытых губ и слегка коснулся пальцем щеки. Эмма вдруг почувствовала спазм в горле, а во рту защекотало.

Он выпрямился.

— Вы ведь Эмма, не так ли? Я не сразу вспомнил. Меня зовут...

Эмма, закусив нижнюю губу, отстранилась от него. Неужели он застенчив и просто хочет поговорить? Ну нет, он вовсе не застенчивый.

— Я знаю, кто вы, милорд, — прошептала она. — Вы успели прославиться в Лондоне.

— Значит, вы обо мне слышали?

Она вздохнула и отошла от него.

— Я не такой плохой, как все говорят.

Эмма со смехом обернулась.

— Держу пари, что и не так хороши, как вам следовало бы быть.

Эмма вышла в холл и направилась по лестнице наверх, где находилась комната, предназначенная для отдыха дам. Она надеялась, что мисс Баттерфилд справилась со своим недомоганием и в состоянии вынести краткую поездку в карете до дома брата. К собственному изумлению, Эмма поймала себя на том, что все еще улыбается после общения с лордом Вулвертоном. Она не ожидала, что он окажется таким обаятельным.

Пора незаметно уехать. Она была немного обижена тем, что сэр Уильям исчез, не попрощавшись, но, возможно, его перехватил какой-нибудь парламентский знакомый. Уильям был ярым защитником обездоленных и отдавал много времени благотворительности.

Да, его явно кто-то перехватил. Она узнала его хорошо поставленный голос, который мог разбудить совесть парламента. Голос раздавался из ниши в конце коридора. Вдруг послышался звук пощечины и негодующий женский выкрик. Эмма не знала, как ей поступить. То ли поскорее уйти, то ли встретиться с членом парламента, который считался ее ухажером.

— Я не стану заниматься с вами неприличными делами, наглец вы эдакий! — послышался голос девушки. — И будьте добры держать ваше хозяйство в штанах.

Эмма почувствовала отвращение и поспешно отвернулась. Надо поскорее уйти, пока ее

не увидели! Услышанного ей было вполне достаточно. Она ухватила за перила. Какое горькое разочарование. Сэр Уильям казался таким порядочным человеком, а на самом деле он готов волочиться за кем угодно, да к тому же на свадьбе. Нет, она не сможет снова посмотреть в лицо этому обманщику.

— Эмма! — раздался его испуганный голос.

Она оглянулась. Слава Богу, что, хотя его костюм был в беспорядке, ничего уж совсем неприличного она не увидела. Смущенная горничная протиснулась вперед.

— Она приставала ко мне! — выпалил он в ответ на презрительный взгляд Эммы. — Эта наглая девица прижала меня к стене и потребовала, чтобы я...

— Я все слышала, — мягко произнесла Эмма. — Но лучше бы мне заложило уши в этот момент.

— Это неправда, мэм, — прошептала горничная, поправляя смятый чепец — Я занималась своей работой.

— Знаю. — Эмма с отвращением посмотрела на сэра Уильяма. Его лицо, красное от выпитого вина, уже не казалось ей привлекательным и мужественным. Он счел, что как защитник угнетенных, имеет право воспользоваться ими в своих интересах? Как она могла его не разгадать? Хорошие манеры не всегда соседствуют с добрым сердцем.

— Не волнуйтесь, — сказала она горничной. — Причешитесь и ведите себя так, словно ничего не произошло.

Сэр Уильям протянул к Эмме руку. Она отпрянула. Горничная замешкалась, потому что услышала шаги на лестнице для слуг в конце коридора.

— Не трогайте меня, — тихо сказала Эмма сэру Уильяму.

— Эмма, давайте забудем об этом, как будто ничего не было. — Он схватил ее за руку. — У нас с вами есть планы на будущее.

— Уберите от нее свои грязные лапы, — сказала горничная и подошла поближе к Эмме. — Это леди.

Сэр Уильям раздраженно сощурился.

— Вы меня не так поняли. Я случайно попал в холл. Эмма, мы же с вами собираемся пожениться.

— Совершенно точно не собираемся! — отрезала она и вырвала руку из его ладони.

Но он снова схватил ее.

— Давайте прямо сейчас объявим о помолвке? Очень романтичное завершение свадьбы.

— Я позову на помощь, — заявила горничная, воткнув в чепчик последнюю булавку. — Не бойтесь этого прощельягу.

Эйдриан поднялся наверх по лестнице и остановился. После того как Эмма Боскасл откровенно высказалась по поводу его репутации, а потом удалилась, не дав ему возможности оправдаться, он почувствовал себя крайне неудобно: стоит у стола словно лакей. Он, наверное, сказал или сделал что-то не так, и ему следует извиниться. Хотя, скорее всего, он не удержится и снова станет над ней подшучивать. А вообще-то оправдываться ему вроде не за что. Но она могла заметить, что на нем старые — и очень удобные — сапоги для верховой езды. У него не было времени, чтобы переобуться, так как ее братья притащили его из парка прямо сюда, ничего не объяснив.

Он был готов уйти со свадьбы, но не мог отыскать никого из Боскаслов. И тут он вспомнил, что Дрейк упомянул карточную комнату где-то наверху.

В коридоре Эйдриан увидел мужчину и женщину. Сначала по их негромкому разговору он решил, что это любовное перешептывание, но через минуту понял, что ошибся. Эйдриан спустился на несколько ступеней, чтобы его не заметили.

Он допускал, что его манеры могли обидеть Эмму Боскасл, и поэтому она ушла, а теперь ему пришло в голову, что у нее было что-то еще на уме. Вернее, другой джентльмен. Эйдриан долго не был в Англии, но не настолько долго, чтобы забыть интриги и распушенность аристократов. Что касается его, то он предпочитал более честное поведение в любовных делах.

Он узнал твердый голос Эммы Боскасл.

— Отправляйтесь домой, и там забавляйтесь со своими причиндалами, сэр Уильям, — раздраженно произнесла она.

Эйдриан с удивлением посмотрел наверх. Неужели он ослышался? Очевидно, что джентльмен тоже не поверил своим ушам.

— Эмма! — с ужасом воскликнул он. — Какие выражения! И это я слышу от вас? — Он схватил ее за руку. — Неужели вы забыли о наших с вами отношениях? Вас восхищала моя борьба за права представителей низших слоев. Вы...

Подслушивать неприлично, сказал себе Эйдриан. Настоящий джентльмен должен незаметно исчезнуть. К тому же он совершенно не хотел вмешиваться, потому что стоило ему встрять в чужие дела, как все кончалось дракой. Но, наблюдая то, что происходило у него перед носом, он понял, что вмешаться придется. Эйдриан сомневался, что сестре Хита удастся самой справиться с этим хлыщом.

— Приставать к служанке? Это называется социальной реформой? Вы... негодяй! — Она попыталась выдернуть руку.

— Так. Дело зашло слишком далеко, — сказал мужчина. — Послушайте, моя дорогая, вы зря разволновались. Вам не помешает бокал шампанского, чтобы успокоиться. Давайте разопьем бутылочку где-нибудь в спальне.

Она свободной рукой согнула ему мизинец, да так сильно, что он ойкнул и побледнел от боли.

Эйдриан поморщился. На романтическое свидание это не походило. Эмма — миниатюрная женщина, но явно обладала смелостью Боскаслов. Эйдриан оперся о балюстраду и стал ждать, что же произойдет дальше.

— Эмма, вы оскорбили мою мужскую гордость и чуть не сломали мне палец. Какая вы

холодная женщина, а я надеялся, что вы станете моей женой.

— Если вы сейчас же не отпустите мою руку, Уильям, я действительно сломаю вам мизинец, причем сделаю это с огромным удовольствием. Я скорее выйду замуж за...

— ...кастрированного хряка, — пробормотал Эйдриан, расстегивая сюртук.

— Тихо, тихо, моя милая. На лестнице кто-то есть. Нас могут услышать.

Эмма оглянулась и... встретилась взглядом с Эйдрианом, который ей улыбнулся.

— О! Только не он! — вырвалось у нее.

Эйдриан покачал головой. Что на это скажешь? Ему следовало исчезнуть раньше, а сейчас у него не было другого выхода, как вмешаться. Она увидела его, а он увидел ее.

По прежнему опыту Эйдриан знал, что стоит ему вмешаться, как ситуация из плохой становится еще хуже. Но он достаточно хорошо знал братьев Боскасл, чтобы предположить, что они не потерпели бы плохого обращения со своей сестрой. Он не забыл, как они опекали его, когда он вернулся в Англию, так что услуга за услугу.

Эмма никому попусту никогда не угрожала, но, несомненно, выполнит свою угрозу, если этот олух не выпустит ее руку...

— Уильям, прошу вас, — прошептала она, прекратите выставять себя дураком. Отпустите меня.

Он выпятил нижнюю губу.

— Сначала дайте согласие выйти за меня.

Только врожденная воспитанность помешала ей дать ему пощечину. Как же она могла не раскусить Уильяма? Теперь не один день она будет терзаться мыслями о своей глупости. Но сейчас главное — избавиться от него.

— Отпустите руку этой дамы, — раздался властный голос у нее за спиной.

— С какой стати? — нагло осведомился сэр Уильям, но когда увидел, каков из себя мужчина, подошедший к Эмме, быстро повиновался. — Кто вы, черт возьми, такой, смею спросить?

— Нет, не смеете. — Эйдриан скинул сюртук и передал его Эмме. «Какая у него широкая грудь», — пронеслось у нее в голове. — Не возражаете поддержать это? — вежливо спросил он.

— Возражаю, — ответила она, хотя взяла сюртук и аккуратно сложила. — По моему опыту, когда мужчина снимает сюртук...

— Кто это, Эмма? — Сэр Уильям уставился на Эйдриана.

— Лорд Вулвертон, — облизнув сухие губы, сообщила она.

— Волк? — Сэр Уильям не мог скрыть испуга. Она молча кивнула, а сэр Уильям весь сжался и сказал:

— Вам следует позвать сэра Хита как посредника.

— Пожалуйста, зовите, — холодно улыбнувшись, ответил Эйдриан. — Всегда предпочтительно иметь свидетеля, когда дело касается чести.

— Это совершенно излишне, — вмешалась Эмма.

— Эмма, уйдите, — выдавил из себя сэр Уильям.

— Да, пожалуйста. — Эйдриан заслонил ее собой. — Я — друг семьи, если вас это беспокоит. А вы, судя по вашему поведению, таковым не являетесь.

Эмма протянула Эйдриану сюртук:

— Пожалуйста, наденьте, лорд Вулвертон. Мы все же на свадьбе.

Он обжег ее взглядом.

— Кажется, мы это уже выяснили. Почему бы вам не спуститься вниз и не проследить затем, как разрезают свадебный пирог? — Он одарил ее многозначительной улыбкой, и она вздрогнула, потому что подобная улыбка предвещала неприятности, да еще на свадьбе.

Он расстегнул манжеты и начал закатывать рукава.

— Не делайте этого, — в ужасе прошептала она, так как много раз наблюдала братьев в подобной ситуации, когда они, нарочито не спеша, закатывали рукава рубашки, что вело к драке и выбитым зубам.

— Эмма, вам не стоит беспокоиться, — произнес он непререкаемым тоном, давая понять, что вопрос решен.

— А вам не стоит этого делать, — прошептала она. Волнение росло, но она знала, что уже поздно воспрепятствовать удовлетворению мужской гордости. Таков мир мужчин, и все, что в результате остается женщине, — это убрать издержки битвы и надеяться, что никто серьезно не пострадал.

Сэр Уильям был до смерти перепуган, но все-таки поинтересовался:

— Когда же вы успели стать любовницей лорда Вулвертона? А вот стоило мне коснуться вас, как вы превращались в лед.

Эмма была поражена:

— Любовницей?!

Да за такую клевету она готова сама с ним подраться! Сэр Уильям попятился к стене, где в нише стояли два чиппендейловских кресла.

— Почему бы нам не присесть и не договориться? — пролепетал он.

Эмма отвернулась, понимая, что страшный конец неминуем. В нижнем холле появился брат Хит. Если бы только успеть дать ему знак! Тогда, возможно, удастся избежать скандала.

Ее отвлекли голоса из коридора: знакомый женский и незнакомый мужской. Она оглянулась. Это была хорошенькая горничная, к которой приставал сэр Уильям, а рядом с ней рослый молодой человек в ливрее лакея. Очевидно, девушка призвала на помощь своего дружка.

— Где он? — злобно спросил лакей. — Мне все равно, из благородных он или нет. Я сейчас его прочу.

Эмма сжимала в руках сюртук лорда Вулвертона. Материя приятно пахла ветром. Что же касается его владельца, то про приятные манеры он забыл.

Эйдриан нагнулся над креслом, в которое повалился сэр Уильям. Из-за широких плеч Эйдриана были видны только его башмаки.

— Вы его ударили? — испугалась Эмма. Эйдриан выпрямился и удивленно взглянул на нее.

— Думаю, слюняй просто изображает обморок. Я и пальцем его не тронул.

В этот момент лакей поднял второе кресло и, словно обезумевший бык, двинулся на Эйдриана.

— Милорд, оглянитесь! — крикнула Эмма.

Сэр Уильям выбрал неудачное время, чтобы встать на ноги. Эйдриан пихнул его обратно, а когда обернулся на крик Эммы, то на его голову обрушился удар креслом. У Эммы в горле застрял хрип ужаса. Горничная отшатнулась и закричала на лакея:

— Дурак! Это же не тот джентльмен! Не того ударил!

Эйдриан поднял руку клину. На секунду Эмме показалось, что он выдержал удар, но тут его рука скользнула по стене, и он рухнул на пол.

— Тедди, что ты натворил! — заголосила горничная. — Это не тот мужчина...

Эмма уронила сюртук Эйдриана. Вот к чему приводят бесстыдство и мужская гордость. Неужели так будет всю жизнь? Она посмотрела в сторону лестницы и встретила глазами с братом. Хит что-то говорил, спрашивал ее, но она от отчаяния не могла разобрать слов. Качая головой, она кинулась к человеку, лежавшему на полу. Опустившись на колени, она приподняла его за плечи и прижала к себе.

* * *

Эйдриан чувствовал, как она склонилась над ним, чувствовал прикосновение ее рук. Она — хрупкая, но сильная, и сколько в ней уверенности! Необычное сочетание для женщины. Он знал, что оскорбил ее, устроив ссору на свадьбе, но что он мог поделать? Хотя он долго отсутствовал, но не забыл, каких правил этикета придерживаются в Англии. Рано или поздно ему придется им следовать. Правда, он не собирался ни на кого производить впечатление, поскольку сделал все возможное, чтобы порвать со своим прошлым.

А вот Эмма Боскасл неожиданно произвела на него огромное впечатление. Кажется, Хит говорил ему о ней, но что именно, он не помнил. Хит — весьма скрытный человек и не любит распространяться о личных делах. Да и сам Эйдриан такой же.

Как же этот олух лакей умудрился треснуть его по голове креслом?! И все из-за женских чар! Но не полезь он на ее защиту, то сейчас она не прижимала бы его к своей мягкой груди.

— У вас кровь на голове. — Эмма осторожно погладила его по виску и прошептала: — Только бы рана не была опасной. Я не хочу этого.

Он улыбнулся. Таким он представлял своего ангела-хранителя на Страшном Суде, где ему придется отвечать за свои многочисленные грехи. Но он должен сказать ей, что пока не собирается расставаться с земным существованием. Глаза застилала темнота. Что-то теплое дотронулось до его щеки.

— Вы меня поцеловали? — спросил он.

— Нет, разумеется, — ответила она. — С чего вы это взяли?

Лакей, горничная и сэр Уильям смотрели на него откуда-то издалека и делались все меньше и меньше.

— Господи, Эмма, — еле слышно, произнес сэр Уильям, — как это могло случиться?

Эмма не отвечала ему.

— Ваш поцелуй... Он похож на взмах крыла ангела, — пробормотал Эйдриан.

— Какие причуды, — прошептала в ответ она. — Вам это кажется из-за раны.

Он вздохнул:

— Я... я устал. А что с тем придурком, который проломил мне голову?

— Мы потом этим займемся. А сейчас... Только не теряйте сознания, — в панике произнесла Эмма.

— Не потеряю, если вы снова меня поцелуете.

— Лорд Вулвертон? — Эмма просунула руку ему под плечо и испуганно прижала ухо к его груди.

Размеренный стук сердца успокоил ее. Он крепкий и здоровый молодой мужчина, и его

не убьешь одним ударом по голове, хотя удар был такой силы, что спинка злополучного кресла треснула.

— Лорд Вулвертон! — воскликнула Эмма непререкаемым тоном, которого слушались не только ее ученицы, но и члены собственной семьи. — Вы поправитесь. Я не допущу, чтобы вы умерли. Или потеряли сознание. Прекратите меня пугать. Это нехорошо. Очнитесь.

Сердцебиение замедлилось. Неужели он не дышит? В отчаянии она смотрела на его лицо, прислушивалась к дыханию. И вдруг неожиданно он поймал ее губы и поцеловал, что, без сомнения, доказывало, что он жив, и умирать не собирается.

— Вас кто-нибудь должен был предупредить, — прошептал он.

У нее едва не остановилось сердце, а в голове не было никаких мыслей. Когда, наконец, она пришла в себя, то решила, что хотя он и жив, но, несомненно, рассудок у него помутился. Он получил увечье, защищая ее. Рыцарь с волчьими повадками. Она откинула темно-золотой завиток с кровоточащей раны.

— О чем не предупредили? — вырвалось у нее.

Он тяжело вздохнул.

— О том, что ангел не должен целовать дьявола.

— Я вас не целовала...

Он снова вздохнул и опустил голову ей на колени.

Да, большое значение имеют приличия. И ее репутация. Но не больше, чем жизнь человека, который, не моргнув глазом кинулся на ее защиту. Хотя Эмма не могла отделаться от мысли, что все было бы не так страшно, не поторопись лорд Вулвертон проявлять геройство.

— Вы поправитесь, — уверенно сказала она не только ему, но и себе.

Сколько раз ее безрассудные братья падали с деревьев, вываливались из окон, из мчащихся карет, рискуя жизнью. Много раз юные безумцы находились на пороге смерти. В семье Боскасл только двое детей считались разумными. А Эмма огорчалась и беспокоилась за всех. Мать часто называла ее «моя маленькая мама».

И этот мужчина, красивый и сильный, от тяжести которого у нее онемели конечности, не умрет.

Твердая рука дотронулась до ее плеча. Она подняла глаза и увидела брата Хита.

— Эмма, что, черт возьми, произошло?

Она вдруг поняла, что они одни. Сэр Уильям и двое слуг благоразумно удалились.

Хит с мрачным видом опустился рядом с ней на колени. Трудно представить, что на свадебном приеме наследника герцога могут сбить с ног креслом. Любой воспитанный человек пришел бы от этого в замешательство.

— Несчастный случай, — как можно спокойнее ответила Эмма.

— Несчастный случай? — не поверил Хит. — Ты не поранилась?

Эмма указала на сломанное кресло:

— Нет. Он ввязался в драку.

— Не похоже на Эйдриана.

— Он застал сэра Уильяма, который силой пытался...

— Что пытался?

— Уильям не выпускал мою руку, а Эйдриан вмешался.

Хит усмехнулся:

— Вот это похоже на герцога.

Эмма с трудом сохраняла хладнокровие.

— Хит, он поправится?

— Он тебя оскорбил?

— Нисколько. — Она покачала головой, с беспокойством глядя на застывшее лицо

Эйдриана. — Он хотел меня защитить, а лакей по ошибке ударил его креслом.

Хит просунул пальцы под белый шейный платок Эйдриана, щупая пульс.

— С полной уверенностью могу заявить, что он поправится.

— Тогда почему он не двигается? Хит улыбнулся:

— Спроси его сама.

Эмма заглянула в карие глаза, которые до неприличия весело смотрели на нее. Щека Эйдриана прижималась к ее груди.

Точно — Волк.

Сквозь полуприкрытые веки Эйдриан наблюдал за фигурами, которые бесшумно двигались вокруг его кровати. Послать бы их всех к черту, чтобы дали поспать хоть часок! Он и так испытал достаточно унижения, когда Хит и Дрейк Боскаслы ощупывали ему голову и заглядывали в глазницы, пока он беспомощный лежал на полу. И еще он пытался сказать этим болванам, что сам дойдет до кареты. Но почему-то стены кружились перед глазами, а какой-то шутник все время выдергивал у него из-под ног ковер, как только он делал шаг вперед.

Он с удовольствием продолжал бы лежать, прижавшись к груди Эммы Боскасл, до тех пор, пока к нему не вернутся силы, чтобы догнать слизняка, который ее оскорбил, а заодно и всыпать дураку, проломившему ему голову.

Взгляд остановился на ее грациозной фигуре у окна городского дома Хита Боскасла. Хотя видел он все словно в тумане, но разглядел золотистые волосы, аккуратно уложенные на тонкой шее. Эйдриан приподнял голову, намереваясь поговорить с ней, но острая боль пронзила затылок и отдалась в задних зубах. Она обернулась и посмотрела на него.

— Черт, — произнес он. — Адская боль.

— Он очнулся, — сказала она кому-то, стоявшему справа от нее. — Приведи врача — он внизу.

Через минуту у постели Эйдриана появился бесцеремонный седобородый шотландец, который не очень уверенно заявил:

— Утром ему, возможно, станет лучше.

— Слава Богу. — Голос Эммы раздался с другой стороны кровати.

— Но может, и не станет, — уточнил лекарь.

— Как же это определить? — испуганно спросила Эмма.

— Никак, — утешил ее шотландец. — В этом-то и заключается сложность медицины.

Эмма подошла поближе. Эйдриан сразу узнал ее по едва уловимому сладкому запаху: так соблазнительно пахнут розы после дождя. Для него сложность заключалась не в медицине, а в том, что ему приходится скрывать, что он околдован женщиной, стоявшей у кровати. Пусть у него болит голова, но остальные-то части тела, кажется, работают нормально.

— По-моему, он приходит в себя, — сказал врач. — Вы можете назвать нам свое имя? — спросил он, раздельно произнося каждое слово, как будто говорил с ребенком.

Эйдриан сложил руки на груди и сел.

— Царь Тутанхамон, — ответил он.

— Да с ним все хорошо, — усмехнулся Хит.

— Мне так не кажется, — заявила Эмма, посмотрев на Эйдриана, который поймал ее взгляд.

— После такого удара по голове он вообще может не стать прежним, — с серьезным видом сказал врач.

— А каким я стану? — поинтересовался Эйдриан.

— Милорд, если у вас трещина в черепе, то это дело не шуточное. Может быть, кровоизлияние в мозг с длительными последствиями.

Эмма озабоченно нахмурилась:

— Что мы должны делать?

— Пусть полежит, — сказал врач. — Дайте ему лекарство, если, конечно, он пожелает его принять. По-моему, он своевольный и упрямый.

— Давайте вашу проклятую микстуру, — сердито произнес Эйдриан. — И я вернусь в гостиницу... — Он скорчил рожу, когда горничная поднесла к его губам ложку с пенящейся коричневой жидкостью.

— После этой микстуры вы никуда не пойдете, — заметила Эмма.

— Если он не захочет лежать, то свяжите его, — сказал врач, обращаясь к Хиту и Эмме. — И ограничьте чрезмерные разговоры.

— Тогда почему, черт возьми, все кругом не замолчат? — возмутился Эйдриан, опускаясь на подушки.

— Задерните шторы. На голову — компресс. Я пропишу ему стрихнин.

— Стрихнин? — удивилась Эмма, глядя на Эйдриана. — Зачем?

— Это укрепляющее средство. — Пояснил медик. — И оно также устраняет запоры. Дайте ему легкое снотворное, если он станет буянить.

Эйдриан фыркнул.

— Хватит суесться вокруг меня, словно я больная тетушка.

Эмма искоса посмотрела на него, и их глаза встретились. Он перевел взгляд на ее приоткрытые губы.

Лекарь нагнулся и осторожно пощупал Эйдриану голову.

— Больно?

— Конечно, больно, идиот.

— Вы можете описать, как именно?

— Да, могу. Болевые ощущения в черепной коробке. И уберите свои корявые пальцы.

— Он возбужден, — мрачно заключил лекарь.

Эйдриан взглянул на Эмму:

— Только она может касаться моей головы.

Она может касаться его в любых местах, где ей захочется, но он не настолько тронулся рассудком, чтобы громко об этом заявить.

Врач озабоченно вздохнул.

— Ему необходима нюхательная соль и крепкое шотландское виски. У него, судя по всему, помутилось в голове, шок все-таки.

Эйдриан мысленно расхохотался. Помутилось в голове? У него просто болит голова. Он с трудом скосил глаза на Эмму Боскасл. Какая у нее изящная фигура! Он уже забыл, когда кто-нибудь волновался за него, а это так приятно.

— Виски я выпью, — устало произнес он.

— Я также рекомендую горчичные припарки на пятки и на живот, — сказал лекарь.

— На задницу, — пробурчал Эйдриан, успев бросить еще один взгляд на Эмму, прежде чем глаза у него закрылись.

— Туда тоже можно поставить, — сухо ответил лекарь, — хотя вашу голову это не вылечит.

Бесконфликтная жизнь уважаемой особы, которую Эмма надеялась вести и дальше, неожиданно начала рушиться. Теперь слухи о том, что произошло сегодня на свадьбе мисс Маршалл, расползутся не только по светским салонам, где обожают пересуды, но и по всему Лондону.

Драка. Лакей ударил по голове чиппендейловским креслом наследника герцога. Она представила, что будут говорить.

Эмма не снимала с себя вину за то, что ошиблась в сэре Уильяме, и сплетни по этому поводу она переживает. Но, как основательница академии для юных леди, она показала плохой пример. И не важно, что лично она не совершила ничего предосудительного — настоящая светская дама не допустит, чтобы ее застали в неприятной ситуации. Разве она не поняла, едва увидев обаятельного лорда Вулвертона, что от него исходят силы притягательные, но неблагопристойные? Это еще раз доказывает, что следует прислушиваться к внутреннему голосу.

Однако не могла же она оставить этого храбреца лежать на ковре? Слава Богу, что никто не обратил внимания на их поцелуй, не заметил, как его подбородок задевал ей грудь.

Господи, почему она была такого высокого мнения о сэре Уильяме? Как могла считать его джентльменом? Вот уж защитник обездоленных выискался! Ужасный день, полный унижения. Хоть бы он скорее кончился.

— Что мне сказать девочкам? — спросила Эмму кузина и верная помощница мисс Шарлотта Боскасл, когда Эмма вышла из комнаты, куда поместили лорда Вулвертона.

Эта комната на верхнем этаже служила и как кабинет, и как спальня, если заболела одна из учениц. В свободное время Шарлотта убегала сюда, чтобы побыть одной и записать кое-какие мысли в дневник.

Эмма перевела дух. У нее все вылетело из головы, пока она стояла у кровати лорда Вулвертона. Не поддавалось объяснению, как после страшного удара по голове этот человек умудряется смущать своими шутками окружающих. Она покраснела, вспомнив, как его карие глаза смотрели на нее.

Кузина ждала ответа. Эта голубоглазая с льняными волосами красавица была весьма наблюдательна. К тому же она тоже Боскасл, а значит, ей можно полностью доверять, и она имеет право беспокоиться по поводу происшедшего.

Эмма откашлялась.

— Сообщи девочкам как можно меньше про этот несчастный случай.

— Тебе легко говорить. Эти юные проказницы готовы спрятаться за шторами, лишь бы взглянуть на наследника герцога.

— Какое неприличие! Видно придется попросить Хита сделать задвижки на всех дверях, ведущих в комнаты лорда Вулвертона.

— Да, придется, — согласилась Шарлотта. — А иначе он проснется и увидит, как на него глазеет с десятков школьников.

Эмма вздохнула. Какие испытания приходится выносить, чтобы подготовить этих своевольных молодых девиц к удачному браку. Эмма не питала особых иллюзий относительно образования в своей академии. Как бы она ни старалась дать девочкам больше знаний, цель академии — выгодный брак. Ничего не поделаешь — на этом постулате зиждется будущее Англии. Она подтолкнула Шарлотту к лестнице:

— До вечерней молитвы строго поговори с девочками.

— Хорошо. — Шарлотта помолчала. — Ты не думаешь, что лорд Вулвертон может... выйти из комнаты?

— Выйти? — удивилась Эмма, а про себя подумала: этого еще не хватало!

— И он может свалиться с лестницы, — добавила Шарлотта. По ее взгляду было ясно, что она беспокоится не только о его светлости. Скорее ее волнует другое: как бы он не

свалился в постель какой-нибудь молодой особы.

— В его состоянии ночные похождения маловероятны, — сказала Эмма. — Ему дали снотворное, а ночью проследят, нет ли ухудшения.

— И в чем это проявляется? — спросила Шарлотта. «В огромном шарме, в остром языке и озорстве», — могла бы сказать Эмма.

— У его светлости глубокая рваная рана на макушке, помутнение зрения и сильнейшая головная боль, — объяснила она.

— Бедняга вполне может умереть, — сочувственно произнесла Шарлотта и добавила: — Трудно себе представить, что такого сильного человека сбили с ног креслом. Он выглядит таким мужественным.

— Это случается и с более крепкими, уверяю тебя. Что касается его мужественности, то ей ничего не угрожает.

Шарлотта подавила улыбку. Эмма тоже.

— Я была бы весьма признательна, — продолжила Эмма, спускаясь вместе с кузиной по лестнице, — если бы ты попросила слуг не сплетничать. У меня хлопот и без этого хватает.

— Я поговорю с ними, — пообещала Шарлотта, следуя за Эммой. — Не нужно ли кому-нибудь из нас побыть с ним ночью?

— Хит и Джулия предложили подежурить по очереди со мной. Конечно, это не совсем прилично, но случай непредвиденный.

Шарлотта настороженно сдвинула брови:

— Ты не думаешь, что нам придется закрыть академию?

— Я не загадываю на завтра. Мы можем лишь надеяться, что скандал утихнет без сокрушительных последствий.

— Мы могли бы перебраться в деревню, — поколебавшись, предложила Шарлотта. — У нас ведь и так сложности с деньгами...

— И дадим возможность леди Клипстоун считать, что она нас выжила? — Эмма помрачнела при мысли о том, что потерпит фиаско от своей лондонской соперницы леди Элис Клипстоун, которая открыла школу на Ганновер-сквер и бессовестным образом пыталась переманить учениц Эммы. Когда-то они с Элис были подругами, а теперь — заклятые враги на поприще воспитания. Они не упускали ни малейшей возможности превзойти друг друга, но пока что делали это вежливо. — Уверяю тебя, она не преминет воспользоваться удобным случаем.

Шарлотта смущенно отвернулась.

— Она уже не стала ждать.

— Ты о чем?

— Помнишь леди Корали?

— Племянницу графа? — спросила Эмма. Графа она постоянно обхаживала, рассчитывая на его покровительство, его племянницу ожидали в академии еще неделю назад, а две младшие девочки должны присоединиться к сестре через несколько месяцев. — Ее багаж прибудет на этой неделе. Я приготовила для нее кровать.

— Она, очевидно, еще раздумывает, — сказала Шарлотта. — Она сообщит нам, как только примет решение.

— Откуда ты это знаешь?

— Сестра нашего дворецкого работает у леди Клипстоун.

— У моей соперницы? — не удержалась от возмущения Эмма. — Ну и ну! Следует

ожидать того, что она разболтает о наших секретах.

— Эмма, у тебя нет секретов, — улыбнулась Шарлотта.

— До сегодняшнего дня не было. О Боже, боюсь, что присутствие лорда Вулвертона мы не сможем скрыть.

— Да, его трудно спрятать.

— И, тем не менее, нам придется приложить все усилия, чтобы оградить девочек от него и продолжать занятия как ни в чем не бывало. Слава Богу, что они живут в другой части дома.

— Придется — ничего не поделаешь.

— Это всего дня на два. Господи, если мне удастся укротить этих бесенят, то позаботиться об одном раненом джентльмене не составит труда.

Эйдриан притворялся спящим, когда Хит Боскасл трижды заходил в спальню. Он нарочно начал храпеть, хотя знал, что Хита так просто не провести. Но голова разламывалась от боли, и разговаривать с Хитом он был совершенно не расположен.

Он почти погрузился в сон, когда жена Хита Джулия вошла на цыпочках в сопровождении горничной, чтобы сменить ему компресс. После этого он не мог заснуть, потому что на шею стекали капли. Рассердившись, он откинул одеяло, встал, отыскал трутницу и зажег свечу. На комод напротив кровати он заметил дамский дневник в кожаной обложке.

— Ну-ну, — пробурчал он. — Мне только недостает кружевного чепчика и парочки зубных протезов. Тогда я вполне сойду за собственную бабушку.

Зевая, он улегся обратно и раскрыл дневник. Следовало бы сказать этому шотландскому врачу, что мужчину его телосложения может усыпить лишь целая бутылка настойки опия. В любом случае снотворное ему не нужно. С головой у него все в порядке — всего лишь сильный ушиб. Бывало и хуже.

Дневник велся аккуратной женской рукой. Сначала слова запрыгали на странице, и он не сразу их разобрал. Устроившись поудобнее, он начал читать.

«Зима 1815 года.

Гадалка предсказала мне сегодня на балу, что в этом году я встречу настоящую любовь. Конечно, это была не цыганка, а Миранда Форестер, переодетая цыганкой. Я очень сомневаюсь, что она может предсказать, кем будет мой партнер в следующем танце, не говоря уже о том, кого я полюблю. Но зато я сама предсказываю, что милая Эмма выйдет замуж еще до конца года. Я видела, как она умилялась, глядя на ребенка Грейсона. Знаю, как она мечтает о собственных детях...»

Дверь туалетной комнаты, ведущая в спальню, открылась. Черт, если это снова Хит, изображающий заботливую наседку, и если он застанет Эйдриана за чтением любовных записей девицы, то ему конец.

Эйдриан вскочил с кровати, отбросив в сторону вышитое розочками покрывало. Он перепрыгнул через скамеечку для ног и засунул дневник в стопку книг на комод. Затем, придав лицу невинное выражение, он повернулся к фигуре, застывшей на пороге комнаты. Секунду оба молчали. Эйдриан ощутил, как по позвоночнику пробежала дрожь.

Это была она. Он смотрел на нее и ждал. Его маленький сторож в серо-голубом, глухо застегнутом халате, но с распущенными золотисто-абрикосовыми волосами, похожими на божественный ореол. Или он видит два ореола? Ему показалось, что у его милосердного ангела два лица. Нет, просто на ее очаровательном лице появилось озабоченное выражение.

И голос, когда она заговорила, звучал не тепло, а строго:

— Лорд Вулвертон, что это за глупости? В вашем состоянии вы не должны ходить.

— Я... — Он бросил виноватый взгляд на дневник, обложка которого вылезала из стопки книг. — Я искал ночную вазу.

— Мы не держим этот предмет на бюро. — Она вошла в комнату и указала пальцем на кровать:

— Ложитесь, а я позову лакея, который поможет вам в ваших интимных нуждах.

Вот это влип!

— Я сам справлюсь, — заявил он, сделал несколько шагов к кровати и был вынужден ухватиться за столбик полого.

— Совершенно определенно — не справитесь. — Она быстро подошла к нему и протянула руку, чтобы поддержать. — Вы бьетесь о мебель, как раненая бабочка.

— Бабочка? — хмыкнул он.

— И свеча зажжена. И это в вашем состоянии! Вы хотите спалить дом?

Она подвела его к кровати. Он вынес это унижение только потому, что находился около нее. Однако сесть он отказался наотрез. Он взрослый мужчина, а не беспомощная бабочка. Уже много лет он никому не подчинялся и не позволит, чтобы эта кроха в шелке и атласе, пусть даже она и Боскасл, приказывала ему.

— Я не хочу опять ложиться.

— Сейчас же ложитесь, — стояла на своем она.

— Я сделаю это, только когда захочу.

Эмма не была склонна ему уступить. Она понимала причину его несговорчивости. Не важно, каковы обстоятельства его возвращения в Англию, но по закону он, как старший сын герцога, его наследник. Он — представитель высшей аристократии, пэр королевства и не терпит, когда ему противоречат.

— Физическое и эмоциональное перенапряжение не пойдет на пользу вашей голове, — резким тоном произнесла она. — Сейчас же ложитесь под одеяло.

Он вызывающе улыбался. Эта женщина думает, что может им повелевать?

— Разве вы не слышали, что я вам только что сказал? — спросил он.

— Трудно не услышать, когда вы зарычали прямо мне в лицо, — спокойно ответила она.

Вдруг он осел на край кровати. Но не потому, что послушался приказа этой сдержанной на вид дамы, а потому, что у него закружилась голова.

— Рычал? — Он насупился. — Да я почти шептал. Если бы я действительно зарычал, то стены бы рухнули.

— Нисколько не сомневаюсь. — Она, ничуть не испугавшись, набросила одеяло ему на плечи. — И что вы этим докажете, чего добьетесь? У вас еще больше разболится голова. Вы накажете не меня, а себя.

Он не помнил, как это случилось, но оказался лежащим на кровати под одеялом. Эмма стояла рядом с довольным видом и выглядела еще более неотразимой. Но что самое удивительное, если не сказать унижительное, так это то, что ему даже нравились ее заботы. Обычно ему требовалось от женщины внимание другого рода, но, тем не менее, он был доволен. И это направило мысли в русло других приятных деталей, которыми она могла бы его утешить.

— Почему вы с братом будите меня каждый час? — спросил он, внимательно глядя на нее.

— Врач велел нам следить за вами.

— Почему? — недовольным голосом спросил он. Интересно, она рассердится или нет? Мало кто из лондонских дам, заинтригованных его прошлым, а также его наследством, не боялись общаться с ним. Эмма для него загадка не из легких.

— Мы проверяли, не изменилось ли ваше состояние, — ответила она.

Он хмыкнул.

— Да? И как, черт возьми, вы бы это определили?

Она подложила ему под плечи еще подушку. Так, теперь его покормят с ложечки и на кресле вынесут в сад.

— Как я определила бы что?

— Изменилось ли мое состояние или нет.

Он глубже опустил на подушки. Ей придется ближе к нему нагнуться, чтобы поправить их!

Но ее было не провести. Она строго на него посмотрела, хотя подушки все же поправила. У Эйдриана перехватило дух, когда она наклонилась к нему. Он почувствовал напряжение в паху. Он очень давно не спал с женщиной, да еще с привлекательной, и уже начал подумывать о том, здоров ли он. Эмма Боскасл, благослови ее Господь, таким приятным образом развеяла его сомнения.

Эмма старалась говорить ровным голосом, хотя ей хотелось скрежетать зубами.

— Вы вели себя вполне разумно до вашего безрассудного проявления отваги. Надеюсь, теперь вы об этом сожалеете.

— Наоборот. Жаль, что не успел ударить того, другого, прежде чем он сбежал.

— Вам не следовало распаляться.

— Я буду распаляться ровно столько, сколько пожелаю, и вам меня не остановить.

Она сжала хорошенькие губки.

— Врач посоветовал связать вас, если будете буйствовать.

— Этому бородатому пустомеле со мной не справиться.

— У меня есть братья, — ответила она. Он замолчал, но ненадолго.

— Вам приходилось когда-нибудь обуздывать мужчину? — спросил он, с сомнением глядя на ее хрупкую фигуру.

— Да. Братьев, которых я только что упомянула.

— И как давно?

— Не задавайте глупых вопросов. Они все взрослые мужчины. Правда, не всегда ведут себя соответственно. — Она посмотрела ему прямо в глаза, и он оценил их решительный блеск. Да, под вежливой маской светской дамы скрывается жесткий характер. — Ваша семья до сих пор в Англии? — неожиданно спросила она.

Он вспомнил о дневнике, который недавно читал. Там было написано, что ей хотелось бы иметь собственную семью.

— Да, — ответил он. Помолчав, она спросила:

— Нужно ли уведомить кого-нибудь о случившемся с вами?

— Я встречался со смертью чаще, чем большинство мужчин, — сухо ответил он. — Сегодняшний случай — пустяк.

— Но ваша семья может думать иначе.

— У меня брат и сестра в Беркшире, — улыбнулся он. Она снова замолчала, понимая, что он умышленно избегает ответа. Она слышала, что несколько лет назад он отдалился от

отца, герцога Скарфилда, который поверил в слухи о том, что Эйдриан — плод адюльтера его молодой жены. А сейчас, кажется, герцог понял, что ошибался, что его жена невиновна, и позвал сына домой. Возвращение Эйдриана после полной приключений службы офицером в Ост-Индской компании и в других нерегулярных армиях было воспринято светом как знак примирения.

— Я оставлю вас, милорд. Отдыхайте.

— Нет. — Его голос прозвучал властно, но глаза смотрели беззащитно.

Она озадаченно покачала головой:

— Вы не соображаете, что говорите.

Никогда прежде ему так сильно не хотелось раздеть женщину, как сейчас Эмму Боскасл. Чтобы она оказалась обнаженной от белой грациозной шеи до маленьких ступней. Вот тогда он даст ей настоящий повод сокрушаться об отсутствии у него хороших манер.

— Если вы полагаете, что я буду лежать в постели целых два дня, то ошибаетесь, — заявил он.

— Мужчины редко безропотно относятся к болезни.

— Я должен страдать в одиночестве? — спросил он низким чувственным шепотом.

— Вы хотели бы, чтобы Девон и Дрейк спали около вас? Это можно устроить, если вам не хочется быть одному.

Он шаловливо улыбнулся:

— Я подумал о другом. Поцелуйте меня, прежде чем уйдете.

— Вы с ума сошли!

— Соблазнительное предложение, не правда ли? И оно вас привлекает.

Она наклонилась к нему.

— Вы бредите. Только этим я могу объяснить ваше поведение.

Он спокойно смотрел на нее.

— Я весьма благосклонно настроен, Эмма.

— В таком случае благосклонно отнеситесь к тому, чтобы остаться лежать в постели. В одиночестве.

Их взгляды скрестились в молчаливом поединке двух характеров. Эмма подумала о том, что глупо с ее стороны сердиться. У него в жилах течет кровь герцога, и не важно, стал ли он уже носителем этого титула или нет. Ну а она, Эмма, — старшая дочь не менее гордого маркиза. Если она смогла проявить характер в семье буйных Боскаслов, то устоит и перед их другом.

Конечно, надо принять в расчет его болезненное состояние. А может, ей следует думать о лорде Вулвертоне как о своем подопечном, который обладает скрытыми способностями, но нуждается в строгом воспитании?

— А теперь, — сказала она твердо, но ласково, — я хочу, чтобы вы не вставали и хорошенько отдохнули. Утро вечера мудренее.

— Ничего подобного. Она вздохнула.

— А если мне ночью понадобится ваша помощь? — спросил он.

— Маловероятно. Хотя вот звонок, на столике, если нужно кого-нибудь позвать.

Он потянулся к ней и поймал за локоть.

— Что вы делаете? — возмутилась она.

— Зову на помощь, — ответил он и потянул ее вниз.

Она не удержалась на ногах и плюхнулась на кровать. Какое унижение! Она была

настолько потрясена близостью его крепкого, мускулистого тела, что у нее не хватило сил сопротивляться.

— Что вы делаете? — снова спросила она. Его рот прижался к ее уху.

— Я подумал, что вы сейчас упадете.

— Да. Из огня да в полымя.

В отблеске свечи его глаза сверкали. От жара? От боли? Или от чего-то еще, о чем лучше не говорить?

— Лорд Вулвертон, — со вздохом сказала она, — вы усугубляете ситуацию.

— Тот человек ошибся, — тихо произнес он. Сердце у Эммы готово было выскочить из груди. Его горящий взор лишил ее сил. Она не привыкла к такому поведению мужчин.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, и не хочу знать. Этот удар по голове...

— Вы вовсе не холодная. — Его опытный взгляд пробежал по ее фигуре. — Эмма, у вас внутри горит скрытый огонь.

Она покраснела. Какая глупость.

— Не будьте...

— ...честным, да? — Он наклонился и взял в ладони ее лицо. — Поцелуйте меня всего один раз, и я докажу вам это. Доставьте мне такое удовольствие. Пожалуйста.

Для одного дня более чем достаточно. Сначала ужасное оскорбление, которое было нанесено ей сегодня, потом поцелуй, чтобы доставить ему удовольствие. И все же, когда мозолистые пальцы коснулись ее щек, огонь, на который он намекал, начал разгораться у нее внутри и постепенно охватил все тело. Соски напряглись, а по рукам и ногам разлилась приятная слабость.

— Вы теплая. — Он наклонил к ней лицо. — Если вы превращались в ледышку, когда он пытался вас коснуться, то вина в этом его, а не ваша.

Откуда он знает? Да и как смеет говорить такое? Она опустила глаза и, не дыша, ждала. Ей было стыдно, но она предвкушала что-то новое. В любой момент это чудесное ощущение может закончиться. Отчего ее так задело язвительное замечание сэра Уильяма? Она вовсе не хотела, чтобы о ней думали как о холодной женщине, но знала, что часто выглядит именно такой.

А скрытый огонь? О, почему женщины так падки на лесть? Почему она готова поддаться этому мужчине?

— С распущенными волосами вы еще больше похожи на ангела. — Он задумчиво смотрел на нее. — На свадьбе я не мог отвести от вас глаз.

Эмма с трудом сглотнула слюну.

— Я выгляжу... неопрятной.

— Вы заставили меня...

— Что заставила? — прошептала она.

— Засмеяться.

— Что? — не поняла она.

— Мне было с вами легко и приятно.

— Я просто была вежливой.

— Вы стащили три конфетки со свадебного пирога, — с улыбкой напомнил он.

— Не вздумайте сказать об этом кому-нибудь из моей семьи. Я для них образец поведения.

— Неужели? — Он запустил пальцы в ее волосы. Эти ласковые прикосновения завораживали, хотя ей несвойственно легко терять голову. Но... она позволит этому новому удовольствию продлиться еще чуть-чуть. Как приятно чувствовать его пальцы на коже. И как это усыпляет ее бдительность.

— Огонь даже в ваших волосах. — Дыхание Эйдриана теплом пробежало у нее по губам. — Они словно золотой шелк. Меня всегда тянуло к огню. Вы опасная женщина, Эмма Боскасл...

Она вздохнула. Он — Волк.

— Лорд Вулвертон...

— Побудьте со мной... немножко, — попросил он, не сводя с нее глаз.

— Не могу. И мы оба это знаем.

— Всего несколько минут. Я устал от бездействия. Устал от одиночества. Я больше ни о чем не прошу.

Он протянул руку назад и пальцами загасил свечу. Приятно потянуло дымком, смешанным с запахом его одеколона.

Пугающее возбуждение нахлынуло на нее. А причиной — всего лишь погасшая свеча. Словно он делал это сотню раз в похожих обстоятельствах. Их поглотила темнота. Он обхватил ладонями ее талию, и у нее вырвался прерывистый вздох. Неужели он просто боится оставаться один?

В неожиданно наступившей темноте запреты почти не действовали. Сколько раз Эмма предупреждала других об опасностях полумрака и мужчинах, поджидающих жертв в темноте! Что, если ее принципы подвергнутся испытанию?

— Вы были замужем, — тихо произнес он, водя пальцами по ее руке, а губами по ее губам.

— Да.

Его другая рука медленно заскользила по фигуре Эммы и задержалась на груди. Она вздрогнула и замерла, готовая к сопротивлению. Внизу живота запульсировало.

— Как давно это было? — прошептал он.

— Вы спрашиваете меня?...

— Да.

Никто на свете ни разу не осмелился задать ей такой интимный вопрос. Но почему-то его любопытство не показалось ей оскорбительным. Вопрос прозвучал естественно. Наверное, опять всему виной темнота ночи и его нездоровье.

— Мой муж умер почти пять лет назад, — ответила она, ощущая совсем близко его теплую шею.

Жестом собственника Эйдриан сжал ей талию. Эмму прострелило желание.

— Пять лет, — пробормотал он. — И никто с тех пор вас не коснулся? Разве такое возможно?

— Пожалуйста... — прошептала она пересохшим ртом. Жар в животе превратился в боль.

— Должно быть, вы сами так решили, — сказал он. — Наверняка вас многие добивались, как этот франт сегодня.

У нее не было сил говорить. И он это понял. И ответил ей прикосновением к ее дрожащей коже. До сегодняшнего дня никто не осмеливался вести себя с ней подобным образом. Внутри боролись паника и желание.

До сего момента отсутствие любви и страсти в ее жизни казалось Эмме вполне переносимым. О да, она страдала, но как истинная леди не признавалась в этом даже самой себе.

И уж точно она не выкажет слабости перед малознакомым мужчиной, искусно разбудившем в некоторых частях ее тела — о существовании которых порядочной женщине вообще не положено знать — жажду ласки.

Боже милостивый! Она подавила вздох. Эйдриан едва коснулся ее плеч, груди, бедер, а тело уже затрепетало в ответ. Трудно поверить, но она ощутила чудесное напряжение внутри. Такое с ней случалось всего несколько раз, когда она жила со Стюартом.

Как смог этот кондотьер заставить ее признать свои чувственные желания, когда ей так долго удавалось их игнорировать? Столько лет она старательно держала свои чувства в узде, обманывала близких и, наконец, смогла обмануть даже себя. Она родилась в семье порочных, страстных Боскасов. И хотя бранила своих неистовых братьев, временами она завидовала их способности наслаждаться жизнью и влюбляться очертя голову. У нее была возможность полюбить, и она полюбила мягкого, спокойного человека, а потом потеряла

его и поверила в то, что страсть и настоящая любовь не ее удел.

Надо поскорее отодвинуться от Эйдриана. Вместо этого она зажала ладонью рот, чтобы — не дай Бог! — громко не застонать.

— Эмма, — прошептал он, — вы хотите, чтобы я остановился?

Она, не отрываясь, смотрела в его светящиеся даже в полумраке карие глаза и видела перед собой не коварного опытного развратника, а мужчину, охваченного подлинной страстью. Она была потрясена.

— Поцелуйте меня, — попросил он. — Всего раз.

— Да, всего раз. — Голос у нее дрожал. — Как часто эти опасные слова произносятся мужчиной... или дьяволом?

Он заглянул ей в глаза:

— Это про меня?

— Ох! — Она отстранилась от него. — Вам нужно лечь. — Я не хочу.

— Эйдриан, пожалуйста. Вы — опасный человек. Он нахмурился.

— Для вас — нет.

— Опасный.

— Почему? Потому что я стал наемником? Вас я никогда не обижу.

— Специально — не обидите.

Он прижал ее к себе, невзирая на протесты. Эти запретные объятия! Тело Эммы горело.

У нее заволокло глаза. Длинные пальцы скользнули по плечам, по телу, осторожно лаская разные места, а когда его рука оказалась у нее под подолом на колене, то она задрожала, готовая и неготовая к соблазнению.

Он поймал губами ее губы, и она его не оттолкнула, а приоткрыла рот. Сладкая боль прострелила ее, частые удары сердца отдавались во всем теле.

Эмма, не сопротивляясь, запрокинула голову. Если раньше блеск свечи смягчал контуры его красивого лица, то полутьма, наоборот, подчеркнула их жесткость. Он опасен. Он пренебрег обществом. Он околдовал ее.

Почему он нанялся на чужеземную службу? Он — наследник герцога, и богатство ему, разумеется, не нужно. Он искатель приключений, как многие молодые люди? Возможно, что он скрывался. Он совершил что-то такое, о чем сожалеет? Но важнее узнать, почему он вернулся. Братья ему доверяют. А она? Он привлекателен. Он притягивает ее не только тем, что кажется опасным, но и своей открытостью. Мало кто из мужчин мог оценить ее умение шутить, да она не часто показывала это окружающим, а он оценил.

Эйдриан опять припал к ее влажным, распухшим губам, руки искали самые уязвимые места. У нее изогнулась спина, тело просило дать то, в чем стыдно признаться. В горле застрял стон.

Но он услышал это, и глаза его сверкнули — он все понял. Не дав ей опомниться, он прижался лицом к ее груди и сквозь тонкую шелковую ткань взял в рот сосок.

Эмма Боскасл позволяет едва знакомому мужчине ласкать ей грудь! Какое неприличие! По телу разлилось тепло, как будто ее согрели солнечные лучи.

— Лорд Вулвертон, — не в силах побороть чувственную дрожь, произнесла она, — это плохо для вашего здоровья.

— Поверьте мне, это не так, — ответил он, облизывая ей сосок.

— А как же ваша рана?

Он поднял голову и поцеловал ее в губы. Она снова застонала.

— Какая рана? У вас прекрасное тело, Эмма Боскасл, и острый ум. Я не сводил с вас глаз во время свадьбы.

— Это из-за моего ума или тела? — прошептала она. Стоит ли смущаться от его вопроса? Ведь то, что он с ней продельывает, намного хуже. Соски у нее бесстыдно налились. Да она открыто предлагает ему себя — свою грудь, по крайней мере.

— Мне понравилось и то и другое, — с улыбкой ответил он. — Вы притягивали меня.

— Вы захотели меня... на свадьбе?

— Да, — признался он. — Вас это оскорбляет?

— Перед всеми гостями? — еле слышно спросила она. Он нежно покусывал ей грудь, а она... она не могла его остановить. Ее жаркое лоно сделалось влажным. Что будет, если его проворная рука проникнет внутрь?

— Хватит, — хрипло произнесла она.

— А мне — нет. Буду откровенен — мне этого мало, — прошептал он.

Она с трудом сглотнула.

— Иногда излишняя откровенность ни к чему. Он на секунду застыл, но тут же возобновил поцелуи.

— Я не согласен, — чувственным шепотом произнес он. — Мы оба вышли из юного возраста... и к тому же познали любовь раньше.

— Но не друг с другом.

— Разве это не делает любовь еще более заманчивой?

— Я вдова, и эта часть моей жизни закончена.

— Вы женщина, Эмма. И это никогда не изменится.

— Изменилось, — с долей горечи вымолвила она.

— А я уж и не помню, когда меня так тянуло к женщине, — глухо произнес он.

Его рука оказалась у нее между бедер. Она закусила губу. Его прикосновения — это пытка. Но еще большая пытка ждать, что он ее коснется. Она боялась шелохнуться.

Эмма посмотрела на свои ноги — они голые, а халат бесстыдно задран. Какие они с Эйдрианом разные! Он, не задумываясь, грешит, а она старательно отгоняет от себя греховные помыслы.

Если бы ученицы увидели ее сейчас, вот бы они повеселились! Эмма Боскасл, отбросив все те правила, которыми славилась ее академия, и, забыв о личном самопожертвовании ради идей воспитания, лежит в постели с неотразимым аристократом.

— Мадам, я в вашей власти, — неожиданно прервал он затянувшееся молчание.

— В моей власти? — еле слышно переспросила она.

— Кажется, я потерял рассудок, — прошептал он тоном кающегося грешника.

— Вы точно не найдете его под моей юбкой.

Он засмеялся, и огромные руки сомкнулись у нее на талии.

— Эмма, Эмма, я умираю от желания. Ну зачем вы одна из Боскаслов?

— Я много раз задавала себе тот же вопрос.

Его рука переместилась к вырезу халата и расстегнула пуговицы, открыв налившуюся белую грудь с розовыми сосками.

— Как красиво, — прошептал он. — А там внизу... все такое же прелестное и нежное?

У нее сдавило гортань, когда рука Эйдриана оказалась в теплой ложбинке между бедер.

— Ох, Эмма, — он прикрыл глаза, — вы уже вся влажная. Позвольте мне дойти до конца.

— Дойти... — Она покраснела от стыда, но не сделала ни малейшего движения, чтобы помешать ему.

— Вам это необходимо.

Она почувствовала, как заглубившие костяшки пальцев, пробежав по бугорку, переместились к потаенным складочкам. Она ждала.

— Разве не так? — пробормотал он.

Эмма закрыла глаза. Глубоко внутри живота разгоралось желание.

Он наклонил голову и с нежностью облизал кончики сосков. У нее запылало лицо, жар охватил все тело.

— Я не могу... — Голос у нее дрогнул.

— Тише. Я сам все сделаю. — Большим пальцем он водил по нежным соскам, пока она не задрожала от приливов болезненного наслаждения.

Он придвинулся к ней и прижался своим напрягшимся, пульсирующим членом к ее обнаженному животу. Она ощутила это сквозь его нижние батистовые штаны и халат.

— Почему я все это вам позволяю? — простонала она.

— Потому что ваше тело этого просит. Милая Эмма, вы меня не оттолкнете?

Он погладил мягкий пушистый холмик и медленно просунул два мозолистых пальца внутрь ее лона. От этих осторожных движений у нее перехватило дыхание. Поцеловав ее в лоб, он спросил:

— Сколько времени прошло с тех пор, как вы допустили до себя мужчину?

Она не могла поверить своим ушам.

— Вы наглец.

Он засмеялся.

— С моей наглостью мы разберемся потом, хорошо? А сейчас займемся вами.

Какой стыд! А он положил руку ей на живот и, не сводя глаз с ее лица, нащупал глубоко спрятанный под мягким бугорком крошечный бутончик. У нее приподнялись бедра.

Эмма сама не понимала, чего она хочет. Хочет, чтобы он ее отпустил или нет? Она готова ко всему. Он снова ее поцеловал, заглушая тихие стоны. Твердое бедро Эйдриана прижалось к ее бедру. Эмма положила руку на его могучее плечо. Он не стеснен никакими запретами, свободен в своих порывах и прекрасен, как античный бог.

Еще мгновение, и она его остановит.

А сейчас... сейчас она не, могла оторваться от его великолепного лица, от сверкающих жаром глаз. Настоящий мужчина.

Где-то за пределами дома слышался грохот колес экипажей и цоканье копыт по булыжной мостовой. Эмма провела рукой по его загорелой шее и почувствовала, как от ее нерешительного прикосновения он напрягся. Глубоко вздохнув, он прижался к ней. Его пальцы снова трогали и легонько нажимали на спрятанный в глубине нежных складочек бутончик. Она горела, полная желания вкусить запретный плод. Эйдриан понимал, что с ней творится, понимал ее страхи и нерешительность.

Дом брата.

Ее ученицы.

Он — почти чужой человек.

Виконтессу Лайонс соблазняет мужчина, с которым она знакома всего пару часов.

Большая теплая рука легла ей на грудь, а ловкие пальцы другой руки продолжали двигаться в ее набухшем, влажном лоне. Ей казалось, что кровь у нее внутри бурлит.

— Слишком долго я ждал, — прошептал он. — Когда я встретил вас сегодня, и мы разговорились, я почувствовал себя так, будто мы знали друг друга раньше.

— Меньше, чем день, — еле слышно прошептала она.

— Нет. Для меня это не так.

Она закусила изнутри щеку. Возбуждение росло. Бедра у нее приподнялись, она уже не управляла ни своими движениями, ни желаниями.

— Вы дрожите и хотите меня, — пробормотал он. Говорить не было сил. У нее подрагивал живот, по спине пробежало приятное тепло. Такого прилива желания она раньше никогда не испытывала.

— Не отказывайтесь от наслаждения, — глухо шептал он. — Возродитесь для меня.

И с ней это произошло. Она была не в состоянии остановиться. Она задыхалась и, подпав под чары Эйдриана, подчинилась женскому инстинкту. Из горла вырвались рыдания, годы подавленного желания ушли в прошлое. Кто он, этот мужчина? Какой дьявольской силой он обладает, чтобы склонить ее к такому греху?

— Эмма... — Глубокий голос проник в ее сознание. Она вздрогнула. Ей было стыдно посмотреть на него.

— Эмма, — повторил он, приблизив к ней лицо, — вам плохо?

Она очнулась. Тело пульсировало. Она гладила его по волосам, по лицу. Кто он? Кто она? Что она делает?

— Когда я впервые увидел вас на свадьбе, — сказал он, — я...

Она приложила палец к его губам.

— Я вдова, лорд Вулвертон. Независимо оттого, что произошло сейчас, эта часть моей жизни закончилась.

— Вы не умерли вместе с вашим мужем, — после долгого молчания произнес он.

Несколько секунд она лежала неподвижно, а он, закрыв глаза, прижался лицом к ее лицу.

— Когда-то очень давно я думал, что умер, — сказал он. — Лишь Богу известно — я делал все возможное, чтобы умереть, но я не умер.

У нее на глаза навернулись жгучие слезы.

Она вышла замуж во время своего первого сезона. Ее мужем стал воспитанный и образованный шотландский виконт, владелец скромного поместья. Она думала, что ей подходит этот выдержанный, спокойный человек. Им было хорошо вместе, но они были скорее друзья, чем любовники. Ее любовный опыт состоял из робких прикосновений и быстрых соитий под одеялом. После таких брачных отношений Эмма чувствовала разочарование. Она не могла без краски стыда вспоминать, как Стюарт объявил в их брачную ночь, что пришло время поместить его маленькую колбаску в печку.

Ей не могло прийти в голову, что мужчина такого могучего сложения, как лорд Вулвертон, является обладателем столь незначительного предмета, который можно сравнить с колбаской. Даже ограниченное соприкосновение с его тяжелым мужским атрибутом было достаточным доказательством обратного. У нее дух захватило при одной только мысли, что орган таких размеров может оказаться внутри ее тела. Трудно найти столь непохожих людей, как Эйдриан и ее покойный муж, и внешне, и по характеру.

Эмма высвободилась из объятий Эйдриана, но не спряталась от его пылающего взгляда, который обжигал ее дрожащее обнаженное тело.

Она встала и поправила халат. К ней вернулось самообладание, вернее, его жалкие

остатки.

Она не заплачет.

— Я ухожу, — подавив волнение, ровным голосом сказала она. — Вы должны оставаться в постели, пока врач не разрешит вам встать.

Он молча смотрел на нее, потом произнес:

— Я не нахожу оправдания своему поведению.

— И я тоже, — ответила она, направляясь к двери.

Он сел. Его лица не было видно в темноте.

— Клянусь, что я никому не расскажу о том, что сейчас произошло, клянусь своей честью.

Она отвернулась от него.

— Клянусь вам, Эмма.

— Спокойной ночи, лорд Вулвертон.

Эмма вышла. Сердце гулко билось. Низкий голос Эйдриана прозвучал ей вслед, когда она уже очутилась в коридоре:

— Даю вам честное слово. Слово воина-наемника.

Дверь со стуком захлопнулась, и этот стук отозвался резкой болью в голове. Он громко рассмеялся, невзирая на боль. Да, голова чертовски болит. Но... не настолько, чтобы он не понял, что страстно влюбился в миниатюрную Эмму Боскасл, в эту образцовую леди, которая решила, что поставила его на место. Ей это почти удалось.

Он знал, что она ему не доверяет. А с какой стати ему доверять? Но сегодня, с того самого момента, когда он заметил, что она наблюдает за ним, он увидел — впервые с тех пор как вернулся в Англию — проблеск надежды. Наверное, в этом был промысел Божий. Будь проклят этот удар по голове! Но в результате он встретил женщину, на которую ему захотелось произвести выгодное впечатление.

И он только что произвел чертовски выгодное впечатление, потребовав интимности, невзирая на то, что они едва знакомы. Неужели он вызвал у нее презрение? Да, она должна его презирать.

Больше всего ему нравилась в ней ее пылкость, а также желание исправлять несовершенство окружающих. Но мир не совершенен, и, как бы она ни сокрушалась по этому поводу, утонченными манерами не исправить все зло на земле. Смогла бы она залатать разбитую душу, вот как у него? Женщины никогда не пытались это сделать — он привлекал их своим темным прошлым. Эмма же не одобряла его поведения с первой минуты.

Она — Боскасл, а Боскаслы известны своим жизнелюбием и волевыми характерами. Одно это говорит о ее неотразимости. Лучший друг Эйдриана Доминик Брекланд влюбился без памяти в Хлою Боскасл не в лучший период своей жизни, когда находился в весьма затруднительном положении. К счастью, Доминику хватило ума — да и везения — жениться на ней. Но большинство его друзей легко разбивали женские сердца. Для них это было так же естественно, как дышать.

Он ринулся на защиту Эммы, но это не давало ему права ее соблазнять. Ведь она всего лишь посчитала себя обязанной проявить заботу после его сегодняшнего «подвига». А он? Сначала опозорился из-за своих манер. Мало этого — получил по голове чиппендейловским креслом. Возможно, Эмма Боскасл и залечит его рану, но даже ее безупречная репутация не поможет ему размотать сложный узел личных дел.

Эйдриан тяжело вздохнул. А если бы ей удалось исправить его? Это стало бы

предметом ее гордости. Разумеется, это невозможно. Никто его не изменит. Он был рожден для лучшего, но добился худшего, а за многие годы разучился вести себя подобающим образом в светском обществе.

До этикета ли в мрачных, грязных местах, где он сражался и предавался любви? Но уравновешенная женщина, такая как Эмма, — это совсем иное...

Эйдриан слишком долго жил в суровом мире и привык полагаться исключительно на собственную сообразительность. Поэтому, распознав сокровище — Эмму, — он не мог от этого вот так просто отказаться.

Позор.

Она опозорилась. И винить в этом некого. Конечно, она не просила лорда Вулвертона защищать ее. Также верно и то, что он не просил ее кидаться ему на помощь. Или в его объятия.

Но в этих сильных руках она обрела надежную гавань.

За годы замужества Эмма ни разу не испытала столь острого желания, чтобы оно могло затуманить ей разум. Неужели она его просто пожалела? А может, себя? Он произнес всего несколько слов, но успел посеять смятение в ее душе. В любой момент мог войти брат или его жена. И как она им объяснила бы, что почти вступила в любовную связь с незнакомым мужчиной? И не важно, пэр он или нет. Эмма прижала руку к сердцу. Что ей делать? Наложить на себя епитимью? Или... сделать что-то немыслимое? Встать наверху лестницы и громко выругаться? Она выругалась, но шепотом:

— Черт! Будь все проклято!

Что на нее нашло? Ведь по голове ударили не ее. Однако она почти позволила соблазнить себя мужчине с ужасной репутацией. И это она, безупречная леди, которая могла лишь подставить щечку для поцелуя. Даже сэру Уильяму не позволялось большего.

Любовные ласки Эйдриана... Она не почувствовала себя оскорбленной. Казалось бы, уйдя от него, она должна испытывать все, что угодно, но не бодрящее, пьянящее ощущение, чувство взлета к звездам... Спящая красавица пробудилась после ста лет сна и скрытых желаний.

— Эмма, не споткнись об этажерку, — предупредил раздавшийся сзади мужской голос. — Смотри, куда идешь. Нам не нужен еще один инвалид в доме.

Эмма покраснела от шутливого замечания брата и смущенно засмеялась.

— Интересно, кто ее сюда поставил?

Умные голубые глаза второго по старшинству брата, лорда Хита Боскасла, пристально смотрели на нее. Из всей семьи он был самым заботливым и догадливым. А сейчас ему действительно было о чем догадаться, присмотрись он повнимательнее.

— Этажерка всегда здесь стояла. Ты что, ходишь во сне?

— Нет, разумеется. Я обычно каждый вечер перед сном проверяю девочек.

— Знаю. Но они спят в другом крыле и этажом выше. Так всегда было с тех пор, как они здесь поселились. — Он посмотрел на дверь комнаты Эйдриана. — Я подумал, что ты навещала нашего Волка.

Это вскользь брошенное замечание насторожило Эмму. Уж кто-кто, а она знала, что нельзя доверять беспечному тону брата.

Волк. Она инстинктивно съежилась. Как подходит ему это прозвище!

Шпионская деятельность Хита обострила его природную наблюдательность. Если он догадается о том, что сейчас произошло, то ей останется одно — умереть. Слава Богу, что Эйдриан человек чести, а иначе последствия были бы ужасные. Она взяла себя в руки и как можно спокойнее ответила:

— Естественно, я навестила его. Когда человек из-за тебя пострадал, то чувствуешь за него ответственность.

Хит еле заметно усмехнулся:

— Пострадал? Думаю, что он выжил бы после удара столом по голове, а не креслом. Насколько далеко простирается твое чувство ответственности, Эмма?

Это проверка, разведка в духе Боскаслов. Голубые глаза Хита могли проникать в скрытые мысли и читать их подобно тому, как расхитители гробниц узнают все секреты человечества из таинственных книг, вытащенных ими на свет Божий. Но Хит ничего не знает. Да и откуда?

К чему волноваться? Она — взрослая женщина, а не дебютантка, хотя до сего момента у нее не было причин лгать семье.

— Я чувствую себя в высшей степени ему обязанной, — ровным тоном сказала она, вызываясь глядя на Хита.

Брат и сестра Боскаслы. Они никогда не уступали друг другу на домашних полях сражений.

— В высшей степени... Занятный выбор слов, Эмма.

— Ты ожидал от меня меньшего? — парировала она.

— Не могу припомнить похожий случай в прошлом, чтобы оценить твои старания.

— Но ты достаточно хорошо меня знаешь, чтобы понять — долг для меня превыше всего.

Он смотрел на нее сверху вниз, и в его глазах было столько нежности, что она с трудом удержалась, чтобы не броситься ему на шею и все не рассказать, в поисках понимания и совета. Продолжи Хит расспросы, возможно, так и было бы.

Но Эйдриан дал слово, что никто ни о чем не узнает. Это их секрет и их общий грех.

Голос Хита вернул ее к действительности.

— Черта между долгом и собственным предпочтением часто мало различима, и если досконально не всматриваться, то...

— ...то можно споткнуться об этажерку. — Эмма дотронулась до его руки. — Спасибо за беспокойство. — И, как ни в чем не бывало, спросила: — Ты собрался навестить нашего больного?

— Он не спит?

— Не спал несколько минут назад, но не могу ручаться за его нрав. Он крайне раздражен из-за своей немоши.

Хотя никак не назовешь немощным дьявольски сильного и крепкого мужчину, разбудившего ее женские инстинкты, которые она так долго подавляла. Всего за один-единственный день она узнала, что мужчина, считавшийся ее искренним поклонником, оказался ничтожеством, а мужчина с темным прошлым защитил ее честь.

Но еще предстоит выяснить, что он за человек на самом деле и почему она так опасается своего интереса к нему.

В ту ночь шел дождь. Эйдриан почти забыл, как не похож английский дождь на восточные бури. Промозглый английский дождь... Но, несмотря на это — а может, благодаря этому, — он погрузился в благодатный сон. Ведь он был рожден в этом отвратительном климате.

Собственное состояние могло бы позабавить Эйдриана, но он не успел как следует его оценить, потому что опий сделал свое дело. Сон окутал его, и где-то глубоко внутри гнездились тепло... тепло Эммы Боскасл: прикосновение ее руки, мягкий, но строгий голос.

Дверь медленно раскрылась. Эйдриан поднял голову. Господи, пусть она вернется.

Наверное, ей надо как-то оправдать свое появление. Например, сказать, что она забыла задернуть шторы, или отодвинуть с середины комнаты скамеечку для ног, чтобы он не упал ночью в темноте. Да ему наплевать на все эти придуманные причины. Он будет умником и не станет ее поддразнивать. Он попросит прощения и пообещает вести себя прилично, только бы она поговорила с ним.

Он понимал, что она о нем думает. Он воспользовался ее слабостью, он — негодяй и соблазнитель. Правда, у него в жизни было всего две любовницы. Первая, куртизанка-метиска, показала ему изощренные любовные игры, которые ему не терпелось узнать. Затем длительная связь была у него с французской аристократкой, обучившей его, в свою очередь, такой любви, какую он лучше бы никогда не узнал.

— Вы собираетесь войти? — спросил он. — Если да, то я попрошу извинить меня за то, что сделал.

Черт. Он разглядел лицо, но это была не Эмма, не ее нежные, тонкие черты.

Это было лицо ее старшего брата: худое, с циничным выражением. На него смотрел подполковник Хит Боскасл, смотрел молча, а потом с улыбкой спросил:

— За что именно надо извинить тебя?

Менее закаленный человек не выдержал бы этого взгляда сфинкса. Эйдриан вспомнил о том, как французские тайные агенты с уважением говорили о тихом и загадочном англичанине, который не сломался даже под допросом с пристрастием. Интересно, как дорого обходилась храбрость самому Хиту? Этого никто никогда не узнает. Хит принадлежал к типу людей, которые отмахиваются от похвал и от признания их заслуг, считая, что просто выполняют долг. Он всегда был прекрасным офицером. Такие, как он, уносят свои секреты в могилу.

Вообще-то Эйдриан не раз пожалел о том, что не вступил в регулярную британскую армию вместе с братьями Боскасл и им подобными. За время своей наемной службы он так и не подружился ни с кем, кто был ему ровня по рождению. Но ведь он хотел уйти от своего аристократического прошлого. Он покинул Англию в шестнадцать лет, так как жизнь стала невыносимой из-за отцовских насмешек. Вскоре он познакомился с Хитом Боскаслем в прусской военной школе. Хита ждала неброская слава, а Эйдриана — громкая известность авантюриста.

Эйдриан хорошо помнил последний разговор с человеком, который сейчас признал себя его отцом. Гай Фулем, герцог Скарфилд. Он поймал Эйдриана, который подслушивал под дверью, схватил за шиворот и опозорил перед приглашенными на обед.

— Чем ты занимаешься? Подслушиваешь? Но чему я удивляюсь! Твоя мать была непорядочной женщиной, а твой настоящий отец — солдат, даже не офицер, неграмотный, нищий солдафон.

С этого момента Эйдриан начал кое-что понимать. После смерти матери четыре года назад отец ушел в себя. Оскорбления, сыпавшиеся на его голову от человека, которого он считал своим отцом, приобрели драматическую окраску. Старый герцог — не его отец! Молодая мать Эйдриана, Констанс, судя по всему, завела любовника, простого солдата, полк которого квартировался в деревне. Вот почему один вид Эйдриана стал вызывать у герцога отвращение. Он думал, что его наследник — незаконнорожденный.

Казалось бы, подобное открытие должно сломить мальчика. Любой другой умер бы от стыда, если бы ему постоянно напоминали о том, что он — плод внебрачной связи. А он, наоборот, даже обрадовался этому, потому что обрел цель в жизни. Он решил стать

свирепым солдатом, как его настоящий отец. Он покажет старому хрычу, что ему плевать на чванливых аристократов. Он прославится своими военными подвигами, разбогатеет, и те станут ему завидовать.

А вышло все совсем не так. Месть, как понял Эйдриан, редко удается. Но, вступив на этот путь, идти на попятную он не смог. Он не только нарушил общественные каноны, но стал жертвой собственной мести. В кровавых битвах душа у него очерствела, хотя гнева и поубавилось.

Военных приключений было предостаточно, но приобрел он репутацию не героя, а кондотьера. Он обучал местных жителей военному делу для пополнения рядов британских войск и умирлял мятежников, восставших против французских посягательств на их земли. Правители ценили его как избавителя от наемных убийц и одаривали золотом, рупиями и драгоценными камнями. От Ост-Индской компании он получил право торговать, у него были коммерческие интересы в Бомбее, Мадрасе, Китае и Персии. За деньги он соглашался воевать где угодно.

И вдруг год назад или около того герцог имел наглость позвать Эйдриана домой, сообщив, что он смертельно болен и готов помириться. Домой? Черта с два! Эйдриан вернулся в Англию только по одной причине: надо быть полным дураком, чтобы отказаться от наследства, которое принадлежало ему по праву. Других причин у него не было, хотя он уже осознал, что пора остепениться.

А что ему делать сейчас, если он вознамерился заполучить женщину, недостижимую для него из-за обязательств дружбы с ее братьями?

— Эйдриан...

Он задумчиво взглянул на хозяина дома:

— Да?

— Я спросил, за что ты просишь извинить тебя? — Голос Хита прозвучал немного укоризненно.

— Извинить? А! — Эйдриан нахмурился. Наверное, удар по голове все-таки был нешуточным, раз он не ответил сразу. — Ну, я сожалею о том, что причинил столько беспокойства. Чертовски глупо получилось. Подумать только, о твою башку сломали кресло... А теперь за мной следят, как за непорочной девицей.

Хит вздохнул.

— Ты защищал мою сестру, так что извинения излишни.

— Вовсе не излишни. — Эйдриан смерил его сердитым взглядом. — Обидчик сбежал, а я, словно девчонка, свалился в обморок у ног твоей сестры. В общем, мне нужно будет закончить то, что я начал. Где живет этот сэр Уильям?

— Дрейк и Девон уже собирались нанести ему визит, но Эмма умолила его простить. Она не любительница скандалов в отличие от нас. Ради нее оставим все как есть.

— Мне не нужна ничья помощь! — с жаром заявил Эйдриан. — Я бы сам мог бросить ему вызов.

Хит засмеялся:

— Боюсь, что сейчас, дружище, ты даже не можешь сам стоять, не говоря уже о драке на дуэли.

Эйдриану пришлось согласиться.

— Будь все проклято. Ты настаиваешь, чтобы я остался в твоём доме?

— По-моему, тебе необходимо проглотить еще ложку снотворного.

— Чтобы меня свалить, нужна целая бутыль этого колдовского зелья.

Эмма поднялась по лестнице, чтобы совершить ритуал ночного обхода. Хит любезно предоставил мансарду своего городского дома для спальни пансионеров. Недолгое время Эмма пользовалась гостеприимством младшего брата, Девона, но у Хита дом просторнее, к тому же они с женой Джулией часто путешествовали. Конечно, Эмма надеялась устроить свою академию в более удобном месте, в деревне, например. К концу лета она должна принять решение.

Впервые мысли об ученицах — порой почтительных, а порой дерзких — не вдохновили Эмму на новые педагогические подвиги, так как сегодня она усомнилась в собственной непогрешимости. Она — лицемерка, одиозная фигура, а таких светское общество презирает. Эмма не могла подобрать подходящее слово своему поведению. Однако что сделано, то сделано. Самое непонятное — это то, с какой легкостью она потеряла голову. Оказывается, она еще способна получать чувственное наслаждение.

Эмма задержалась на пороге мансарды. В комнате спали тринадцать девочек. Ну чем не шабаш ведьм? Они вполне могут своими проделками свести с ума директрису.

Две недели назад еще четыре молодые леди, живущие за городом, сообщили о своем желании поступить в ее академию. Одна из теперешних учениц имела родственные связи с королевской семьей, другая была помолвлена с кузеном французской маркизы, и поэтому понятно желание родителей придать блеск манерам дочери, прежде чем она отправится в Бургундию. Эмма считала своим священным долгом обучить юных аристократок всему необходимому для светской жизни.

У нее была еще одна веская причина, чтобы преуспеть: бывшая школьная подруга Эммы, леди Клипстоун, месяц назад тоже открыла похожую школу и превратилась в ее заклятого врага.

А что будет теперь... после ночного приключения? Необъяснимый, немислимый случай, о котором лучше забыть.

«Я хочу вас и умираю от желания».

Его желание — овладеть ею. Эмма усмехнулась. Она знала, как ее называют: «утонченный диктатор», «миссис брюзга». Разве можно поверить, что всего полчаса назад она уступила любовному натиску... наемника? Она сошла с ума? Да нет. Просто у нее в жилах течет жаркая кровь многих поколений Боскаслов.

Выходит, она такая же, как ее братья. Возможно, она кончит даже хуже. Они, по крайней мере, грешили открыто и не искали для себя оправданий. А она совершила свой проступок втайне от всех и надеялась, что ее секрет не выплывет наружу. Она себе не простит, если кто-нибудь об этом узнает. Она всегда строго осуждала проступки братьев, а себя будет судить еще строже. Да, все Боскаслы стоят друг друга.

С одной из кроватей доносилось слабое похрапывание. Эмма со вздохом пересекла комнату.

Можно было сразу догадаться, что звуки исходят от Харриет Гарднер, новой девочки, жившей раньше в трущобах Сент-Джайлза. Взяв из чувства сострадания под свое покровительство рыжеволосую уличную девчонку, Эмма сотню раз спрашивала себя, почему ей пришлось в голову пожалеть Харриет, которая сразу заявила, что Эмма зря старается ее перевоспитать.

Эмма боялась, что интерес к Харриет не что иное, как проявление материнского чувства, которое, сколько бы она ни старалась, ей не подавить. Харриет в свои семнадцать лет была выброшена семьей на улицу, где ее ждала участь воровки и проститутки. Как такой девчонке выжить в Лондоне? У Эммы болела за нее душа, и, хотя она знала, что некоторым несчастным уже ничем не поможешь, она все-таки решила рискнуть.

Тонкие пальцы Харриет сжимали палку, с которой она не расставалась каждую ночь. Эмма наклонилась, чтобы забрать это «оружие» из кулачка девочки, но передумала. Кто знает, какие кошмары преследуют ее во сне? А если то, что она видела в жизни? Если девочке это нужно, чтобы заснуть, то пусть спит с дубинкой хотя бы еще несколько дней.

— Эй ты, франт! — выкрикнула Харриет и резко села в кровати с поднятым в руке «оружием». — А ну, гони назад мою гинею, гнусный подонок, не то выпущу тебе кишки!

Эмма вздрогнула и нагнулась, чтобы вытащить палку из кулачка девочки.

— Харриет, Харриет, проснись! Это тебе снится. Слышишь меня? В этом доме тебе ничто не угрожает. — И здесь нет... — Эмма запнулась, — гнусных подонков, здесь твои друзья.

— Леди Лайонс? — Харриет заморгала, просыпаясь, и сконфуженно улыбнулась. — Будете знать, как тихонько подкрадываться. Все-то вам нейдет. Я чуть вас не оглоушила палкой.

Было бы два человека, которых оглоушили за один день... Это уж слишком, подумала Эмма.

— Харриет, я предупреждала — не употребляй просторечных форм и следи за тем, как ты произносишь слова. Ты глотаешь буквы, и голос у тебя такой пронзительный, что может распугать конную гвардию на параде.

Харриет засмеялась:

— Вот уж скажете, мэм! — Она обхватила худенькие коленки и устроилась поудобнее, чтобы поболтать. — Вы что-то припозднились. Небось, были с его светлостью? Красавчик, ничего не скажешь. От таких мурашки по спине бегают.

У Эммы загло затылок. Либо Харриет обладает сверхъестественной проницательностью, либо у нее, Эммы, виноватый вид.

— Тише, Харриет, и воздержись от неприличных замечаний. Его светлость... Господи, он еще не стал герцогом. Для нас он — лорд Вулвертон.

— Он Волк, и все тут, — со знанием дела улыбнулась Харриет. — А что это значит, мы с вами знаем, да?

Эмма удивленно подняла бровь.

— Даже если и знаем, то ни в коем случае не станем об этом говорить, а тем более — обсуждать то, о чем мы с тобой догадываемся, с другими, менее опытными девочками.

— Но кто-то же должен их просветить? — с ехидной улыбкой сказала Харриет.

Эмма чувствовала удивительное легкомыслие. Вероятно, это запоздалая реакция после собственного любовного опыта.

— Нет, моя девочка, это сделаем не мы с тобой. Когда женщина выходит замуж, ее наставником в таких делах становится муж.

Харриет фыркнула.

— Разговор слепого с немым. Если вы хотите, чтобы мы всему научились, то отправьте нас на парочку ночей к миссис Уотсон, в бордель на Брутон-стрит. Я слыхала, она дает уроки по любовной части.

— У меня кровь стынет при одной только мысли.

— Там кровь не застынет.

— Харриет, успокой меня и скажи, что ты никогда не работала в подобном заведении, — в ужасе прошептала Эмма.

— Я там как-то работала, — прошептала в ответ Харриет, — но всего лишь служанкой на побегушках, да и то недолго, пока меня не застукали, когда я подглядывала в щелочку. Ну! Чего я насмотрелась! Некоторые такое вытворяли... словно они ненормальные. Понимаете, о чем я? Ну, куда мужчины пихают свои...

Эмма закрыла глаза.

— Никогда, слышишь, никогда никому не обмолвись о том, что ты работала в этом притоне. Поняла? С этим покончено! Забудь об этом, словно ничего не было!

Такой совет всегда давал отец Эммы, когда кто-либо из детей прибежал к нему пожаловаться на обиду. Правда, Эмма не была уверена, что человек всегда может все забыть.

Харриет так пристально смотрела на Эмму, что той сделалось неловко.

— Леди Лайонс, а вы хоть раз в жизни сделали что-нибудь плохое? Небось, нет.

— Конечно, делала. Как и все.

— Да я не про то говорю. Ну, не про то, чтобы стянуть лишнее печенье с подноса. Я про настоящий грех, когда вы стали взрослой. Что-то такое, от чего страшно заснуть.

Эмма покачала головой:

— Леди не задают таких вопросов, а ты, нравится тебе или нет, обязательно станешь леди. А теперь спи. Ты разбудишь девочек.

Харриет улеглась, но тут же снова села, опершись на локоть.

— Я вас не выдам, если вы будете ко мне хорошо относиться.

Эмма резко обернулась. У нее волосы зашевелились. Конечно, было бы лучше оставить это замечание без внимания.

— Не выдашь меня? Ты о чем?

— Я про вашу соперницу, мэм. Про эту тощую леди Клипстоун. Она настрочила письма родителям девочек и пообещала учить их три месяца бесплатно.

Эмма сощурилась.

— Мстительная женщина.

— Ага. И это еще не все. Хотите узнать?

— Нет, не хочу.

Хотя, конечно, Эмме очень хотелось узнать.

— Она и меня переманивает. Moi [\[2\]](#). Во! Здорово я сказала по-французски?

У Эммы было такое ощущение, будто она стоит на краю дурно пахнущей выгребной ямы.

— Но почему, скажи на милость, леди Клипстоун хочет тебя переманить?

Харриет постучала себя указательным пальцем по виску.

— Ей нужны мои мозги.

— Что? — не поверила Эмма. — Но ты ведь только начала обучаться всему необходимому для молодой леди.

— Ага. Но я знаю много секретов. Я же все вижу, и я не оглохшая.

— Не глухая, — машинально поправила ее Эмма. — Харриет, ты здесь всего две недели, даже меньше. Не представляю, что такого интересного ты могла увидеть и услышать.

— А вот и неправда. — Харриет хитро усмехнулась. — Я же как мышонок — везде

поспеваю.

Эмма огорченно смотрела на свою ученицу.

— Харриет, надеюсь, что все увиденное или услышанное ты будешь держать при себе. Ты должна сосредоточиться на уроках.

— Неужто я такая неблагодарная? — хмыкнула Харриет.

— Хочу думать, что нет.

— Я вас не предаю, леди Лайонс.

— Как мне повезло, — пробормотала Эмма и повернулась к кроватям других девочек. Господи, неужели ей удастся превратить этого сорванца в воспитанную юную леди?

— Не вешайте нос, леди Лайонс. И не позволяйте ей вас обставить.

— Что ты хочешь этим сказать? — прошептала сквозь зубы Эмма.

— Да я про леди Клипстоун. Если она унюхает скандал — а этот Волк так на скандал и нарывается, — то... — тут Харриет провела ладонью по горлу, — вам крышка.

Эмма прищурилась.

— Ты полагаешь, что меня так легко победить?

Харриет нырнула под одеяло.

— Если я на вашей стороне, то нет. Услуга за услугу. Сговорились?

— Никаких сговоров, Харриет. Но... пожать твою руку в знак доверия я могу.

Харриет выждала четверть часа после ухода Эммы, потом спрыгнула с кровати и начала будить остальных девочек.

— Ну, во что поиграем сегодня? — спросила она.

Девочки, недовольно зевая и потягиваясь, просыпались. Мисс Лидия Поттер сложила руки на пышном бюсте.

— Только чтобы не бегать по мокрой аллее и не подглядывать в окно борделя.

Харриет смерила ее презрительным взглядом.

— А кто хочет посмотреть на герцога и защитника леди Лайонс?

Девочки прекратили верещать и с опаской уставились на Харриет.

— Что ты сказала? — переспросила старшая из воспитанниц.

— То, что слышала, — огрызнулась Харриет. — Ну как, играем? Или вы все трусите? Неужто страшно увидеть живьем мужчину, за которого вам всем не терпится выскочить замуж?

Женский голос нарушил приятный сон. Эйдриану на мгновение показалось, что это Эмма. Преодолевая дурман, он хотел было ответить ей, но... что за нелепое хихиканье у его постели? Это не может быть Эмма.

Он со стоном открыл глаза и увидел у себя перед носом девчонку, лицом смахивающую на уличную беспризорницу. Она нахально улыбалась и уже протянула руку, чтобы стянуть с него одеяло. Эйдриану словно вылили на голову ведро соленой морской воды. Он мгновенно проснулся и закричал:

— Ах ты, дьявольское отродье! Где моя сабля? Я сейчас отрублю тебе башку!

Девчонка отскочила. Эйдриан огляделся и, к своему ужасу, заметил за ее спиной еще несколько юных особ женского пола, выпучивших на него глаза.

Он спрыгнул с кровати, споткнулся о стол и шагнул к ним, путаясь в простынях, обмотавшихся вокруг ног. Девушки, испуганно повизгивая, отскочили в сторону. На Эйдриана вдруг навалилась дурнота, все кругом потемнело, но он успел разобрать, что Эммы среди этих хихикающих дурочек не было. Может, он все еще спит?

— Убирайтесь вон, наглые чертовки! — гаркнул он, угрожающе махнув в их сторону рукой.

— Вот, значит, как выглядит герцог, — прошептала та, что посмелее. — Даже не представляла, что у них все такое большое.

Такое большое? Неужели с него свалились штаны? Нет, слава Богу, штаны под халатом на месте. Но с ногами что-то неладное — они окаменели.

Словно в дурмане, он слышал приглушенные, испуганные крики, видел, как девицы разбежались в темноте подобно жалким мышкам. Какая наглость! Заявиться в комнату спящего мужчины, чтобы поглазеть на него. А он беспомощен... Как она его назвала? Беспомощен, как бабочка.

Эйдриан сделал еще одну неуклюжую попытку догнать непрошенных гостей или хотя бы отругать, но сил не было. Снотворное, которое он проглотил по настоянию Хита Боскасла, погрузило бы в сон обычного человека, по крайней мере, на три дня, а на такого железного, как Эйдриан, могло подействовать только до утра. Сейчас он чувствовал, что голова разламывается, руки и ноги налились свинцом и еле двигаются.

Он еще разок сердито крикнул, чтобы показать, как он разгневан, и тяжело опустился на кровать.

Возможно, утром к нему вернутся силы, и тогда он отыщет назойливых мышек и покажет им, что с лордом Вулвертоном шутки плохи. Но вначале он найдет Эмму Боскасл и попросит извинить его за ту обиду, что ей нанес.

Вообще-то, честно говоря, он не чувствовал себя виноватым. Их встреча стала самым ярким впечатлением с тех пор, как он вернулся в Англию. Она единственный человек — вернее, единственная женщина, — кто проявил искреннюю заботу о нем, не думая о том, что получит взамен. И еще — он всегда питал слабость к женщинам, обладающим острым умом.

В этой проклятой стране все лебезили перед ним, едва узнав, что он наследник герцога. Словно титул, который он получил при рождении, сам по себе является предметом гордости.

Он имел несчастье родиться тем, кем родился, и все сознательные годы жизнь Эйдриана была такой, что он убеждался в этом: в том, что родился в грехе.

Особенно он не переживал по этому поводу — по большому счету ему безразлично, правда это или нет. Но это было до того, как Эмма Боскасл стащила для него засахаренные цветочки со свадебного пирога.

Эмма легла спать со слабой надеждой на то, что, когда проснется, вдруг окажется, что событий предыдущего дня просто не было. Но первое, о ком она подумала, открыв глаза, был он. Раненый скандальный лорд. Волк, лежавший в постели. Он действительно болен или затаился? Она не знала, чего ждать, поскольку похожих случаев в ее жизни не было.

Но она была уверена, что стоит ей приступить к каждодневным обязанностям, к урокам с ученицами — этими дикими бутонами, которым предстоит расцвести полным цветом и превратиться в благовоспитанных леди, — и она сможет выкинуть Эйдриана Раксли из головы. Трудности воспитательной работы — лучшее лекарство.

Шел мелкий дождь. Камин погас, оставив запах золы. В комнате было сыро.

Эмма свернулась калачиком под одеялом и лежала, прислушиваясь к шуму экипажей и стуку копыт по лужам за окном. Дождь ритмично барабанил по крыше, с улицы доносился крик продавца пирожков, предлагавшего свой свежееиспеченный товар. У нее забурчало в животе от голода. Ужасно захотелось есть, но не обычный завтрак, состоявший из чая,

тостов и тонкого ломтика сыра. Хочется чего-то основательного: бифштекса с поджаристой корочкой и лукового пирога, например.

Она медленно отбросила одеяло. В теле ощущалась непривычная бодрость, и даже холодный воздух ласкал тело.

Как он осмелился?!

Интересно, он спокойно спал ночью?

Эмма быстро умылась дорогим апельсиновым мылом, привезенным из Испании. Это мыло она приберегала для особых случаев: когда готовилась к приемам во дворце или на Рождество. Сегодня тоже особый день. День, когда она твердо решила ни за что не отвлекаться от жизни, которую выбрала, — посвятить себя обучению юных особ, сделать из них образцовых леди и оправдать надежды родителей, отдавших на ее попечение своих дочек.

За завтраком она осведомилась о лорде Вулвертоне, и Хит сообщил ей, что Эйдриан, очевидно, еще жив, но спит. Эмма не осмелилась спросить, что это означает.

Лучше не тревожить спящего зверя. Интересно, Эйдриан провел такую же беспокойную ночь, как она?

— Если ты о нем беспокоишься, — раздался голос Хита из-за развернутой утренней газеты, — то я с удовольствием могу сопроводить тебя к нему.

Эмма покачала головой:

— Может, позже. У меня сегодня много дел. Навещу его, когда он отдохнет.

Хит вопросительно приподнял бровь. Или ей это показалось, так как его лицо было наполовину скрыто газетой? Эмма сделала вывод, что, по крайней мере, о драке на свадьбе в газете не упоминалось.

— Пожелать ему доброго утра от твоего имени? — спросил Хит, когда она встала из-за стола.

— Конечно.

— Я ему объясню, — ровным тоном продолжал брат, — что ты очень занята и у тебя совершенно нет времени, чтобы посидеть у его постели.

Эмма была глубоко привязана к своим четверем братьям. Она их очень любила, даже если они пытались ее поддеть.

— Ты мог высказать это не столь прямо.

— Пусть тебя не волнует Волк, Эмма. Он не отличается чрезмерной чувствительностью.

— Уверена в этом.

— Я позабочусь о нем вместо тебя.

— Какое утешение, — буркнула Эмма, взявшись за ручку двери.

— Я был уверен в таком ответе, — засмеялся Хит.

Проснувшись утром, Эйдриан ощутил лишь незначительную боль в голове, как напоминание о тех неприятных моментах, которые довели его до столь унижительного положения. Он тут же подумал об Эмме. Увидит ли он ее снова, или она будет его избегать? Зевнув, он откинул полог кровати и услышал женский голос, доносившийся из-за двери. Но он не узнал мягких интонаций Эммы. Наверное, это опять одна из тех мышек, что подглядывали за ним, пока он спал.

Он встал, подошел к обитому розовым атласом диванчику и уселся, с трудом поместившись среди вышитых подушек. От предпринятого усилия у него застучало в висках, но это была тупая боль, на которую можно не обращать внимания.

В дверь осторожно постучали, затем, женский голос спросил:

— Вы не спите, лорд Вулвертон?

Это не голос одной из мышек.

— Нет, не сплю.

— Мы с Шарлоттой можем войти? Это жена Хита Джулия. Со мной кухня мужа. Мы ненадолго.

Джулия — жена лорда Хита, и она точно не принадлежит к категории дам, способных глазеть на спящего незнакомого мужчину. Вот ее муж — совсем другое дело. Он на многое способен. Эйдриан усмехнулся, вспомнив о скандале, в который Хит угодил из-за рыжеволосой дочки виконта как раз перед их свадьбой в прошлом году. Она нарисовала его обнаженным, как Аполлон, а потом потеряла свой рисунок. Весь Лондон веселился, когда рисунок всплыл на плакатах, расклеенных по городу.

— Пожалуйста, входите.

— Вы проснулись — это хорошо, — войдя, сказала Джулия. — Наверняка умираете от голода. Омлет с беконом еще теплый. Хотите, чтобы ваш камердинер побрил вас до завтрака или после? Он уже давно здесь с вашими вещами. Вот уж никогда не думала, что вас можно сбить с ног, Эйдриан.

Он откинул голову на спинку диванчика. Чего он хочет? На самом деле он хочет, чтобы позади Джулии стояла Эмма, а не ее миловидная белокурая кухня, голубые глаза которой искрились от смеха.

Эйдриан вздохнул. Он, конечно, обещал Эмме не напоминать о том достопамятном вечере, но это не означало, что он не надеялся все повторить. Его вдруг охватила злость на самого себя. С какой легкостью он лишился расположения Эммы, и все из-за нетерпения склонить ее к интимной близости!

— Лорд Вулвертон? Мне послать за доктором? Вам стало хуже? — спросила Джулия, обеспокоенная его молчанием.

— Может, следует позвать леди Лайонс? — предложила Шарлотта.

— Подожди. — Глаза Джулии смотрели очень шаловливо. — Сегодня утром она обучает поведению за столом. Ты же знаешь, она не любит, когда ее отвлекают во время такого важного урока.

Манеры за столом!.. Эйдриан едва не рассмеялся. Он почти услышал, как она своим мягким голосом с изящными интонациями объясняет ученицам, почему абсолютно недопустимо пользоваться ножом, когда ешь горох.

— Лорд Вулвертон, — снова раздался голос Джулии, на этот раз более громкий, — позвольте взглянуть на ваши глаза.

Он заморгал и уставился на нее.

Джулия — высокая решительная женщина, с которой невозможно не считаться. Как утверждают, Хит Боскасл был влюблен в Джулию много лет, но едва не потерял ее, когда отправился на войну. Эйдриану припомнилось, что любовь между Джулией и Хитом возникла после того, как она выстрелила ему в плечо. Он счел это случайностью, но кто знает... Боскаслы имели склонность жениться на волевых женщинах, способных увековечить в потомстве их страстные натуры.

— Зачем вам смотреть на мои глаза? — спросил он.

— Чтобы понять, в состоянии вы отвечать на вопросы или нет.

— Разве я не отвечаю вам должным образом?

У Джулии многозначительно изогнулась бровь.

— Шарлотта, мне кажется, что твое предложение привести Эмму вполне разумно.

— Почему? — удивилась Шарлотта.

— Потому что она привыкла иметь дело с упрямыми.

— И с неисправимыми, — с улыбкой уточнила Шарлотта.

— Простите, — сказал Эйдриан, — вы обе пришли сюда, чтобы насмеяться надо мной?

— Мы всего лишь думаем о вашем здоровье и благополучии, — как ни в чем не бывало ответила Джулия.

Он удивился. Неужели за его долгое отсутствие женщины в Англии научились свободно высказывать свое мнение? Или это особое влияние мужчин семейства Боскаслов? Вникать в это он не собирался, но если он когда-нибудь женится, то предпочтет женщину, которая не боится собственной тени. Или его самого.

Брак. От него будут этого ждать, когда он примет титул.

Титул подразумевает рождение сыновей и разведение лошадей. Что ж, такие виды на будущее его прельщают.

— Упрямый, — пробурчал он. — И безнадежный.

— Возможно, последнее определение несколько преувеличенно. Но моя невестка — семейный образец благопристойности, и мы все немножко ее побаиваемся.

— Немножко? — Шарлотта тоже засмеялась.

Побаиваются? Эйдриан про себя улыбнулся. Эмма вполне может устроить кого угодно. Он сам немного ее побаивался, пока они не остались одни, и она не отбросила сдержанность.

— Джулия хочет сказать, — пояснила Шарлотта, — что Эмма расточает свои заботы на тех из нас, в ком угадывает недостатки.

В комнату еще кто-то вошел, и Эйдриан не успел обмозговать эти слова. Он поднял голову, надеясь, что пришла Эмма, чтобы расточать на него свои заботы, но это был ее брат Хит.

— Наш герой с утра пораньше демонстрирует свои недостатки? — насмешливо осведомился он, услышав последние слова разговора.

Хит подошел к жене и обнял за талию.

— Мы обсуждали то, как Эмма преуспела в своих заботах о других, — сказала Джулия, прильнув к мужу.

— Понятно, — улыбнулся Хит. — Это правда. Моя сестра, вероятно, будет надоедать

тебе своими заботами, покаты находишься на ее попечении.

— Да? — нарочито равнодушно произнес Эйдриан. «На ее попечении». Это звучит очень соблазнительно. Он добавил: — Я постараюсь не привлекать к себе излишнего внимания.

— Замечательное решение, — сказал Хит, встретившись с ним взглядом.

Эйдриан понял намек и еще понял, что ему не удалось скрыть своего интереса к Эмме. А Хит продолжал:

— Моя сестра находит счастье в том, чтобы исправлять недостатки в поведении других.

— Надеюсь, она простит меня за вчерашнее, — с улыбкой сказал Эйдриан. А за прошлую ночь? Простит ли она его? И сможет ли он заставить ее поверить в то, что для него подобное поведение так же непривычно, как и для нее?

Хит пожал плечами:

— Она выглядела вполне спокойной за завтраком.

Эйдриан поерзал. Он чувствовал себя по-дурацки, потому что полулежал со скрещенными ногами, не помещавшимися на диване.

— Кстати, о завтраке. — Хит обратился к дамам: — У Волка голодный вид. Покормим его, чтобы поддержать силы перед визитом лекаря?

Эйдриан недовольно фыркнул и едва не сказал, что визит этого шарлатана ему не нужен. Но что-то его остановило. Он закинул руки за голову.

Он знал, что его остановило. Вернее, кто.

Если Эмме Боскасл необходимо расточать свою заботу на грубых, неотесанных субъектов, то в лице Эйдриана она нашла подходящую личность. Ему это совершенно необходимо, но согласится ли она? И каким образом попросить ее об этом, да так, чтобы она не отказалась и чтобы не оскорбить ее семью?

Эмма не могла сосредоточиться — лицо Эйдриана стояло у нее перед глазами.

Это неотразимое лицо. Как удивительно оно меняется! То холодное и жесткое, как у древнескандинавского бога, то веселое, когда он шутит, то потерянное, словно он заблудился в пути.

Эмма опустила глаза в учебник по этикету, который она только что громко читала, и не могла отыскать место, где остановилась. Да и вспомнить, про что читала, тоже не могла. Кажется, о манерах за столом. Это очень важно.

— Ворон считаете? — прервал ее мысли нахальный голос Харриет.

Эмма вздрогнула и вернулась к действительности. Дождалась! Теперь даже уличная девчонка делает ей замечание. Она прокашлялась.

— Учиться умению вести себя за столом надо буквально с рождения, — сказала она, переходя к хорошо знакомому предмету. — Прилежная няня не допустит, чтобы малыш ел яйцо без чистого льняного нагрудника. И даже совсем маленький ребенок должен научиться есть, не расплескивая суп.

Эмма замолчала, увидев, что одна из учениц вот-вот упадет со стула.

— Боже мой! Мисс Баттерфилд засыпает на уроке? Это недопустимо!

— Во всем виновата Харриет, — заявила другая девочка. — Она не дала нам выспаться.

Эмма захлопнула книгу.

— Эми! Эми!

Мисс Баттерфилд вздрогнула и очнулась. Остальные ученицы злорадно улыбались,

слушая, как несчастная мисс Баттерфилд получает выговор от леди Лайонс. Если выговор делается не тебе, то это даже весело.

Эмма нахмурилась. Из головы не выходили карие глаза и чувственный рот. Так не может продолжаться. Она всего лишь вчера встретила этого человека, а он уже мешает ее занятиям.

Она повысила голос:

— Теперь поговорим о том, как держать ложку и вилку!

Харриет шумно выдохнула и сгорбилась на стуле.

— Мы еще говорим об этом грязном сосунке?

Тут вскочила мисс Баттерфилд и со слезами в голосе выкрикнула:

— Это ты во всем виновата, Харриет Гарднер. Мне попало из-за тебя, потому что ты со своими дурацкими играми не дала нам спать.

Эмма побледнела. Еще одна новость!

— Дурацкие игры? — Она подошла к Харриет. — Надеюсь, что я ослышалась? Неужели прошлой ночью ты тайком бегала в притон и водила с собой других девочек?

Харриет стояла с поникшей головой, всем своим видом изображая кротость и смирение.

— Нет, леди Лайонс, клянусь, я не делала этого. Нечестно меня обвинять.

Мисс Баттерфилд вскочила со стула:

— Ах ты, грязная бродяжка! Расскажи лучше, что ты сделала. Да, расскажи, Харриет Гарднер.

Харриет, тряхнув головой и подняв кулаки, бросилась на обидчицу, но Эмма успела схватить ее за руку.

— Это ты кого назвала бродяжкой? — завопила Харриет. — Пошла ты знаешь куда...

Эмма зажала Харриет рот, зная по опыту, что сейчас полетится поток грязных ругательств. Мисс Баттерфилд стояла, ухмыляясь, но Шарлотта Боскасл, подтолкнув ее в бок, усадила на место.

— Харриет не выходила из дома. Она уговорила нас пойти взглянуть на наследника герцога, — вмешалась другая ученица.

Час от часу не легче.

— Что?! — воскликнула потрясенная Эмма. — И разбудила лорда Вулвертона? — Она отняла ладонь ото рта Харриет. — Как ты посмела?

— Я просто хотела посмотреть на его светлость, пока он спал. Какое же это преступление?

Одна из младших девочек тоже вступила в разговор:

— Она уговорила нас посмотреть на него, когда он спал, леди Лайонс. Она сказала, что если мы хотим выйти замуж за герцога, то должны увидеть, как он выглядит, когда спит.

Эмма не осмелилась спросить, что именно они увидели.

Через час Эйдриан засомневался: стоит ли продлевать срок своего выздоровления ради того, чтобы таким хитрым способом привлечь внимание Эммы? Он также не был уверен, что вынесет пребывание на положении больного еще один день. Солдаты, сражавшиеся под его началом, надорвали бы животы от смеха, если бы увидели, как ему приносят завтрак в постель.

И это ему! Он отказался от бренди, когда ему зашивали рану от кисти до лопатки. Вот была картинка: ему засунули между зубов палку, чтобы заглушить крики, а пьяный лекарь ругался и обливался потом.

Он останется в этом доме только по одной-единственной причине. И эта причина не имеет никакого отношения ни к его ране, ни к физической слабости, зато имеет прямое отношение к его желанию быть рядом с Эммой Боскасл.

Правда, она ясно дала понять, что не желает иметь с ним ничего общего. Поэтому ему нужно проявить большую изобретательность и показать себя с лучшей стороны. Раньше его мало волновало, какое он производит впечатление. Тонкостью обращения он не отличался, а это значит, что ему предстоят большие трудности.

Эйдриан продолжал лежать, глядя в окно на церковные шпили и серое небо. Но долго поваляться в одиночестве ему не пришлось — его раздумья прервал очередной посетитель. Он подавил невольный стон, когда увидел кузена Эммы сэра Гейбриела Боскасла, красавца, картежника, а в прошлом закаленного в боях солдата. Гейбриел часто попадал в серьезные жизненные передряги и отличался мрачным юмором. Когда-то он не ладил со своими лондонскими родственниками, но сейчас, кажется, они помирились.

— Посмотрите-ка на нашего маленького больного. Я слышал, что вчера ты своей головой испортил прекрасное кресло.

Эйдриан хмыкнул. Ловеласа Гейбриела не всегда жаловали в свете. Впрочем, как и Эйдриана.

— Я вполне могу вскочить на ноги и придушить того, кто напомнит мне об этом позоре. Гейбриел рассмеялся.

— По крайней мере, твоя голова покоится на премиленьких шелковых подушках. Не принести ли тебе букетик цветов?

Эйдриан тоже засмеялся, правда, не столь охотно.

— Наверное, скоро начну читать журналы мод.

— Шутки в сторону. Как ты себя чувствуешь? — спросил Гейбриел, устроившись в кресле.

— А как я выгляжу?

Гейбриел пожал плечами:

— На этом диванчике — чертовски странно. Почему ты еще здесь?

— Да просто коротаю время.

Гейбриел понизил голос:

— Ты понятия не имеешь, что тебе грозит.

Эйдриан подался вперед. Любопытно!

— Объясни, в чем дело.

— Беги, мой друг, и поскорее. Это место не для таких, как мы с тобой... ценящих свободу.

— Ты о юных ученицах? Полагаю, что смогу их отпугнуть.

— Да нет, я не о них. Я имею в виду Эмму, директрису. Беги отсюда во всю прыть, пока ее изящные, но цепкие ручки не схватили тебя мертвой хваткой.

Теперь любопытство Эйдриана разыгралось вовсю.

— Бежать от Эммы? Да она и до плеча мне не достает. — А про себя подумал: характера у нее хватит на двоих.

Гейбриел мрачно улыбнулся:

— Стоит ей узнать о твоём жалком прошлом, как она свернет горы, лишь бы ты начал вести благопристойную жизнь.

Слова Гейбриела скорее интриговали, чем пугали. Кашлянув, Эйдриан сказал:

— Должен заметить, Гейбриел, если она хотела спасти тебя, то, кажется, потерпела фиаско.

Гейбриел несколько не обиделся.

— Некоторых из нас уже не исправишь. Я стараюсь не попадаться ей на глаза. У тебя, конечно, нет выхода. Ты знаешь, как ее называют в семье? Утонченный диктатор.

Эйдриану было забавно это слушать, но он виду не показал. Наверное, Эмме пришлось стать диктатором. В семье, где у всех сильные характеры, нежную фиалку могли и затоптать.

— На твоём месте я поступил бы точно так же, если бы увидел, что ее оскорбляют, — сказал Гейбриел. — Но тебе следовало пригнуться — тогда бы ты не сломал кресло.

— Замечательный совет. — Эйдриан вытащил из-за спины подушку и запустил ею в Гейбриела. — Вот ты и пригнись.

Гейбриел со смехом увернулся.

— Я тебя предупредил, так что потом не жалуйся. Лежишь здесь, раненный... Да ты идеальная мишень. Эмма пойдет на тебя крестовым походом. Знаешь, это достаточно мучительно, когда она за тебя берется, потому что... в ней есть что-то такое, от чего хочется стать лучше. Она наставляет тебя, ты делаешь вид, что внимаешь ее наставлениям, и не успеешь оглянуться, как ее ангельский голос проникает тебе в душу. Словно на плечо опустился ангел совести, а ты как раз сейчас собрался гульнуть.

— Ну, не думаю, что с нами ей в обозримом будущем повезет.

— Я тоже. — Гейбриел кинул подушку обратно. — Но это вовсе не значит, что она откажется от задуманного и не подвергнет нас исправительной пытке.

Эйдриан рассмеялся. Сколько он себя помнил, никто его не пытался исправить. Что ж, это звучит даже заманчиво.

— Гейбриел, она может наставить на путь истины юных девиц, а не украшенных шрамами солдат, как мы с тобой.

Гейбриел встал, собираясь уходить.

— Я вот что подумал. Она тебя отшлифует для какой-нибудь дебютантки. Могу подать ей такую мысль прямо сейчас.

— Господи, к чему тебе это?

Гейбриел хитро улыбнулся:

— Потому что пока она будет занята одним грешником, то до меня у нее руки не дойдут. Ее утонченная внешность обманчива, Эйдриан. Эмма такая же своевольная, как ее братья.

У Эммы от волнения застучало в висках. С чего она взяла, что сможет превратить девчонку из низов в леди?

Подглядывали за спящим лордом Вулвертоном! А спал ли он?

— Харриет, в какое время вы совершили этот непростительный поступок? — задыхаясь, спросила Эмма.

Харриет повела худеньким плечиком.

— Как вы кончили нас сторожить и ушли...

— Я вас не сторожила. Лорд Вулвертон проснулся, когда вы к нему явились? — раздраженно потребовала ответа Эмма.

— А что, не слышно было? Он так заорал, что стены чуть не рухнули.

— Леди Лайонс, отошлите ее обратно в трущобы, — посоветовала Лидия Поттер. —

Мои родители будут очень недовольны, если узнают, что я общаюсь с такими, как она.

Харриет на это лишь ухмыльнулась:

— А большого коричневого паука под нос не хочешь получить, когда заснешь?

Эмма сжала руку Харриет:

— Ничего подобного ты не сделаешь. Пожалуйста, Харриет, веди себя прилично.

— Зря стараетесь. Ничего у вас не получится, и все это знают. Я плохо кончу и остальных испорчу. — Она произнесла это равнодушно и без всякого вызова, как будто давным-давно смирилась.

Эмма разрывалась на части. У нее были обязательства перед платными ученицами, она обещала родителям, что их дочери из неловких особ превратятся в обворожительных юных леди.

Но никто не хочет помогать попрошайкам и сиротам, покинутым и униженным. Неужели все они безнадежны? Разумеется, не все. И, разумеется, совестливая женщина не может спать спокойно, не сделав попытки им помочь.

Эмма отпустила руку Харриет.

— Я попробую еще раз. — Она взяла со стола учебник и продолжила урок: — Изобретение столовых приборов, таких как ложка, предшествовало появлению колеса.

— Черт! Кто бы догадался? Не все ли равно? — пробурчала Харриет.

Эмма не обратила внимания на то, что ее прервали.

— Кто-нибудь знает, что отличает джентльмена от — мне претит произносить это слово — деревенщины?

— Его предки? — радостно выкрикнула мисс Баттерфилд.

— Нет. Это умение пользоваться вилкой...

— Ничего себе! — фыркнула Харриет. — Такое и в голову не придет.

— ...вместо ложки, — спокойно закончила Эмма. — Использование, вилки вместо ложки отличает джентльмена от человека более низкого происхождения. Осмелюсь заметить, что до сих пор на нашем просвещенном острове живут люди, которые не едят, а черпают еду, да и понятия не имеют о приличном поведении за столом. Харриет тоскливо смотрела на Эмму:

— Леди Лайонс, неужели вы взаправду думаете, что есть ложкой — самое страшное преступление? Я бы вам порассказала...

— Пожалуйста, не надо, — поспешила отказаться от подобной услуги Эмма и зажала пальцем дергающееся веко правого глаза. Голова готова была разорваться. — А сейчас, девочки, пора набросить шали, взять альбомы для рисования и пройти в сад. Я жду от вас рисунков с изображением чего-либо красивого, того, что вам понравится.

— Я знаю, что нарисует Харриет, — пробурчала мисс Баттерфилд.

Харриет презрительно фыркнула:

— А я знаю, что кое-кто тоже это нарисует. Съела?

— Харриет, иди наверх, — приказала Эмма. — Почитай книжку или... подремли.

— Чего?

— Ни в коем случае не смей снова побеспокоить лорда Вулвертона. Слышишь?

— Слышу-слышу.

— О Господи! — Шарлотта поспешно накинула плащ. — Я пойду вместе с девочками. Как бы Харриет опять что-нибудь не придумала.

— Понимаю, — вздохнула Эмма.

— Как ты намерена с ней поступить? Она неисправима.

— Я в этом не уверена.

— Я бы на твоём месте надрала ей уши.

— Поверь, я с трудом удерживаюсь. Да, я знаю, что все считают меня слегка ненормальной, раз я пытаюсь перевоспитать уличную девчонку. Вероятно, я действительно ненормальная.

— А я думаю, что, вероятно, ошибаются все, кроме тебя. — Шарлотта ласково улыбнулась Эмме. — Ты уже перевоспитала кое-кого из учениц.

— Мой успех очень скромный.

У Эммы было три случая, когда её альтруизм увенчался успехом. Одна девушка стала умелой экономкой, её сестра вышла замуж за судью, а третья уехала работать учительницей в Глостер и обвенчалась с аптекарем.

Никто не знал, как эти маленькие победы поднимали Эмме настроение.

Она сочла своим жизненным предназначением превратить Англию в прибежище для воспитанных, утонченных людей. И эта цель дала ей силы после свалившихся на неё почти одновременно несчастий — смерти брата, отца и мужа.

Возможно, ей была свойственна характерная для Боскаслов самонадеянность. Она верила в то, что обладает способностью усовершенствовать окружающих. По крайней мере, она в отличие от братьев направила бойцовский дух Боскаслов на пользу человечеству.

Но все это было до прошлой ночи.

Прошлая ночь... когда она доказала — правда, только себе, — что Эмма Боскасл не лучше, чем остальные члены её скандальной семьи. Возможно, она из всех самая испорченная, а если это так, то в семье не останется никого, кто мог бы сделать ей выговор.

Эйдриан вытер насухо полотенцем гладкие скулы. Его камердинер Бонес мог бы побрить человека за минуту, а заодно и обезглавить. Это — полезное умение для подчиненного кондотьера и бывшего владельца похоронной конторы. Но подобный талант едва ли пригодится в добропорядочном английском обществе. Они с Бонесом встретились, сражаясь в Персидском заливе с французскими пиратами. Через год Бонес лишился глаза в битве при Лахоре и согласился поступить в услужение к Эйдриану, когда тот отправился на Яву под командованием Стамфорда Раффлза. Бонес внес свой вклад в завоевание англичанами Батавии.

— Как я выгляжу? — спросил Эйдриан, наклонившись к высокому зеркалу в позолоченной подвижной раме.

— Воплощение здоровья, милорд.

— Вот этого-то я и боялся.

— Простите...

Эйдриан разглядывал свое загорелое лицо с нескрываемым неудовольствием.

— Я не выгляжу больным.

— Конечно, нет, — согласился камердинер. — По-моему, вы сказали, что никогда не чувствовали себя лучше, чем сейчас, к тому же произошло нечто такое, что вывело вас из хандры.

— Проклятие!

— Милорд? — переспросил Бонес, убирая бритвенный прибор.

— Ты ведь готовил покойников к погребению после битвы в Пенджабе?

— Увы, и не одного. Постарался, как мог, потому что больше некому было, а я ведь одно время собирался поработать в театре, так что какое-никакое художественное чутье у меня есть.

— Ты мог бы сделать меня... менее цветущим? Не мертвенно-бледным... в общем, ты понимаешь. Чтобы я выглядел немного нездоровым человеком, которому необходимы внимание и нежность.

— Я могу сделать так, словно вас потоптало стадо слонов, — задумчиво глядя на Эйдриана, произнес Бонес. — Или, к примеру, сбил дилижанс, учитывая тот факт, что мы вернулись в так называемый цивилизованный мир.

— Давай без крайностей. Подойдет небольшое недомогание.

К счастью, Бонес не поинтересовался, для чего это нужно Эйдриану, и занялся изучением баночек с румянами и рисовой пудрой, аккуратно выставленных на туалетном столике.

— Найти бы немного белил... Милорд, вы вполне уверены, что это надо делать? За дверью ждет врач. Он будет настаивать, чтобы вы лежали в постели, если увидит, как плохо вы выглядите. А я-то знаю, как вы не любите болеть.

Эйдриан опустился на диванчик и запрокинул голову.

— Я буду вынужден последовать его совету. Кто я такой, чтобы спорить с ученым мужем?

Эмме казалось, что не прошло и четверти часа относительного покоя, как случилась новая неприятность. В дверях появилась раскрасневшаяся Шарлотта.

— Я уже иду в сад, — сказала Эмма, завязывая ленты шелковой шляпы с низкой тульей. — Девочки занялись рисованием?

— Да, — переведя дух, ответила кузина.

— Шарлотта, я кое-что вспомнила. Племянница графа сообщила нам дату своего приезда? Я бы очень не хотела, чтобы она стала свидетельницей сцены с Харриет, как в тот день...

— Я хочу сказать не о девочках, а о нем, — прервала Эмму Шарлотта.

— Что? — Эмма догадалась, о ком хочет сказать Шарлотта. Да и как не знать, когда в ее мыслях присутствует исключительно он.

— Я о лорде Вулвертоне. Я слышала, как лакей искал Хита. Врач только что осмотрел лорда Вулвертона и, кажется, нашел, что ему стало хуже. Он ведь нас предупреждал.

— О нет. — У Эммы по рукам пробежали холодные мурашки. — Он выглядел таким... оживленным, когда я навестила его прошлым вечером. — «Даже слишком оживленным», — промелькнуло в голове. — Почему я сама не зашла к нему утром? Это я виновата.

— Разумеется, ты здесь ни при чем, — заверила Эмму верная кузина. — Его состояние могло ухудшиться ночью.

— Ночью?

Она не поощряла любовные ласки Эйдриана — это так, но и не дала ему должного отпора. Подумать страшно, что это могло стать причиной ухудшения его состояния. Эмма Боскасл своей страстностью причинила физический ущерб мужчине? Ей самой чуть не сделалось дурно от этой мысли.

— Шарлотта, ты его видела? — спросила Эмма с потемневшими от страха глазами.

— Всего одну минуту, когда привела к нему врача. С девочками я оставила Джулию.

— Как он выглядел?

— Немного бледный. Кожа какого-то воскового цвета. Да нет, может, мне показалось.

Было неприлично его разглядывать.

— Господи!.. — Эмма не могла себе этого представить. Ведь когда она уходила от него прошлой ночью, он был полон сил.

— Эмма, он так благородно держится. Истинный рыцарь: он изо всех сил старался не показать своих страданий. Настоящий джентльмен. И не важно, что говорят о его прошлом. Он настоял, чтобы я не тревожила тебя и ничего не говорила о том, что ему стало хуже.

— Конечно, ты сделала совершенно правильно, — сказала Эмма, направляясь к лестнице, чтобы подняться наверх.

Шарлотта прочувственно вздохнула.

— Я же знала, что ты мне не простишь, поступи я иначе.

Войдя в спальню, Эмма увидела семейного врача Боскаслов, склонившегося над Эйдрианом. В комнате сильно пахло травяными припарками и жжеными перьями.

— Как он? — спросила Эмма, бросив взгляд на внушительную фигуру Эйдриана, распростертую на кровати.

— Пульс был нормальный, пока вы не вошли, леди Лайонс, — с некоторым недоумением ответил медик. — Возможно, услышав ваш голос, он разволновался, учитывая произошедшее накануне.

— Учитывая что?...

— Прошу прощения за то, что опять напоминаю об этом. Я знаю, что подобные случаи леди предпочитают забыть.

Значит, лекарь ничего не знает про вчерашнюю ночь, если только Эйдриан не бредил и не говорил во сне.

Эмма на цыпочках приблизилась к постели. Он повернул голову на подушке и встретился с ней блуждающим взглядом. Эмма была поражена тем, что увидела. Загорелая кожа прибрела землисто-белый оттенок, под глазами темные круги, глазницы провалились, а блеск карих глаз из-под полуопущенных век можно объяснить только горячкой.

— Он на себя не похож! — воскликнула она.

Врач покачал головой:

— Согласен. Я хотел поставить ему пиявки, но он меня оттолкнул.

— Я могу вам помочь, если это необходимо.

— Подождем немного. Я только что дал ему приличную дозу опия. Леди Лайонс, вы сами выглядите... усталой. Вам лучше присесть.

— Нет-нет, спасибо.

Эмма с отвращением смотрела на баночку с пиявками на столике у кровати Эйдриана. Бедняжка! Возможно, вчера ночью он не соображал, что соблазняет ее. А она? Выходит, она воспользовалась слабостью человека в бессознательном состоянии. Он, скорее всего, не понимал, что делает.

— Господи, — прошептала она, сделала шаг назад и стукнулась о столбик полога.

Эйдриан открыл глаза. У Эммы по спине пробежали мурашки. На мгновение ей показалось, что он в полном сознании и совершенно здоров. Но тут он запрокинул голову на подушки и тяжело застонал. Что все это значит? Эмма вопросительно посмотрела на врача.

— Он только что пришел в себя и вдруг снова потерял сознание. Вы видели?

Шотландец склонился над Эйдрианом и нащупал пульс.

— Он, кажется, спит. Я дал ему большую дозу снотворного. Скорее всего, увидев вас, он возбудился.

— Что? — в ужасе прошептала она.

— Видите ли, поведением больного управляют основные жизненные «соки»; кровь, желчь и так далее. Они влияют в числе прочего и на душевное состояние. Это медицинское понятие, леди Лайонс; и ни в коей мере не может вас оскорбить. — Врач встал. — Что-то в горле пересохло от запаха всех этих трав. Прошу меня извинить, но я на минуту выйду проветриться. Не думаю, что он скоро проснется. Если пожелаете, я могу позвать слугу.

— Я подожду вашего возвращения, — сказала Эмма.

Эйдриан не ожидал, что ему будет так стыдно за свой обман, за то, что причиняет Эмме столько огорчений. Тем не менее, выходить из игры он не собирался. Внимание, беспокойство очаровательной женщины... Это приятно волнует кровь.

Она дотронулась до его плеча и прошептала, что все будет хорошо. Какое блаженство слышать ее голос! Она — самая желанная, самая прекрасная из всех женщин, которых он когда-либо встречал. И она — из давно уважаемой им семьи. А как он себя повел по отношению к Боскаслам? Мысли путались. Опий притупил сознание, и он провалился в сон.

— Не бойтесь, — услышал он голос Эммы.

— Чего не бояться? — Должно быть, наступила ночь, и он спит.

— Темноты. Я здесь с вами и позабочусь о вас. Я знаю, что вам нужно.

И он это тоже знал.

Он с трудом сел в постели и уставился в темноту. В горле першило. Он не помнил, сколько времени она находится рядом с ним. Вот она раздевается, и халат медленно падает на ковер. Ее прекрасная грудь блестит подобно жемчугу. Стройные ноги, гибкие руки влекут к себе, но он не может дотянуться. В паху невыносимо жжет.

— Красавица, — шепчет он. — Никто... никто не должен вас увидеть.

Взгляд скользит по ее совершенному телу. Розовые соски, округлый живот, золотистые завитки, скрывающие сладкие складочки. Боже, почему у него совсем нет сил?

— Повернитесь, — хрипло произнес он, чувствуя, как под простыней разбухает член.

Она повернулась. Золотые с медным отливом волосы касаются белых упругих ягодичек. Он схватил ее за талию и просунул руку между атласных бедер. Она такая теплая, влажная, благоухающая. Она похожа на шаловливую маленькую нимфу. Он уткнулся лицом ей в затылок, а она выгнулась и тихо вскрикнула. Он сжал пальцами сосок и увидел, как он наливается и становится красным, как вишня.

Член у него болезненно пульсировал. Он откинул покрывало и усадил ее на колени.

— Я боюсь вас утомить, — прошептала она, осторожно поместившись между его мощных бедер. — Вы нездоровы.

— А вы поможете мне поправиться? — спросил он, ощущая себя сильным и горя нетерпением влиться в ее лоно.

Она улыбнулась и сжала ладонями крепкие груди. Темно-розовые соски были видны между пальцев.

— Вы не должны вставать с постели. Я сама знаю, что вам необходимо.

— Что мне необходимо? — прошептал он и со стоном сомкнул руки на ее бедрах.

Она подалась вперед, и его член исчез в золотых завитках. Но он ничего не ощутил и недовольно дернулся. Тогда она медленно приподнялась и взяла в ладони его член, помогая ему. Еще секунда, и он взорвется.

— Сейчас, сейчас, ненаглядная, — произнес он. — Я не буду спешить, чтобы тебе было хорошо. Я... не могу...

Откуда-то издалека донесся ее голос:

— Эйдриан... вам плохо?

Плохо ли ему? Ему будет хорошо, если только он найдет облегчение в их соитии.

Он сделал резкое движение, и тело ритмично задвигалось. Она вскрикнула, и он ощутил у себя на лице, на шее ее руки.

Но... она ускользнула от него. В паху ломило, он весь напрягся, болел каждый мускул. Она уходит от него! Он в отчаянии застонал и с мольбой прошептал:

— Пожалуйста.

Сквозь дурман прозвучал ее голос:

— Не надо так метаться.

— Я не буду. — Он дрожал, вдыхая сладкий запах ее волос, кожи. Ее грудь задела ему лицо. — Пожалуйста, Эмма, не уходите. Вы мне нужны.

Эйдриан открыл глаза и понял, что это был сон. Где-то в подсознании прозвучало пророчество отца: «Ты создан, чтобы все рушить, Эйдриан. Мою жизнь ты уже погубил».

— Лжец, — сказал он. — Ты лжец.

— Милорд, вы проснулись? — озабоченно спросила Эмма. — Вы так метались, что я испугалась.

— Меня перепоиили опиумом. — У Эйдриана вдруг прояснилось в голове. Около кровати сидела Эмма и смотрела на него уставшими глазами. Она с ним наедине! Но тут он заметил, что на диване в двух шагах от них дремлет Джулия. Подавив разочарованный вздох, он откинулся на подушки. Он находился в полубреду, и она ему приснилась. Зачем только он проснулся?

— Доктор решил, что снотворное вам необходимо, — тихим голосом сказала Эмма. — Вы так беспокойно спали, что мы не могли оставить вас одного.

— Я что-нибудь говорил во сне?

— Да, но я ничего не поняла. Как вы себя чувствуете?

— Пить чертовски хочется. — Напрягшееся тело невыносимо ныло, ему было жарко, в паху — тяжесть. Если она ничего не заметила, он постарается себя не выдать.

— Он проснулся? — раздался с дивана сонный голос Джулии. Она встала, расправляя на плечах шаль. — Я нечаянно задремала. Как он, Эмма?

— Умираю от жажды, — ответил за Эмму Эйдриан. Придется обманывать не одну, а двух женщин.

— Я принесу свежей воды, — предложила Джулия.

— Не надо. Я позову лакея, — сказала Эмма.

— Мне необходимо размяться, — уже от двери ответила Джулия. — Я отлежала шею.

Дверь за ней закрылась.

— Мы одни? — Эйдриан, не сводя глаз с Эммы, приподнялся на локте.

Она оглянулась на дверь:

— Да, но она скоро...

Эмма едва не задохнулась, когда он обхватил ее за талию, потянул к себе и уткнулся лицом ей в волосы.

— Вы мне снились, — прошептал он. — Я никогда не видел таких снов.

— Эйдриан, она может войти в любую минуту.

— Мне все равно.

Он запустил руку в тугий пучок волос у нее на затылке, пригнул ей голову и нашел губами рот.

Пусть у них всего одно мгновение, но он этим воспользуется. Сопротивление Эммы ослабло, рот приоткрылся, спина изогнулась. Он был весь охвачен желанием. Он только что грезил, а теперь все происходит наяву. Их дыхания смешались. Ее гибкое тело такое податливое...

И он хочет ее. Хочет, чтобы она была с ним, уступила ему. И к черту приличия! Они вышли из нежного возраста, чтобы их могли упрекать. Она уже была замужем, а он успел

повоевать. Он обожал опасность. Если он докажет ей, что кое-чего стоит, то, возможно, убедит и себя в собственной значимости.

— Эмма. — Он провел ладонью по ее плечу и шее. Какая шелковистая кожа! Он вспомнил свой сон и коснулся губами ее рта.

— Эйдриан, пожалуйста... Не сейчас, — прошептала она.

Он со вздохом водил рукой по ее изогнутой спине, по бедрам, по всем изгибам ее грациозного тела, возбуждаясь все больше и больше.

Оба одновременно услышали приближающиеся шаги на лестнице. Эйдриан охнул и отпустил ее.

— Это действительно вам может навредить, лорд Вулвертон, — укоризненно прошептала Эмма, освободившись из его объятий.

Как же она не права, думал он, глядя на ее влажные губы. Ему наверняка станет легче просто от разговора с ней, не говоря уж о проявлении любви. Эмма набросила на него одеяло, а он упрямо произнес:

— Не навредит. Уже одно то, что я около вас, доставляет мне радость. А вам нравится быть со мной?

— Я едва вас знаю, чтобы дать вам ответ.

— Но вы же не станете портить свадебный пирог, лишь бы доставить удовольствие любому встречному?

Эмма засмеялась, чтобы скрыть смущение:

— Нет, не стану.

— Тогда почему вы так очаровательно флиртовали со мной вчера?

— Вероятно, потому, что надеялась удержать вас от беды.

— А сейчас я как раз попал в самую большую беду в своей жизни.

Эмма не успела ничего ему ответить.

За спиной Эммы появилась мужская фигура с кувшином воды. Это Хит.

— Что он говорит? — спросил Хит и уселся на стул у кровати. — По словам Джулии, он бредит.

— Ничего особенного, — ответила Эмма. — Он спал. А ты что здесь делаешь? Ядумала, что ты тоже спишь.

Эйдриан услышал, как у нее задрожал голос. И Хит, несомненно, тоже это заметил. Может, объяснить с ее братом, признаться в том, что очарован его сестрой? Но он обещал. Он не должен ничего говорить, пока не получит ее разрешения.

— Я решил составить тебе компанию, — помолчав, сказал Хит. — Ты не возражаешь?

Эмма посмотрела на него. У нее на губах играла еле заметная ироническая улыбка, как будто она хотела сказать: «Если бы ты не был моим любимым старшим братом, на которого можно положиться, я бы возразила».

— Почему я должна возражать? Разве он не твой ДРУГ?

— Насколько мне известно, наш зять полностью ему доверяет, — задумчиво произнес Хит.

Эмма опустила глаза.

— Доминик мало кому доверяет, и на его суждение можно положиться.

— Эмма, мы с тобой тоже доверяем не всем, — сказал Хит, пристально глядя на сестру. Она кивнула.

— Я чувствую себя обязанной ему.

- И это все?
- А что еще может быть?
- Не знаю. — Хит сверлил ее взглядом. — Его жизнь далека от совершенства.
- И что из этого?
- Просто ты моя сестра.

Когда Эмма на следующий день приступила к своим обычным занятиям, врач уже ушел. Как сообщила Джулия, лорд Вулвертон проснулся к приходу шотландца и выгнал его из комнаты. С этого момента, кроме камердинера, никто не смел к нему войти. Все в доме решили, что это признак начавшегося выздоровления и что скоро он совсем поправится. Обо всем этом Эмма размышляла в гостиной за чашкой чаю, сидя на диване с резной спинкой перед столиком розового дерева.

Она пригласила трех девочек для очередного урока по этикету. Они должны были научиться наносить визит. Неожиданно появилась Джулия вместе со своей тетей и попросила разрешения присутствовать на занятиях.

Эмма не могла ей отказать. В конце концов, в доме хозяйка Джулия, да и наглядный пример девушкам не помешает. К тому же гостя была весьма желанной персоной и обладала способностью отвлечь кого угодно от тягостных мыслей. Леди Далримпл, или тетя Гермия — как вся семья Боскасл, любя, ее называла, — до сих пор имела поклонников, несмотря на почтенный возраст. Нельзя было не любить остроумную Гермину и дам из ее художественного клуба, хотя Эмма предупреждала своих учениц не подражать этому чуждому условностям кружку женщин, которые считали, что возраст позволяет им не соблюдать приличия.

— Это что, опять чай? — С этими словами в комнату ворвалась Харриет и, оттолкнув трех других девушек, терпеливо ожидавших разрешения сесть, плюхнулась в кресло.

Эмма строго сдвинула брови:

— Харриет, что ты здесь делаешь? Я тебя не приглашала.

— Мисс Шарлотта отослала меня к вам. Я сорвала урок по истории.

— Меня это не удивляет. Придержи язык, пожалуйста.

— А как же я буду пить чай, если...

— Замолчи, пожалуйста. Харриет вздохнула.

Леди Далримпл ободряюще улыбнулась ей:

— Кажется, это еще один бриллиант, найденный в ведре с углем.

Эмма сверкнула глазами.

— Мы делаем исключения, принимая в академию и совсем юных, и особ, не отличающихся примерным поведением.

— Таких, как Волк? — лукаво спросила Харриет.

Леди Далримпл тут же повернулась к девушке, поскольку у нее был необычайный нюх на всякого рода интриги и проказы.

— Волк? — удивилась она.

Эмма поторопилась пресечь этот разговор:

— Поговорим позже. Это не тема для обсуждения среди юных девиц.

— Но я к ним не принадлежу, — заявила любопытная леди Далримпл. — Джулия, у тебя от меня секреты? Что это за Волк объявился в Лондоне? Я-то думала, что бедные животные вымерли почти два столетия назад.

Эмма обреченно вздохнула:

— Мисс Гарднер необдуманно назвала Волком лорда Вулвертона, а не настоящего Волка.

Тот, кто считал, что леди Далримпл выжила из ума и превратилась в дряхлую старушку, глубоко заблуждался, — в чем ей было не отказать, так это в остром уме. Пальцы в бежевых перчатках нетерпеливо постукивали по ручке кресла.

— Вы говорите о лорде Вулвертоне? — переспросила она.

Эмма осторожно отставила в сторону чашку. Возможно, до Гермии уже успели дойти отголоски недавнего скандала.

— Да. К сожалению, я упомянула его.

— Эйдриана? — Леди Далримпл задумалась. — Эйдриана Раксли?

— Да. Это его имя, — не дрогнув, ответила Эмма.

— Да, конечно, это его светлость, — вмешалась Харриет и, воспользовавшись тем, что Эмма не обращает на нее внимания, отправила в рот целиком фруктовое пирожное.

— Я все вижу, — тихо сказала ей Эмма. — И я возмущена твоим поведением.

— Ну, простите, — ответила Харриет, не потрудившись смахнуть крошки с подбородка. — Я не знала, что на них нужно просто смотреть.

— Харриет, ты можешь уйти, — не повышая голоса, сказала Эмма. — Для тебя урок окончен.

— Мне что, пойти еще подремать?

— А почему бы тебе не помочь на кухне? — предложила Джулия. — Для любой леди полезно обучиться ведению хозяйства.

Харриет встала:

— Да я лучше обчищу...

Эмма выразительно посмотрела на нее:

— Мы тебя не задерживаем, Харриет.

Харриет вняла угрожающим ноткам в голосе Эммы и выбежала вон из комнаты. Тетя Гермия, однако, на этом не успокоилась, так как упоминание лорда Вулвертона показалось ей весьма интересным.

— А что Эйдриан делает в этом доме? — таинственным шепотом спросила она.

Эмма встала.

— Он поправляется после несчастного случая. Удивительно, что вы об этом не слышали.

— Я только что вернулась из Танбриджа. Что за несчастный случай?

— Джулия будет рада ответить на все ваши вопросы, тетя Гермия, — сказала Эмма. — А мне необходимо продолжить занятия с остальными девочками.

После ухода Эммы в комнате воцарилось молчание. Джулия потягивала чай и сосредоточенно откусывала маленькие кусочки от пирожного. Но леди Далримпл не так-то просто сбить с толку. Она сверлила племянницу взглядом, пока Джулии не сделалось окончательно неловко.

— Джулия, я не выйду из этого дома, не узнав правды, — заявила она.

— Господи, тетя Гермия! Кстати, откуда вы знаете Эйдриана?

— Одна из моих приятельниц сочла его подходящей натурой для нашего художественного салона. А его отца и тетку я когда-то знала.

— Неужели вы собираетесь рисовать раненого человека *au naturel* [\[3\]](#)? — возмутилась Джулия. — Я этого не допущу!

— Дорогая, это же искусство, — отмахнулась от нее Гермия. — Разве у него не великолепная фигура?

— Искусство? — рассмеялась Джулия, — Не обманывайте ни себя, ни других. Просто вы с вашими приятельницами обожаете рисовать весьма сомнительные картинки красивых молодых джентльменов. Это непростительно, а в вашем возрасте — стыдно.

— Стоит ли напоминать тебе, Джулия, о некоей даме, которая выставила на всеобщее обозрение пикантный рисунок с изображением интимных частей тела ее возлюбленного и будущего мужа? Злая леди Уилби. Не твоя ли это подпись?

Джулия залилась краской, вспомнив о своей faux pas [\[4\]](#).

— Я не знаю, какая у Эйдриана фигура, — сердито ответила она. — Он лежит в постели с проломленной головой, и я не подумала о том, чтобы удостовериться, великолепна его фигура или нет.

Леди Далримпл допила чай.

— Я должна нанести визит вежливости этому герою.

Серые глаза Джулии от ужаса полезли на лоб.

— Тетя Гермия, я не допущу, чтобы вы его беспокоили. К тому же это неприлично. Это...

— ...не твое дело, милая. Я гожусь ему в бабушки. Я просто выражу ему свое сочувствие. В моем возрасте это позволительно.

Возмущенная Джулия вскочила на ноги.

— Не вздумайте попросить его позировать для вашего рисовального клуба. Не забывайте, ведь это сын герцога. К тому же после удара по голове он вообще не в себе.

— Господи, дорогая, ты так волнуешься, словно я хочу причинить вред этому храбrecу. Я же знакома с его семьей. Его отец, старый Скарфилд, много лет назад был в меня влюблен. То, что я нанесу визит его сыну, — простая учтивость.

— Вы собираетесь пойти к нему одна, тетя Гермия?

— Если только ты не хочешь пойти вместе со мной, — ответила, вставая, леди Далримпл.

Джулия покраснела.

— Мне бы следовало вас удержать, но понимаю, что это бесполезно. Однако пообещайте мне не уговаривать нашего гостя позировать в вашем неприличном клубе.

Эйдриан согнул колени в классической позе фехтовальщика и сделал выпад шпагой.

Он пришел к печальному выводу, что его хитрость не удалась. Он провалялся в постели — сколько? неужели целых два дня? — и уже был готов выпрыгнуть из окна и вскарабкаться на крышу. Дольше выносить подобное безделье невозможно. Он и ребенком не мог посидеть спокойно трех минут. Няньки часами гонялись за ним по обширному поместью отца. Став солдатом, он твердо уверился в том, что человек начинает деградировать, как только прекращает закалять свое тело. Даже если он унаследует титул, у него нет ни малейшего желания отращивать толстый зад и, сидя в разукрашенном седле, трусцой объезжать поля, где другие гнут спину. Ему хотелось сражаться, двигаться и... предаваться необузданной любви с Эммой Боскасл. Но хотя в этом привлекательном действе ему было временно отказано, нежиться в постели подобно царственной особе, которой ежедневно подают для пищеварения чернослив, он не собирался.

Выпад.

Назад.

Он отбросил ногой стул, вскочил на диван и нанес удар по несуществующему противнику у двери.

К несчастью, в этот миг дверь отворилась и вошла горничная с чистыми полотенцами и кувшином воды для умывания. Увидев Эйдриана, стоящего на диване со шпагой, направленной прямо на нее, она испустила пронзительный вопль, поставила на пол кувшин и хотела убежать.

Эйдриан опустил шпагу.

— Прошу прощения. Я тебя напугал?

Служанка покачала головой. Лицо у нее было скорее любопытное, чем испуганное. Эйдриан спрыгнул с дивана и внимательно посмотрел на нее.

— Я тебя раньше видел. Разве горничных не учат стучать, прежде чем войти в комнату джентльмена?

Девушка пожала плечами:

— Откуда мне знать? Он прищурился.

— Тогда кто ты?

— Кем она прикажет, тем и буду.

— Кто прикажет? Леди Лайонс?

— Ага. — Служанка нагнулась, чтобы поднять упавшие полотенца. — Я-то думала, что вы больны.

— Был, да и сейчас еще болен. Я увидел на потолке паука и хотел смахнуть его шпагой. Не выношу пауков.

Она посмотрела вверх.

— Да там нет никакой паутины.

— Конечно. Я ее разрубил.

Пытливые глаза осмотрели его с головы до ног.

— Не очень-то вы похожи на больного. Он уселся на край кровати.

— А ты — на горничную. Озорное личико засияло. — А я знаю, кто вы.

— Да ну? — Эйдриану все это было совсем неинтересно, и он сидел, покачивая между

ног шпагой.

— Вы плут и враль.

— Я... кто?

— Вы мошенник.

Он сжал эфес шпаги.

— Что?

— У вас с головой все в порядке.

— Наверное, а иначе я не разговаривал бы с тобой.

Она понизила голос:

— Вы не сын герцога?

— Это... это не твое дело.

— А для чего вы притворяетесь? Дом хотите ограбить?

— Ах ты, нахальная мартышка!

— Тогда зачем?... — Она захохотала. — Если дело не в деньгах... Мужчине нужны только две вещи.

— Сколько тебе лет?

— Семнадцать. Наверное.

— Судя по твоему разговору, ты выросла в притоне.

— Откуда вы это знаете? — удивилась она.

— Уходи, — устало произнес он.

— Сколько?

— Что — сколько?

Она прислонилась худеньким плечиком к двери.

— Сколько заплатите, чтобы я не сказала миссис зануде, что вы ее надули?

Эйдриан встал, все еще держа шпагу в левой руке. За всю свою жизнь он не причинил боль женщине. Но ни одна из них его ни разу не шантажировала.

— Ты знаешь, где я провел последние десять лет?

— Выращивали бархатцы?

Он подошел к ней и почти прижал к двери.

— Убивал людей, а двоим отрубил головы.

— Ясно! — Она кивнула. — Теперь понятно, почему вы ей понравились.

А девчонка выглядит совсем не глупой, подумал он.

— Откуда тебе известно, что я ей нравлюсь?

— Да потому что вы врун, а она гордится тем, что всех исправляет, учит уму-разуму, хорошим манерам. Вы — красавчик, но в глазах у вас черти бегают.

Он холодно улыбнулся:

— В таком случае тебе лучше меня не сердить.

— А зачем? — Она протянула ему руку. — Меня зовут Харриет, и я стану леди. Мир?

— Нет. Принеси мне чистые полотенца. Ты наступила на те, что уронила, а я очень разборчив в том, что касается моего туалета.

Она неловко присела в книксене.

— Я их vyšью золотыми нитками и выглажу, только бы вам угодить.

Он усмехнулся. Иметь союзника никогда не вредно.

— Значит, мы друг друга поняли?

Она, нисколько не смутившись, усмехнулась в ответ.

— Я всегда говорю, что плуты и жулики должны держаться вместе.

Через час Эйдриан снова начал изнемогать от безделья и покинул свое заточение, решив побродить по комнатам внизу и погулять в саду.

А вдруг ему повезет, и он встретит Эмму? И она будет одна. То, как она его ласково журила, внушало надежду. Вот бы прогуляться с ней по саду! Он бы подтрунивал над ней, а она так мило сердилась бы. Она наверняка отругает его за то, что он встал с постели. Возможно, даже возьмет его за руку и предложит посидеть на скамейке.

Он проходил мимо беседки и вдруг неожиданно для себя оказался около стайки дебютанток с альбомами для рисования. Он замер. По их лицам он понял: либо опять нарушил этикет, помешав уроку, либо их предупредили, что его следует избегать, как нежелательную персону.

Эмма его придушит, если он поставит ее в неловкое положение перед ученицами. Но было уже поздно ретироваться незамеченным, так как одна из девочек подняла глаза от альбома и радостно закричала:

— Ну и ну! Гляньте-ка, кто восстал из мертвых! Сам герцог!

Опять этот голос. Эйдриан весь сжался. И эта нахальная мордашка. Опять эта беспризорница. Он вежливо кивнул Эмме, поднявшей на него глаза. Ее лицо было беспристрастным. Радости она не выказала, а просто неподвижно сидела, похожая на скульптуру, с которой делают рисунок. Возможно, она боится, что он ее выдаст.

— Простите, — сказал он, еще раз поклонившись. — Я не хотел причинить неприятность и сорвать вам урок.

У Эммы вырвался вздох. Ничего себе неприятность. Неприятность — это когда кошка лезет на дерево за белкой или когда служанка пререкается с дворецким. Присутствие же Эйдриана среди десятка юных особ сродни появлению божества из разверзшихся небес.

Охи. Ахи. Эмма подняла руку, чтобы утихомирить своих подопечных.

— Успокойтесь, пожалуйста. Молодая леди не должна хихикать при виде джентльмена.

Но какого джентльмена! Она сама была готова закричать. Высокая, грациозная фигура, красоту подчеркивает белая рубашка, узкие светло-коричневые брюки заправлены в сапоги. Короткие волосы цвета спелой пшеницы немного растрепались, но это лишь усиливало его привлекательность. Полубог. Ее тайный возлюбленный. Боже! Как же ее тянет к запретному!

Эмме не удалось отвлечь учениц от лицезрения Эйдриана. Да и ей самой было трудно от этого удержаться. Как это сделать, когда он открыто смотрит на нее? И к тому же радостно улыбается. Она укоризненно покачала головой. О чем он только думает? Неужели без памяти влюблен? Но у нее хватает ума, чтобы понять — это не так. Плуты умеют разыгрывать любовь весьма убедительно и получают удовольствие не столько от победы, сколько от преследования.

В конце концов, он ведь признался, что не торопится улаживать разногласия с отцом. Разве может человек с таким прошлым удовольствоваться тихой жизнью знатного аристократа, той жизнью, какую Эмма рисовала в своем воображении? Он решил, что со временем смог бы. Но она... Будет ли она счастлива с ним?

— Я не хотел мешать, — повторил он. — Но я умираю от бездействия. — Он развел руками. — И на свежий воздух захотелось.

Она кивнула:

— Понимаю. Вы вторглись как раз в тот момент, когда мы собирались обсудить... — От появления Эйдриана все мысли вылетели у нее из головы. — Обсудить этикет при

представлении к иностранному двору.

— Эта тема мне очень близка, — серьезно сказал он. Он что, пытается произвести на нее впечатление?

— Замечательно, — ответила она. — Я собиралась объяснить ученицам, что жена иностранного посла имеет ранг наравне с ним. Поэтому ее объявляют сразу же за его появлением на приеме...

— А как быть, если он опоздает? — спросила мисс Баттерфилд. — Мой папа, например, никогда не приходит вовремя.

— Она его подождет, — ответила Эмма. — А теперь перейдем к порядку рассаживания приглашенных.

— Леди Лайонс, ведь лорд Вулвертон был иностранным дипломатом? — воскликнула одна из девочек. — Может, он расскажет нам об этикете на дипломатических приемах?

У Эммы изогнулись брови. Она посмотрела на Эйдриана, а он — на нее. Дипломатический протокол навряд ли включает в себя общение с английским кондотьером.

— Мне кажется, что лорд Вулвертон больше знаком с...

Он скромно пожал плечами и прерван ее:

— Я не возражаю поделиться своими познаниями. Однажды мне пришлось сообщить обитательницам гарема о том, что их повелитель убит во время восстания. Уверен, что ни одна из молодых леди не захотела бы попасть в подобную ситуацию.

— Меня бросает в дрожь при одной лишь мысли, — пробормотала Эмма.

— Он был раджой, — продолжал Эйдриан. Глаза его весело блестели.

— А тигры у него были? — спросила Харриет.

— Да. После его смерти они разбежались.

— Я не нахожу в этом примере никакого дипломатического этикета, — заметила Эмма. Страшно подумать, что еще он собирается рассказать!

— Я уже перехожу к этому, — ответил Эйдриан. — Надо было посадить на трон ближайшего родственника раджи до того, как начнется кровавая резня. Если вы полагаете, что это легко сделать во дворце, где бегают голодные тигры и полно рыдающих женщин, то уж и не знаю, называть это дипломатией или нет.

Эмма в ужасе смотрела на своих учениц — Эйдриану удалось очаровать всех без исключения. Девочки с восхищением смотрели ему в рот, ловя каждое слово. Она тоже с радостью услышала бы красочные истории из его прошлого, но... наедине. Авантюрист, да и только. Что он увидел в благонравной Эмме Боскасл? Неужели она превратится в персонаж из его очередной озорной истории?

Эмма решительно встала.

— Большое спасибо за такую познавательную беседу, лорд Вулвертон. Надеюсь, моим ученицам не придется с этим столкнуться. Полагаю, что теперь мы вернемся к более прозаическим делам. Кто-нибудь может мне сказать, как правильно обратиться к супруге французского посла?

Вскочила Харриет:

— Могу я задать вопрос его светлости?

— Нет, — отрезала Эмма, — не можешь!

Но Харриет было не остановить.

— Вот что я хочу узнать... Что должна сделать девушка, чтобы выйти за герцога?

Ученицы были потрясены такой дерзостью, но с восторгом ждали ответа.

Эмма опустила на скамью, подавив желание резко вмешаться.

— Я думаю, — сказал Эйдриан, — что на такой вопрос вам лучше ответит ваша наставница.

Все выжидательно уставились на Эмму. А она... она ждала ответа от Эйдриана на этот крайне не деликатный вопрос с не меньшим нетерпением, чем ее подопечные. Он, разумеется, дал бы не совсем обычный совет, поскольку был не совсем обычным аристократом.

На его губах заиграла насмешливая улыбка.

— Леди Лайонс?

— Занятия закончены. Следующий урок вечером, — усталым голосом объявила она.

Несколько месяцев назад Эмма и Шарлотта договорились написать учебник по этикету для молодых леди, которые хотят научиться хорошим манерам, но не могут себе позволить личного воспитателя. Обе дамы занимались этим в свободное время. Но учебник — это труд, на создание которого потребуется не один год усилий. Раз-другой в неделю, в конце дня, Эмме удавалось набросать наиболее важные правила.

Иногда они с Шарлоттой, потехи ради, вносили в учебник смешные случаи. К примеру, «Деликатный способ избежать общения с баронетом, страдающим отрыжкой» или «Как незаметно вылить бокал плохого вина в комнатный папоротник».

А где в учебнике найдется место для такой главы: «Позор светской дамы: как сохранить достоинство после грехопадения»? Эмма со вздохом отложила перо и увидела, что с кончика на бумагу капая чернила и растекаются по письменному столу брата.

Она никогда в жизни не проливали чернил. Вот куда ее завел один-единственный греховный поступок. Где же песок? Пятно расплзлось, а она безвольно наблюдала.

Густой бархатный голос вывел ее из задумчивости.

— Могу я чем-нибудь помочь?

Эмма поднялась с кресла, а Эйдриан вытащил из кармана жилета чистый носовой платок и промокнул чернила.

— Вы испортили платок, — смущенно сказала она. — Ну и парочка мы с вами.

— Что значит еще одно пятно для такой гиблой жизни, как моя? — произнес он, и по его тону нельзя было разобрать, серьезно он говорит или нет.

Эмма встретила глазами с его задумчивым взглядом. Сердце у нее сильно заколотилось.

— Вам не следовало ходить одному без слуги. Я хотела вам об этом сказать, когда вы появились в саду.

Он не сразу отвел глаза.

— Я чувствую себя намного лучше и собираюсь уехать. Я достаточно долго пользовался гостеприимством вашего брата.

Она скрестила руки на груди. Смешанные чувства боролись у нее в душе: ей было стыдно за те вольности, что она позволила ему, и стыдно, что не осмеливается попросить его остаться, пока он еще не совсем окреп.

— Почему мужчины бояться показаться слабыми? Я склонна позвать лакея, чтобы помог уложить вас опять в постель.

Он оперся бедром о край стола.

— Не стоит беспокоиться.

— Я не беспокоюсь. — Эмма повернулась к шнурку звонка, но... он проворно загородил

ей путь. — Что вы делаете? Чего вы добиваетесь?

— Я искал Хита, — ответил он и придвинулся к ней поближе.

Она вздрогнула.

— Да?

— Нет. — Он опустил глаза. — Нет. Я надеялся увидеть вас до отъезда.

Как забыть то краткое блаженство, которое они испытали? Он безумно хотел ее и отказывался верить в то, что она не разделяет его чувства.

Прежде чем она смогла его остановить, он наклонил голову и поцеловал ее. Губы у нее приоткрылись... возможно, от удивления. Он просунул язык ей в рот. Эмму охватила дрожь. Он заставил себя не обнимать ее, потому что если он это сделает, то захочет большего и не остановится, пока не получит желаемого. Он хотел ее и, будь она любой другой женщиной, нашел бы сотню способов сделать ее своей. Но она — Эмма Боскасл, и он должен соблюдать — или делать вид, что соблюдает, — определенные правила поведения, которым он так и не научился по-настоящему.

— Нет, — прошептала она, но мягкие, теплые губы говорили совсем другое. Он вспомнил, как его пальцы впивались в атласное тело, и со стоном продолжал ее целовать. — Пожалуйста, — еле слышно выдохнула она.

— Пожалуйста... что? — спросил он.

— Я не знаю. Кто-нибудь увидит.

— Я запер за собой дверь.

У нее по плечам пробежали мурашки. Она хотела того же, чего и он.

— Вы постоянно в моих мыслях — тихим голосом произнес он. — Я помню все, помню, что я чувствовал, когда вы перестали мне сопротивляться.

— Не говорите так.

— Вы уступили мне, — упрямо продолжал он, водя пальцами по ее горлу. — Могло бы произойти и большее. Возможно, вам нужно время. Я виноват. Я просто дурак. Я торопил события, а вам нужно время.

— Сейчас это уже не важно, — судорожно произнесла она. — Забудем об этом.

— Я подожду, — прошептал он. — Вы мне необходимы. Раньше мне никто не был нужен, а вот сейчас... А с вами происходит ли то же самое? Это — удивительное ощущение. Я не привык настолько сильно от кого-нибудь зависеть.

Она тяжело вздохнула:

— Я не смогу ответить вам на этот вопрос.

Он улыбнулся:

— Вы уже ответили. Вы будете честны со мной?

— Я постараюсь.

— Что надо сделать такому человеку, как я, чтобы завоевать вашу любовь?

Эмма залилась румянцем. На скольких женщинах он оттачивал свою лесть?

— Я в таком возрасте, милорд, когда благоразумие пересиливает желание, когда добродетель должна подчинить себе любовь.

Он пристально посмотрел на нее и вдруг разразился смехом.

— Ерунда! Вы не пробовали жить по-настоящему. Не обманывайте ни меня, ни себя.

— Что вы знаете о моей жизни? — возмутилась Эмма.

— Простите. Я не хотел вас оскорбить. Хотя сомневаюсь, что ваш жизненный опыт так же обширен, как мой.

— Скажите, то, что про вас говорят... это правда? — поколебавшись, спросила она.

Он пожал плечами:

— Что, например?

— Ну, не знаю. Сражения с китайскими пиратами...

— Это были французские пираты. Флибустьеры. Ост-Индская компания наняла меня положить конец их набегам на территорию, которую мы считаем британской.

Эмма была рада это услышать.

— Звучит благородно.

Он ничего не ответил, поскольку благородством там не пахло. Лютая свирепость, кровь, сплошной ад.

— Чем вы занимались в компании? — спросила она. Он уже открыл рот, чтобы ответить: «Чем угодно, лишь бы хорошо платили». Но вовремя прикусил язык. Надо следить за своей речью, когда разговариваешь с такой дамой, как Эмма.

— Я вовсе не благородный человек, — откровенно признался он. — Но и не лжец.

— Тогда кто же вы?

— Мужчина, который считает вас неотразимой. Я не могу подобрать слов, чтобы объяснить свои чувства. Знаю одно: такого я никогда не испытывал. Пожалуйста, скажите, что и вы ощущаете то же самое.

Она опустила глаза.

Костяшками пальцев он водил по ее ключице. У нее сдавило грудь. Как скрыть волнение, когда его близость так возбуждает? Сердце требовало: уступи ему. Стыдно признаться в том, что именно этот мужчина заставил ее осознать свою женственность. Краска залила лицо, жар разлился по груди, животу и ниже. Желание пронзило ее насквозь.

— Эйдриан... — Она прикрыла глаза.

— Вы дрожите, когда я вас касаюсь.

— Я забыла шаль в саду.

— А я не могу забыть той ночи, Эмма.

— Вы и не пытались. Эйдриан, вы вели себя нечестно.

— Вас можно завоевать только честностью?

Он улыбнулся, наклонил голову и снова поцеловал ее. Медленно, кругами он водил языком по ее языку, пока она покорно не выгнула шею. Чувственное удовольствие охватило их, оно было в самом воздухе, которым они дышали.

— Мне нравится думать о вас, — шепнул он. — Думать о том, как вы постанывали, когда я вас ласкал. Вы были вся влажная... там, внутри.

— Эйдриан! — В жилах жарко билась кровь. — Вы же обещали мне!..

— Я обещал ничего не говорить. Но я не обещал, что не буду желать вас и пытаться сделать вас своей.

Она покачала головой, а он знал, что ее тело тоже хочет его. Она выдает себя: прерывистое дыхание вырывается из губ, на шее часто-часто пульсирует жилка.

— Эмма, почему нет? — выдохнул он прямо ей в рот. — Я ведь родовитый человек, который просто... заблудился в жизни.

Он прижимался к ней бедрами, а она вся трепетала. Желание его росло с каждой секундой, ему нужно касаться ее, ощущать тепло ее плоти. Эйдриан сжал кулаки и поклялся обуздать свою похоть. Он докажет ей, чего на самом деле стоит.

Но в мыслях он уже раздевал Эмму и овладевал ею.

Кровь стучала в висках, в паху жгло. Он заскрежетал зубами. Будь проклято мужское сладострастие, которое заставляет его помышлять о сокровищах, таящихся у нее под юбкой. Ее запах... Запах ванили и теплой кожи. В этой женщине соединились покой и чувственность.

Как убедить ее, что он не безнадежен, когда его прошлое, его поведение говорят обратное?

Он не сводил с нее глаз. Безумно хочется целовать эти влажные пухлые губы. Он с огромным трудом взял себя в руки.

— Ради всего святого, — прошептала она, глядя на него яркими голубыми глазами. — Хочется верить, что ваше неприличное поведение — это отголосок удара по голове.

Он хмыкнул. Как же она не понимает, что такому отъявленному негодяю, как он, впервые за много лет не наплевать на то, что о нем думают?

— Эмма, послушайте меня! — решительно произнес он. — С моей головой все нормально. Я совершенно здоров.

— Что такое вы говорите?

— Я просто хотел вашего внимания, — с робкой улыбкой признался он. — Я притворялся.

— И вы ждете, чтобы я поверила, будто вы для этого стукнулись головой?

— Не совсем. Кресло в мои планы не входило. — Он удрученно вздохнул. — Я рассчитывал остаться в постели на правах больного, чтобы вы за мной ухаживали. На самом деле я мог бы уйти из дома в любой момент, но предпочел сыграть на вашей доброте. Теперь я во всем признался и прошу, чтобы вы меня поняли. Я вас обманывал, но лишь потому, что мне была приятна ваша забота.

— Но врач сказал, что вам нельзя вставать несколько дней, что вам нужен покой.

— Мне был нужен совсем другой покой... — Глаза у него заблестели. — Вы, ваше внимание...

— Понятно. — Искушающие губы строго сжались. — Полагаю, что в Лондоне найдется достаточно женщин, которые были бы рады оказать вам внимание.

— Я говорю не о плотских утехах, — поспешил уточнить он. — Я десять лет был лишен приличного общества и забыл про манеры, про этикет. Мне необходимы... — Как добиться ее сочувствия, какими словами? — Необходимы указания, как нужно себя вести, чтобы кто-нибудь... обтесал меня.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

— Мы не будем здесь это обсуждать.

— Я не могу помириться со старым герцогом, пока мое поведение не станет пристойным, — сделал он искусный ход. — Старик весьма щепетилен в этом отношении.

— Вам надо следить за своим языком.

— Я об этом и говорю, — улыбнулся он. — Страшно вспомнить, какими словами я его обзывал — они сами сорвались с языка. Как же я предстану перед ним таким грубияном?

Она постукивала пальцами по столу и недоверчиво смотрела на него.

— Я выросла среди пятерых братьев, так что мне это знакомо. Послушайте, неужели за год, прошедший после вашего возвращения в Англию, вы так и не навестили отца?

— Да, прошел почти год. Она не могла этому поверить.

— Не навестили умирающего отца? Пожилого человека, который хочет забыть прошлые обиды и помириться... Милорд, почему вы устались на потолок? — строго спросила

она. — Это неприлично.

— Я ждал, когда же раздастся божественный хор и исполнит гимн. — Он не придавал значения ее сердитому взгляду. — Кстати, прощения должен просить он, а не я. Он превратил мою жизнь в ад, Эмма. Это он выгнал меня, измучив своими выдуманными подозрениями. Почти полжизни я прожил, считая себя не его сыном. И он вовсе не такой уж старый, как вы думаете. И он не на одре болезни.

— Он поправился? — удивилась Эмма. — Вы уверены?

— Сомневаюсь, что он вообще болел. Думаю, что это была уловка, чтобы вернуть меня домой.

— Вы хотите, чтобы я вам поверила? Что ваш отец для этого притворился смертельно больным?

— Да, это так. — Эйдриан был уверен в своей правоте и полагал, что Эмма примет его сторону.

— Эйдриан, вы его сын. Ваш долг оказать ему уважение.

— Оказать уважение? Этому старому...

— Это ваш родовой долг, — мягко продолжила она. — Лишить вас титула он не может. Пора отложить в сторону личные антипатии.

— Разве это справедливо? Скарфилд заявил мне, что я рожден гулящей женщиной и что я не его сын. Вы считаете, что я должен забыть про годы унижения?

— Дайте ему возможность помириться с вами. По крайней мере, послушайте его.

— С какой стати?

— Вам никогда не приходило в голову, что будет с Англией, если все наши аристократы из знатных родов вдруг решат отречься от своих титулов?

— Я его презираю, — сказал Эйдриан, все еще ожидая, что она согласится с его враждебностью к отцу.

Она вздохнула:

— Как бы вам ни было горько, вы должны с ним встретиться. Вам это нужно даже больше, чем ему.

— Не надо говорить мне о том, что я чувствую, или о том, что я должен делать, — ответил он. — Просто помогите мне.

— Я не уверена, что знаю — как.

— И я тоже не знаю. Но у вас есть такая возможность, Эмма. — Он прижался лбом к ее лбу. — Все ведет к тому, что мне нужна...

Она засмеялась:

— Что же это?

— Вероятно, мне нужна жена.

«Господи, помоги мне!» Эйдриан не мог понять, как у него это вырвалось. Но вдруг он понял, что хотел сказать именно это.

— Жена? — Она покачала головой. — Да, конечно. У герцога обязательно должна быть жена.

В дверь осторожно постучали. Эйдриан быстро отодвинулся от Эммы, а она снова села в кресло и спросила:

— Кто это?

— Шарлотта. Я могу войти?

Эмма, закусив губу, виновато посмотрела на Эйдриана. Он указал на боковую дверь за

письменным столом, ведущую в другой коридор. Эмма кивнула и вздохнула с облегчением, когда он скрылся. Она впустила кухню и постаралась вести себя как можно естественнее. Хоть бы Шарлотта не слышала удаляющиеся шаги Эйдриана! Но Шарлотта ничего не заметила, так как была слишком взволнована.

— Что случилось, Шарлотта?

— Почему ты заперлась... ой, это не важно! — Шарлотта огляделась. — Дело в том, что приехала леди Клипстоун и хочет тебя видеть. Она явилась без приглашения и предупреждения. Хэмм сказал, что ты никого не принимаешь, но я подумала, что тебе следует об этом знать.

Ее враг. Эмма ощутила, как в ней пламенем разгорается желание сразиться со своей недоброжелательницей. Истинная Боскасл, она гордо выпрямилась, готовая к бою. Неудивительно, что Шарлотта так разволновалась. В Лондоне была только одна дама, у которой хватило нахальства заявиться как раз в тот момент — а у леди Клипстоун был на это нюх, — когда у Эммы возникли личные трудности, и использовать эту ситуацию в своих интересах.

— Где она? — спросила Эмма.

— В маленькой гостиной. Я велела подать ей чай.

— Из лучших чашек?

— Разумеется.

Эмма одобрительно похлопала кухню по руке и отправилась на встречу со своей соперницей.

Она возлагала на юную Шарлотту большие надежды, поскольку проницательность и сдержанность кухни служили ей защитой от наследственных скандальных черт. Что касается самой Эммы, то сейчас ей предстоит являть собой пример того, как истинная леди умеет защищать себя, не опускаясь до непристойности.

«Лицемерка! — шептал ей внутренний голос, пока она быстро шла по коридору. — Какой пример ты показала прошлой ночью? А как назвать твоё поведение всего несколько минут назад перед появлением Шарлотты?»

О том, что могло произойти, лучше не думать. Да сейчас и не время размышлять о тайном романе. Стоило Эмме увидеть элегантную, модно одетую брюнетку, ожидавшую ее в гостиной, предназначенной для официальных разговоров, как она пришла в ярость. Но она не могла не восхититься прехорошенькой соломенной шляпкой с кокетливым страусовым пером.

Элис Клипстоун. О, уже одно ее существование отравляло Эмме жизнь.

Разумеется, ни одна из дам не позволила себе продемонстрировать свою враждебность. На первый взгляд могло показаться, что встретились две родственницы, которые давно не виделись. Обе воскликнули, как замечательно каждая выглядит, и поинтересовались здоровьем близких. Все происходило так, будто никакой ненависти между ними и в помине не было.

— Могу я предложить вам еще чаю? — спросила Эмма, когда положенные по этикету вопросы и приветствия иссякли.

— О нет, — отказалась леди Клипстоун. — Я не могу надолго отвлекать вас от уроков своим бесцеремонным вторжением. Но возможно, на сегодня уроки отменены? Я бы не удивилась этому в свете недавнего... происшествия.

Ага. Вот в чем дело. Эмма стиснула зубы. Первый укол рапирой, отравленной

мышьяком.

Гостья сняла надушенные длинные перчатки, словно хотела отбросить все претензии на аристократизм. А Эмма почувствовала себя даже спокойнее. Элис так и не смогла смириться с тем, что академия Эммы пользуется большей известностью по сравнению с ее заведением, а ей приходится брать к себе тех, кого Эмма не может принять.

— Уроки у нас постоянно, — спокойно ответила Эмма. — Этикет изучают с утра до обеда. Как вы, вероятно, знаете, Шарлотта умело с этим справляется, и к тому же я пригласила весьма требовательную мисс Пеппертри. Сейчас она вместе с девочками в библиотеке — у них урок рисования, который дает леди Далримпл.

У Элис глаза злорадно засверкали.

— Гермия? Вы доверяете эти неокрепшие души такой?...

— Какой? — холодно осведомилась Эмма.

— Ну, женщине, которая рисует голых джентльменов и выставляет свои произведения для всеобщего обозрения. Я не удивлюсь, если она как раз сейчас с большим удовольствием рисует небезызвестного наследника герцога.

Эмма почувствовала, как краска стыда заливает ей лицо. Вот то, чего ждала ее соперница, — Эйдриан и скандал на свадьбе. Все утряслось бы через месяц-другой, если бы Эмма держалась подальше от своего доблестного защитника.

Но Элис ничего не знает о ее нескромном поведении. Иначе Эмме пришлось бы отправиться в ссылку, как и другому пользующемуся еще более дурной славой диктатору [\[5\]](#), узнай кто-либо правду.

— Если лорд Вулвертон желает, чтобы написали его портрет, то я... я...

Она замолчала, увидев, что внимание Элис чем-то или кем-то отвлечено.

За окном появились две фигуры: это были Хит и... Эйдриан. Его высокий широкоплечий силуэт вырисовывался на фоне заходящего солнца. На нем был грифельного цвета плащ и черная шелковая шляпа. Судя по наряду, он собирался покинуть этот дом.

У Эммы сжалось горло. Он уезжает! Но он ведь говорил ей об этом. И они оба знают что это правильно. Он в состоянии позаботиться о себе сам, но...

Она перевела взгляд на Элис — та с любопытством смотрела на нее.

— Что вы собирались сказать, леди Лайонс? — спросила она невинным голосом.

Но Эмму не так-то просто вывести из равновесия.

— Я собиралась спросить, моя дорогая, что привело вас сюда в такое позднее время.

И без приглашения, и без сопровождающего, если не считать угрюмого старого лакея, который остался в холле.

— Неужели у нас с вами была договоренность встретиться, о чем я забыла? — продолжала Эмма простодушным тоном. — Если так, то прошу меня извинить. Видите ли, мы ожидаем приезда новой ученицы, племянницы графа Хейдона. Надеюсь, вы о ней слышали. — Эмма помолчала. — Ее багаж уже прибыл.

— Кто же не знает лорда Хейдона! — живо откликнулась Элис. — Он ведь когда-то предлагал вашей академии покровительство?

Эмма напомнила себе, что леди должна закончить беседу, пока дело не дошло до опасных тем. И надо прекратить бросать взгляды в окно на одного очень красивого джентльмена.

— Он был весьма любезен, обратив на нас внимание. Что касается...

— Боже мой! — Элис прижала руку к щеке. — Какая я забывчивая. Я же приехала

именно по этой причине.

У Эммы все внутри сжалось в ком от предчувствия беды.

— Вас прислал граф?

— В какой-то мере. — Элис взяла со стола перчатки и сумочку. — Его секретарь предложил мне забрать багаж леди Корали. Вероятно, произошло недоразумение, и его доставили сюда по ошибке.

Эмма увидела, что Эйдриан свернул за угол и исчез из виду в саду.

— Какое недоразумение? — сдавленным голосом спросила она, повернувшись к Элис.

— Леди Корали не поступает в вашу академию, дорогая. Ее дядя передумал относительно того, где ей учиться. Я решила лично сообщить вам это от ее имени и забрать багаж.

Эмма с трудом подавила желание вытащить перо из шляпы Элис, а заодно сорвать и шляпу.

— Она передумала? — спросила Эмма как можно равнодушнее.

Элис деланно вздохнула.

— Мне очень жаль, если это причиняет вам неудобства... Надеюсь, вы не рассчитывали на ее деньги?

Эмма изобразила безразличие и встала.

— Конечно, нет. Я прикажу Хэмму помочь вам с багажом леди Корали. Полагаю, что вы все еще не можете позволить себе лакея...

Элис испепелила Эмму взглядом.

— У меня два лакея, а вскоре будет еще один.

— Следует ли мне нанять вам двухместный экипаж, или вы пойдете пешком?

— У меня собственный экипаж. — Элис встала и посмотрела прямо в глаза Эмме. — Я купила его на...

Восторженный визг, донесшийся из сада, прервал *coup de grace* ^[6] Элис. Эмма почти обрадовалась неожиданным крикам, потому что боялась за себя. Боялась, что еще одно слово этой Немезиды ^[7], и она не удержится и сделает что-нибудь ужасное, о чем потом напишут в утренних газетах.

Но шум в саду — возможно, уже перешедший в скандал — обеспокоил Эмму не на шутку. Что же она увидела? На ступенях летней беседки позировал Эйдриан: плащ был небрежно наброшен на одно плечо, шляпа лежала у ног. Он улыбался, и хотя он не смотрел в сторону Эммы, тем не менее, у нее перехватило дух. На него, словно на божество, с восторгом взирали с десятков обожательниц. Неужели он позирует для бесстыдных рисунков леди Далримпл? Как он может?

— Это лорд Вулвертон? — раздался за спиной Эммы восхищенный голос Элис.

Эмма плотно задернула штору и резко повернулась.

— Неужели вы оставили свою школу без присмотра, леди Клипстоун? — ледяным тоном спросила она. — Что касается меня, то я должна вернуться к своим обязанностям.

— Судя по тому, как он выглядит, — пробормотала Элис, — дел у вас действительно полно.

Эйдриан не помнил, каким образом он согласился позировать леди Далримпл. Он просто прохаживался по саду с Хитом, обсуждая планы на будущее. Теперь он чувствовал себя по-дурацки, особенно когда Хит уселся на скамейку напротив и с веселой усмешкой

наблюдал за ним. Сколько раз его друг Доминик потешался над скандальным рисунком Хита Боскасла, который украсил улицы и салоны Лондона! Конечно, Эйдриан штанов не снимал, позируя девицам в саду, но ему было чертовски трудно отказать леди Далримпл. Несмотря на ужасающую жестокость жизни наемника, он питал странную слабость к старым дамам и маленьким детям. Наверное, леди Далримпл напомнила ему любимую бабушку, которая успела до своей смерти побаловать внуков. Ее глаза так же озорно блестели и подмигивали.

— Не могли бы вы немного развернуть туловище и выгнуть спину? — попросила леди Далримпл дрожащим нежным голоском и показала, какую позу ему следует принять.

— Простите? — не понял Эйдриан.

— Представьте, что вы заняты трудом, требующим огромной физической силы. Поднимаете тяжелый груз, например.

— Груз чего?

— Ну, я не знаю. Угля, камней. Что угодно, лишь бы ваши прекрасные мускулы напряглись.

Эйдриан бросил взгляд на Хита, который от смеха зажал рот рукой. Какое унижение! Мало этого — он заметил в окне потрясенное лицо Эммы. Кажется, он ступил на весьма опасную тропу. А он-то думал, что леди Далримпл — милая, безобидная, легкомысленная старушенция.

— Скажите, что именно вы хотите нарисовать? — спросил он, положив руку на левое бедро.

Она одарила его улыбкой:

— Геракла. Мы добавим его в нашу коллекцию богов. Вы не возражаете?

— Возражаю? — повторил за ней Эйдриан, а Хит от смеха чуть не скатился со скамьи. — Ну, я, право, не знаю... А что это за коллекция богов, позвольте узнать?

— Мы продаем картины, а вся вырученная сумма идет на благотворительность, — объяснила Гермия.

— А при чем здесь Геракл? Разве он был богом?

— Не двигайтесь, — приказала Гермия. — Свет может измениться — у меня колени болят к дождю. Геракл стал богом после смерти. Вы не могли бы сделать мне одолжение? — У нее снова весело заблестели глаза.

— Смотря какое, леди Далримпл. Что вы имеете в виду?

— Вы не могли бы изобразить схватку со львом?

Эйдриан наморщил лоб:

— Схватку... со львом?

Мисс Баттерфилд подняла вверх карандаш и с видом знатока заявила:

— Леди Далримпл, но он ведь должен быть обнаженным для этого подвига. Ну, как мы видели в музее.

Эйдриан не на шутку испугался. Хит почти валялся на земле от хохота.

— Надеюсь, вы говорите о льве, а не обо мне.

— Не о вас, а о Геракле. — Леди Далримпл озорно улыбнулась ему поверх мольберта. — Лидия, принеси его светлости мою накидку, чтобы ему было легче все представить.

Лидия опрометью кинулась в дом и через минуту, задыхаясь, вернулась с тяжелой накидкой желтого бархата.

— И что мне с ней делать? — спросил Эйдриан, покорно взяв накидку.

— Боритесь с ней, — приказала Гермия.

Он сложил накидку, подбросил вверх и поймал. — Вот так?

— С немейским львом так не борются. Он же не апельсин на сельской ярмарке.

Эйдриан тоскливо посмотрел на нее:

— Я не знаю как. У меня голова раскалывается. Можно мне сесть?

— Еще минутку, — ответила безжалостная Гермия. — Будьте терпеливы, Геракл.

Девочки прилежно рисовали, Эмма пряталась за шторами в доме, а Эйдриан не мог придумать, как бы отсюда удрать. Это оказалось совсем не просто. Стоило ему сделать движение, как Гермия одаривала его взглядом любимой бабушки. И он продолжал стоять.

Хит явно не собирался вмешиваться, а сколько времени Гермия заставит его позировать, трудно предположить. Что делать? Как сбежать? Мучения Эйдриана прервала появившаяся в саду Шарлотта Боскасл:

— Всем пора на урок по этикету.

Девушки с сожалением отложили альбомы и, сделав торопливые и довольно неуклюжие реверансы в сторону Эйдриана, удалились. Эйдриан не сразу сообразил, кому они делают реверансы, оказывается, ему. Вдохнув с облегчением, он вышел из беседки и увидел у двери дома Эмму — она поджидала своих подопечных.

Он не мог отвести глаз от ее точеного профиля. Она выглядела такой уверенной в себе — даже слишком уверенной. Большинству мужчин это не нравится, а Эйдриана она притягивала своим сильным характером. Она не жеманничает, и ей можно доверять, хотя не все, что она говорит, его устраивает. Но она ведет себя как истинная леди, с прирожденной грацией и внимательным отношением к окружающим.

Эйдриан, увидев, что Шарлотта и Хит бессовестным образом уставились на него, сказал:

— Вот уж неожиданное развлечение. Надеюсь, что завтра мои портреты не будут расклеены по всему городу.

Голубые глаза Шарлотты искрились смехом.

— Мужайтесь и утешайте себя тем, что все собранные деньги пойдут на благотворительные цели.

— Вы серьезно полагаете, что кто-нибудь согласится заплатить за рисунок с моим изображением? — засмеялся Эйдриан.

— Невероятно, да? — Хит прошел мимо него к дому. — Кстати, твой кучер уже здесь. Если хочешь остаться на ужин, я велю ему подождать.

Эйдриан сообразил — ему вежливо дали понять, что он злоупотребил гостеприимством.

— Спасибо, конечно, но я уезжаю. И спасибо за все, что ты сделал.

— Всегда рады тебя видеть. Ты ведь скоро вернешься? Держу пари, что Гермия будет донимать тебя, пока не уговорит попозировать еще, чтобы закончить картину «Геракл — победитель льва».

Эйдриан замешкался. Он услышал, как Эмма выговаривает одной из учениц за то, что та уронила карандаши.

— Конечно, я вернусь, скоро вернусь.

Хит смотрел на него с задумчивой улыбкой.

— Всегда рад видеть хороших друзей в своем доме, — произнес он.

Хороший друг. Эйдриан кивнул в ответ. Он почувствовал скрытый подтекст. В чем

причина? Его собственное ощущение вины или пронизательный Хит что-то заподозрил?

Холодный дождь бил по стенам родового особняка розового гранита, стоящего на краю долины в графстве Беркшир. Редкие раскаты грома заглушали голоса находившихся в доме. Две лоснящиеся шотландские борзые дремали перед горящим камином, где потрескивали дрова яблоневого дерева. В углу стоял столик эпохи Якова I, уже два столетия его никто не переставлял, на столике — бутылка крепкого портвейна и три хрустальных стакана.

Герцог Скарфилд смотрел в окно. У него была прямая спина, несмотря на ревматизм, мучивший его все эти долгие десять лет. Густые нахмуренные брови и морщинистое лицо говорили о сильном характере, не ведавшем жалости. Это был человек, твердо уверенный в своем долге, возложенном на него с рождения.

Решение просить прощения у своего первенца далось ему нелегко. У него ушел не один год, чтобы понять — он был несправедлив к своей покойной жене. Пролетела почти вся жизнь, прежде чем он нашел в себе мужество признать, что его ревность разрушила семью. И он позвал Эйдриана домой. Он знал, что сын уже год как вернулся в Англию, а он продолжал его ждать. Но Эйдриан все не приезжал. Либо это была месть сына, либо ему все было безразлично.

— Уже неделя, — произнес он, глядя на унылый лесистый пейзаж за окном. — Целую неделю идет дождь.

Лужицы воды блестели на круговой подъездной аллее, покрытой песком из ракушника.

— В такую погоду трудно путешествовать, — сказала золотоволосая девушка, дочь герцога. Она сидела в кресле и прилежно вышивала наволочку на подушку.

— Возможно, он болен, милорд, — тихо заметил Бриджуотер, управляющий в поместье. Он выжидал подходящий момент, чтобы привлечь внимание герцога к хозяйственным счетам, лежавшим на письменном столе. Поместье постепенно приходило в упадок, словно все ждали, что возвращение Эйдриана вдохнет надежду в Скарфилда и он займется делами. Герцог печально засмеялся:

— Каждый день мы разыгрываем спектакль, не так ли?

Дочь герцога, Флоренс, подняла голову от вышивания и улыбнулась:

— Не только каждый день, но каждое утро и каждый вечер.

— Седрик мог бы, по крайней мере, написать, — раздраженно ответил герцог.

— Погода, ваша милость, — заметил Бриджуотер. — В это время года путешествовать очень сложно.

Флоренс встала и положила вышивание в корзинку.

— А я люблю дождь. Пожалуй, до темноты навещу Серену.

— И сообщишь ей, что ее жених еще не вернулся? — вздохнул отец.

Она снова засмеялась и направилась к двери. Борзые последовали за ней.

— Вы не стали бы об этом говорить, если бы считали, что ее это все еще занимает, — сказала Флоренс.

— Конечно, занимает, — сердито фыркнул герцог, опускаясь в кожаное кресло. — Обещание есть обещание.

Флоренс поймала сочувственный взгляд Бриджуотера.

— Я вернусь к ужину.

— Леди Флоренс, с вами должен поехать конюх, — сказал управляющий. — На дорогах

снова появились разбойники.

Отец, кажется, ничего не слышал, весь в мыслях о блудном сыне. Когда-то она тоже хотела, чтобы Эйдриан вернулся. Но сейчас, как и все в поместье, в тревоге ждала примирения герцога со своим наследником, которого он изгнал, поверив ложным обвинениям.

Шагов Флоренс по толстому турецкому ковру не было слышно. Бриджуотер поспешил распахнуть перед ней дверь. Этот седой как лунь крошечный человечек всю жизнь служил семейству герцога, как до него отец и дед. В желтоватых глазах управляющего Флоренс заметила тревогу — он все видел и все понимал, знал все, что происходит в доме, знал секреты всех обитателей: от кого из лакеев забеременела горничная, и чем занимался поздно вечером дворецкий в буфетной. Он был свидетелем того, как отец несправедливо обвинил ее мать в неверности, как мать потом заболела и вскоре умерла, после чего отец замкнулся в себе и погрузился в меланхолию.

Наверное, он так же, как Флоренс, боялся, что герцог может не дожждаться возвращения Эйдриана.

После бурных сцен, предшествующих уходу старшего брата, в доме воцарилась тишина. Отсутствие Эйдриана положило конец постоянным ссорам между отцом и сыном.

Что касается Флоренс, то, по ее мнению, вообще не стоило обсуждать, кто настоящий родитель Эйдриана. Хотя после того как Эйдриан ушел из дому, все в поместье — начиная от судомоек и кончая незамужней тетушкой — поверили, что он — незаконнорожденный.

Два года назад положение изменилось. Бывшая гувернантка детей, умирая, рассказала, что герцогиня была верна мужу и что это она, мисс Мэллори, посылала герцогу анонимные письма, в которых описывала любовную связь его молодой жены с солдатом квартировавшего в деревне полка. Автор этих посланий заявлял, что Эйдриан — не родной сын Скарфилда. Тот факт, что Эйдриан родился восьмимесечным, якобы подтверждал это.

В результате Скарфилд все больше не доверял герцогине. Она была на пятнадцать лет его моложе, живая и веселая, и ему становилось невмоготу даже смотреть на нее. Он никуда ее не отпускал одну, повсюду сопровождал. В конце концов, его мрачные подозрения разрушили их брак. Когда же она простудилась и, недолго поболевав, неожиданно скончалась, он отказался носить по ней траур. Выход своей боли он нашел в гневе, который постоянно изливал на Эйдриана, очень походившего в детстве на мать.

Эйдриан покинул дом и избрал пользующуюся дурной славой карьеру наемника, и это доказало Скарфилду, что он был прав. Мальчишка дикий, неуправляемый, и у него нет чувства долга, что для герцога было самым главным. Видно, у него характер отца по крови. Он пренебрегает своими обязанностями, потому что привилегии аристократов ему чужды.

И вдруг Скарфилд узнает, что его обманула бывшая гувернантка. Она оболгала свою хозяйку, потому что герцогиня, зайдя в детскую, увидела, как мисс Мэллори бьет Эйдриана. Молодая мать тут же уволила гувернантку, сочтя, что та не подходит для воспитания наследника.

Мисс Мэллори просила простить ее, но герцогиня была непреклонна. И вот спустя годы гувернантка ей отомстила.

Столько лет прошло... Скарфилд позволил лжи и подозрительности уничтожить все, что имело значение в его жизни. Но самобичевание, однако, не уничтожило до конца его надменности, да это и невозможно.

Он хотел, чтобы его наследник вернулся домой. И не важно, что близкие — пожилая

тетка, дочь, младший сын и преданный слуга и неутомимый управляющий, который не раз спасал поместье от разорения из-за халатности герцога, — все они предупреждали его, что примирение после такой ссоры требует времени.

Скарфилд никого не слушал. По закону Эйдриан — его наследник, несмотря на обман и подозрения.

Для него сейчас главное, чтобы сын вернулся, и они помирились. Герцог плохо себя чувствовал и знал, что долго не протянет. Ему было безразлично, что скажут о нем или о профессии Эйдриана, позорной для древнего родового имени. Скарфилд привык поступать по-своему.

Эйдриан женится на молодой леди, с которой он был неофициально обручен еще в детстве. Таким образом, должный порядок будет восстановлен. Поместье снова станет процветать. Разбойники, обитавшие в удаленных лесах и грабившие на дорогах, будут пойманы человеком, у которого хватит сил с ними справиться.

Герцогу Скарфилду не могло прийти в голову, что его сын отвернется от наследства и откажется помириться с отцом.

Но Флоренс думала об этом и порой не могла уснуть, страшась того, что может случиться.

Последующие три утра Эмма просыпалась в обычное время, но не в обычном для нее хорошем настроении. Быть пленником собственных переживаний свидетельствует о слабости характера, и с подобными нарушениями душевного равновесия следует справляться в одиночестве.

Ее отец, четвертый маркиз Седжкрофт, и старший брат Дрейк были подвержены приступам черной меланхолии. Но Эмма не считала это наследственной чертой и была уверена, что сумеет одолеть духов-искусителей. Просто надо бороться с ними ежедневно. Такой совет в свое время дала собственным детям ее практичная мать. Однако из всех отпрысков Боскаслов только Грейсон, Эмма и Девон унаследовали материнскую способность стойко преодолевать трудности и сомнения.

Эмма, разумеется, понимала причину своих теперешних волнений. Ей бы радоваться тому, что лорд Вулвертон не сделал ни малейшей попытки увидеться с ней после их последней встречи в библиотеке, а ее это задевало.

Умом она сознавала, что такое положение дел к лучшему.

Она заставила его пообещать сохранить в секрете их проступок. И он до сих пор держал свое слово. В газетах промелькнуло лишь незначительное упоминание о неприятном случае на свадьбе. Судя по всему, даже леди Клипстоун не удалось разжечь скандал. Все хорошо, что кончается без излишних волнений.

Эмме уже начало казаться, что ей удастся забыть о прошедшей неделе и полностью погрузиться в дела академии.

А это, как выяснилось, было совершенно необходимо.

Когда после завтрака Эмма вошла в танцевальный зал, то обнаружила, что все ученицы столпились вокруг рыжеволосой девочки, в руке у которой был зажат рисунок.

Эмма мысленно произнесла молитву, прося Господа ниспослать ей сил, и подошла к оживленной группе.

— Отдай это мне.

— Но ведь мы рисовали на уроке с леди Далримпл, — радостно сообщила одна из девочек.

— Харриет Гарднер, сейчас же отдай мне рисунок или... Господь меня простит, но я...

Харриет несколько не испугалась, а скорее удивилась.

— Я-то думала, что леди не может повышать голос, а уж чтобы дать оплеуху...

— Иногда я могу сделать исключение, — заявила Эмма. — Сию минуту отдай мне рисунок.

Харриет послушалась, но не сводила с нее глаз. Как-то директриса отнесется к тому, что увидит?

Эмма смотрела на черновой набросок углем, сделанный умелой рукой Гермии с Эйдриана в день его отъезда.

Первое, что она испытала, — это огромное облегчение. Слава Богу, он не был нарисован голым. Художественное воображение Гермии лишь оставило обнаженными одну руку и плечо, чтобы показать потрясающую мускулатуру.

У Эммы, к ее стыду, на глаза навернулись слезы, когда она смотрела на недорисованный профиль Эйдриана. Леди Далримпл уловила решительность его красивого

лица. Он действительно был похож на молодого героя, хотя Гермии не удалось отобразить черточки, успевшие стать для Эммы дорогими.

Она вздохнула. Пусть между ними все кончено, но ей захотелось оставить себе этот эскиз. Конечно, если они встретятся где-нибудь на приеме — кто же будет игнорировать сына герцога? — она проявит вежливость и обходительность. Особенно когда...

— Эмма, — Шарлотта дотронулась до ее руки, — что нам делать?

Эмма собралась с мыслями.

— Прежде всего не оставлять девочек без присмотра, когда леди Далримпл дает им урок.

Шарлотта взглянула на рисунок:

— О, мне кажется, очень похоже. Только посмотри на этого свирепого льва.

— Лев? Ах да. Страшный зверь.

— Учти, я была тогда вместе с девочками, — сказала Шарлотта, — и на уроке не происходило ничего неприличного. Девочки учились разбираться в греческой культуре.

У Эммы изогнулась бровь — она сомневалась, что ее дебютанток интересует древняя история.

— Греческая культура — это замечательно, но девочки болтают, пока мы с тобой здесь стоим. Сегодняшний урок будет продолжением предыдущего и посвящен манерам, принятым в светском обществе иностранного государства. А где Иветт? Я хочу, чтобы она изобразила королеву при дворе.

— Она наверху. Служанка помогает ей уложить вещи. Иветт собиралась сама сказать тебе... — смущенно сообщила Шарлотта.

— О чем сказать? — удивилась Эмма.

— О том, что отец переводит ее в школу леди Клипстоун. Он решил, что в нашей академии не самая подходящая обстановка для Иветт, учитывая недавний скандал.

— Скандал? В академии?

— Ну, на свадьбе. Драка. Маркизу это напомнило годы террора во Франции.

— Удар по голове и гильотину едва ли можно сравнивать. Но... — Эмма замолчала. — Мы не должны погрязнуть в городских сплетнях, — заключила она. — И тем более мы не унижимся до того, чтобы оплакивать свою судьбу. Девочки! Встаньте вокруг... Харриет. Итак, мы будем оказывать знаки внимания мисс Гарднер. Сегодня она — французская принцесса.

— Принцесса... Харриет?

— Для вас она — *Voire Altesse* ^[8], мисс Баттерфилд, — сказала Эмма. — А если кому-нибудь из вас посчастливится быть представленной французскому принцу, что следует сделать в его присутствии?

— Упасть к его ногам, — сказала Харриет и влезла на кресло, которое должно было служить ей тронem. — А еще лучше — пусть поцелует мне ноги, раз принцесса я, и... — Она вдруг бросилась к окну с прытью горничной, а не принцессы. — Он здесь!

— Принц? — спросила Эмма.

— Да нет. — Харриет отбросила фартук, который одна из девочек повязала ей на плечи вместо мантии. — Герцогский наследник. Бедняга... Соскучился. Вот так штука! Вы только гляньте на его повозку.

— На что? — поразились Эмма. — Ты говоришь об экипаже лорда Вулвертона?

Харриет кивнула, поглощенная увиденным. Эмма подошла поближе и поверх голов

своих возбужденных учениц посмотрела, что же происходит за окном.

«Повозка», в которой так несвоевременно прибыл принц, оказалась белой герцогской каретой, украшенной позолоченными геральдическими львами и единорогами. Прямой как палка кучер был одет в черную ливрею и штаны до колен с желтым кружевом.

Да, это действительно поражающее зрелище, но еще больше впечатляла красивая фигура вышедшего из кареты человека в двубортном черном сюртуке. Эмма, едва бросив взгляд на его профиль, поспешно отвернулась. Сердце сладко и болезненно сжалось. Но беспорядок и шум среди воображаемых придворных заставили ее вернуться к своим обязанностям. Она захлопала в ладоши, призывая учениц отойти от окна. Шарлотта предприняла более радикальные меры, задернув шторы.

— Вы все испортили, мисс! Это нечестно. Что, если он приехал к леди Лайонс? А если он собирается сделать ей предложение? — раздались недовольные восклицания.

Эмма строго сдвинула брови, борясь с желанием самой вернуться к окну.

— Он, несомненно, приехал с визитом к лорду Хиту. Но это нас не касается, — заявила она.

— А если он влюблен в леди Эмму? — воскликнула мисс Баттерфилд.

Харриет вскочила с ногами на кресло.

— А если он хочет ее похитить? Перебросит через плечо, и след простыл!

— А что, если... — хорошо поставленный голос Эммы подобно удару кнута перекрыл шум в зале, — все вы на целую неделю останетесь без десерта?

От перспективы такого ужасного наказания девочки замолкли.

Харриет, кашлянув, приказала:

— Порядок при дворе! Заткнули глотки и...

В танцевальный зал стремительным шагом вошел Эйдриан. Он был просто бесподобен: прекрасно сидящий черный сюртук, облегающие брюки, заправленные в черные кожаные сапоги. Ученицы уставились на него, а Эмма в назидание другим осталась неподвижно стоять в центре зала. Но девочек это не остановило, и они тут же окружили его. Эмма с трудом боролась с желанием поступить так же. Ее обязанность — подавать пример, а не бросаться на грудь мужчине.

Он с улыбкой высвободился из кружка девиц и шагнул к Эмме. Как и ее братьям, ему было все равно, какой пример он подает.

— Лорд Вулвертон, — произнесла она, сделав вид, что не одобряет его появления, хотя внутри все пело от радости, — у нас урок. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезна? Вероятно, вам нужен мой брат?

— Да. — Эйдриан немного смешался. — Я хотел пригласить его на конные торги. — Он прокашлялся. — Неужели вы все же решили взять меня на обучение?

Эти слова вызвали новый всплеск хихиканья у девушек. Шарлотта быстро их утихомирила, но ей самой было любопытно.

— Боюсь, что вы не так поняли, — ровным голосом строгой учительницы сказала Эмма. — Могу ли я поинтересоваться, как ваша голова?

— Все еще на моих плечах.

— Вижу. Хотя... — губы у нее дрогнули в улыбке, — меня беспокоит, сохранили ли вы ясность мышления?

— Никогда в жизни у меня не было такой ясности в мыслях. — Он пристально смотрел на нее. — А у вас?

Она укоризненно покачала головой.

Эйдриан держал в руке черную шелковую шляпу с высокой тульей и всем своим видом показывал, что всеобщее внимание его нисколько не пугает.

Он отвел ее в сторону.

— Могу я задать вам еще один вопрос, раз вы не ответили на первый?

Он почти прижался к ней! Теплая волна пробежала по телу Эммы. Он не должен здесь появляться, но... она рада его приходу. Слишком рада, а это опасно, опасно для душевного равновесия.

— На нас смотрят девочки, — прошептала она.

Он с невинным выражением лица обернулся.

— Но мы ведь не делаем ничего предосудительного. Она предостерегающе нахмурила брови.

— А как вы на меня смотрите? Этого вполне достаточно.

— Да? Что в этом особенного? — Он приподнял бровь, и его чувственный взгляд медленно заскользил по ее фигуре.

Она покраснела.

— Вы ведь понимаете, что я имею в виду.

— Тогда скажите мне.

— Невежливо дразнить меня.

— Вот поэтому мне и нужны ваши советы.

— Я дам вам один совет, лорд Вулвертон, — сказала Эмма, повысив голос. — Вам следует вернуться в Беркшир и...

Он подвел ее к окну.

— Вы, случайно, не заметили мою карету?

— Не могла не заметить.

Она также не могла не заметить, как быстро он сменил тему разговора при упоминании о возвращении домой. И боль, промелькнувшую в его глазах, она тоже заметила.

Он понизил голос до шепота:

— Старый герцог прислал карету, чтобы доставить меня с шиком. Вы не считаете, что это немного претенциозно? Мне неловко в ней ехать.

— Вам должно быть неловко от собственного поведения, — укоризненно прошептала она в ответ.

— Значит, правильно, что я заехал к вам? — спросил он и окинул ее жарким взглядом.

Да, жара в его карих глазах было вполне достаточно, чтобы растопить камень. Эмму огорчило то, что она рада его появлению и что ей нравятся его дерзкие, вызывающие замечания.

— Я в этом не уверена, — ответила она. — У меня урок, а вы его срываете.

— Лично я предпочитаю частные уроки, — пробормотал он. — Вы даете уроки заблудшим и покинутым?

Она подняла на него глаза и улыбнулась:

— Даю, но только в том случае, если мои братья присоединятся к нам на уроках. Уверена, что это можно устроить.

— Ваши братья? — Он наклонил к ней голову.

— Да. — Она отстранилась и указала на дверь. — Пока мы разговаривали, пришли Хит и Дрейк. О, и младший из Боскаслов — Девон. Порой их трудно различить. Вы говорили, что

Хит вас ожидает?

Эйдриан быстро выпрямился. Трое темноволосых братьев Боскасл вошли в зал и поздоровались с ним.

— Всего хорошего, лорд Вулвертон, — сказала Эмма. Он вздохнул.

— Привет, Волк. — Девон обнял Эйдриана за плечи. — Приехал похвастаться своей знатностью? На улице уже собралась толпа, чтобы поглазеть на владельца этой роскоши. Спасти тебя от маленьких дебютанток? Давай прокатимся по парку. Невинные девицы порой могут сокрушить своим натиском.

Да, подумал Эйдриан, ему опять дружески указали на то, что сестра братьев Боскасл находится под их защитой. Очень ловко они это сделали.

Ну что ж, это до тех пор, пока другой мужчина не возьмет на себя ответственность за нее. А поскольку Эйдриан решил, что он единственный подходящий мужчина на эту роль, то ему понадобится разрешение от ее братьев ухаживать за ней. Но он помнил об обещании, какое дал ей, и пока что он вынужден притворяться, что она просто его друг.

Если он поставит Эмму в неловкое положение, то ничего не добьется. Будет ли она лучше думать о нем, если он посетит отца? Наверное, в ее глазах он выглядит трусом, уклоняясь от неизбежности. К своему удивлению, общение с дружными Боскаслами вызвало у него желание увидеть собственных брата и сестру. Он помнил, как они плакали, когда он покидал дом. Счастливы ли они?

— Грейсон видел твое позолоченное чудовище? — спросил Хит, когда они шли к двери. — Держу пари, что он тебе позавидует.

— Карета прибыла от отца только сегодня утром, — помолчав, сказал Эйдриан. Хит навряд ли поверит, что он забрел в бальный зал по ошибке. Или что он за три дня успел соскучиться по Хиту.

Следующие слова Хита подтвердили подозрения Эйдриана.

— Предлагаю тебе съездить и навестить Грейсона на следующей неделе. Уверен, что он с удовольствием с тобой побеседует.

И не о каретах. Эйдриан прекрасно понял, что имеет в виду Хит. Грейсон Боскасл, пятый маркиз Седжкрофт, был главой семьи. Он мог подарить свою благосклонность либо обречь на общественное забвение.

Хит не мог высказаться яснее: если Эйдриан собирается видаться с Эммой, ему придется сначала попросить разрешение у Грейсона и заявить о своих намерениях.

И он сделает это. Как только убедит ее в своей искренности и докажет ей, что даже грубого авантюриста можно исправить.

Сэр Гейбриел Боскасл задержался у входа в городской дом Хита и оглянулся на герцогскую карету, ехавшую по улице. Помимо Гейбриела, за каретой с восхищением наблюдали прохожие, уличные торговцы и мальчишки.

— Это был Эйдриан, не так ли? — спросил он через несколько минут кузена Хита, когда горничная провела его в библиотеку. — Можно подумать, что он...

— ...герцог? — закончил лорд Дрейк Боскасл с циничной улыбкой. Он в прошлом не ладил с Гейбриелом, но после недавней женитьбы Дрейка на его гувернантке вражда пошла на убыль. — Они с Девонем поехали кататься. Ты еще можешь их догнать, если, конечно, продерешься сквозь толпу зевак.

Хит сидел за массивным письменным столом, заложив руки за голову. Как обычно, по его лицу нельзя было понять, о чем он думает.

— Ты поедешь сегодня с нами в оперу, Гейбриел?

— Конечно. — Гейбриел взял протянутый ему Дрейком бокал хереса. — Я никогда так сладко не сплю, как во время арии. — Он помолчал и заметил: — В нашей встрече есть какая-то таинственность. Я знаю, что в прошлом у нас были разногласия, и мы до сих пор не слишком близки...

— У нас небольшая семейная сложность. — Дрейк посмотрел на брата. — Сказать ему? Хит засмеялся:

— Придется, раз уж начали.

Гейбриел удивленно покачал головой:

— Это означает, что меня уже включили в какие-то козни Боскаслов, а теперь спрашивают желание?

— Дело в Эмме, — ответил Дрейк.

— И в Волке. — Хит запустил ладонь в густые темные волосы. — Эмма и Эйдриан Совершенно невыносимое сочетание.

Гейбриел сделал глоток хереса.

— Английская история знает еще более странные случаи. Возьмем, к примеру, Нелл Гвин [\[9\]](#), разносчицу апельсинов. Она стала герцогиней благодаря королю.

— Герцогиня? Тут есть о чем подумать. Эйдриан не женат. Его отец будет поощрять ухаживания. — Хит многозначительно взглянул на Дрейка. — Думаю, придется собрать семейный совет, пока Эмме еще можно помочь.

— Грейсон сейчас в Кенте и пробудет там до пятницы — учит Роуана охотиться, — сказал Дрейк.

Гейбриел поперхнулся.

— Но мальчик еще не умеет ходить. Ему, как мне кажется, рановато стрелять из ружья.

— Не рано, если его готовят стать со временем маркизом. — Хит язвительно рассмеялся. — Дрейк, я предлагаю встретиться в пятницу вечером. Прошу тебя озаботиться тем, чтобы Девон пришел. Я бы пригласил Доминика, но он дружит с Эйдрианом, так что будет нечестно его привлекать.

— Значит, я тоже включен в вашу компанию? — спросил Гейбриел с довольной улыбкой.

Дрейк засмеялся:

— Без тебя, без твоего мнения это не будет советом в полном составе, кузен.

— Предосторожность не помешает. — Хит поднял руку. — Женщинам ничего не сообщать. Как бы мы их ни любили, вмешательства дам следует избегать любой ценой. Не надо, чтобы эмоции повлияли на наши решения.

Гейбриел допил херес со словами:

— У меня на губах печать.

— А на моих оковы, — вторил ему Дрейк.

Хит удовлетворенно кивнул:

— Ни один из нас не должен нарушить слова даже под давлением... ну, вам известны их хитрости. Женщины в нашей семье — сюда я включаю и сестер, и жен — обладают сверхъестественным чутьем на подобные дела. Если они заподозрят, что мы принимаем решение, не посоветовавшись с ними, они нас съедят.

Гейбриел недоверчиво посмотрел на него:

— Неужели ты хочешь сказать, что двое из вас, бывшие шпионы, слова не сказавшие под

пыткой, на самом деле боитесь, что ваши жены разузнают о нашей встрече?

Хит задумчиво посмотрел на огромную карту Египта, висевшую на стене.

— Гейбриел, ты понятия не имеешь, какой властью обладают женщины в нашей семье.

Жена Грейсона Боскасла — урожденная леди Джейн Уэлшем, а теперь маркиза Седжкрофт, невестка Эммы — опустила полевой бинокль, когда старший лакей Боскаслов, Уид, запыхавшись, с трудом поднялся по травянистому холму. Ее сын Роуан, гулька, лежал на одеяле, а отец с егерем старательно делились охотничьими познаниями с ребенком, который пока что не научился говорить. Джейн поклялась, что если Грейсон еще хоть раз покажет Роуану арбалет, она реквизирует у него этот предмет навсегда.

Уид помахал рукой со сложенным посланием. Он тяжело дышал и отдувался — очевидно, бежал всю дорогу от дома.

— От кого это, Уид? — спросила Джейн, уже представив, что несчастье случилось с кем-нибудь из пожилых тетушек и дядюшек, любимыми родителями, братом — прожигателем жизни или сестрами...

— Не знаю, мэм, — задыхаясь и держась за бок, произнес Уид. — Мне только сказали, что дело чрезвычайной важности и что нужно доставить вам это немедленно.

Одна из служанок, сидящих на траве рядом с Джейн, встала и с тревогой взглянула на нее.

— Пожалуйста, скажи моему мужу, что юному Ориону [\[10\]](#)необходим отдых.

Пока служанка быстро сбегала вниз по холму в сторону перелеска, Джейн аккуратно распечатала письмо и проглядела написанное. Послание было из Лондона от Джулии, жены Хита. И оно действительно было срочное и краткое.

«Эмма. Эйдриан Раксли. Я знаю, что ты сможешь угадать то, о чем осторожность вынуждает меня умолчать. Хит знает о ситуации и хочет собрать семейный совет, чтобы решить ее судьбу. Могу ли я попросить тебя вмешаться в интересах женской солидарности?

Во имя истинной любви, Джулия, твоя невестка, не чурающаяся скандала».

Джейн так резко повернулась, что Уид, с умилением смотревший на маркиза и маленького наследника, едва не упал. Он вполне мог скатиться вниз с холма, если бы Джейн не поймала его за рукав.

— Какая я неуклюжая, — сказала она.

Взгляд Уида остановился на письме, которое Джейн, несколько не смутившись, засунула в лиф платья.

— Надеюсь, что новости не очень плохие, мэм?

— Будут плохими, если я не вмешаюсь, — пробормотала она себе под нос и прикусила язык.

Уид был предан Боскаслам. Джейн не сомневалась в том, что он отдал бы за нее жизнь, случись ей оказаться в опасности. Но если бы ему пришлось выбирать, чью сторону занять, ее или мужа, то Джейн подозревала, что Грейсон победил бы. Уид — мужчина и прежде всего верен мужчинам семьи Боскасл.

— Прикажете немедленно подать карету для вас с милордом? — спросил он.

Джейн бросила любящий взгляд на мужа и ребенка.

— Не стоит нарушать планы моего мужа. Я поеду в Лондон с миссис О'Брайен и сыном. Миссис О'Брайен, ирландская няня Роуана, была решительной особой, не боявшейся противоречить Грейсону, когда дело касалось ухода за младенцем.

Старший лакей не раз становился свидетелем перепалок в семье Боскасл и поэтому

сразу заподозрил неладное.

— Да, мадам? — произнес он тоном, подразумевающим все и ничего.

Джейн понизила голос до шепота:

— Из Милана только что прибыл модный сапожник, и я хочу перехватить его прежде, чем другим дамам о нем станет известно.

Уид понимающе кивнул — страсть к модным нарядам его не удивляла.

— Смотрите, никому не проговоритесь. — Джейн обворожительно улыбнулась.

— Вам не стоило говорить это, мэм.

— Хорошо. Я тотчас отправляюсь в Лондон. Вот только объясню все маркизу.

Когда жена сообщила Грейсону, что хочет вернуться в их особняк на Парк-лейн, он понял: что-то затевается. Обычно по ее требованию сапожника привозили в поместье, в Кент, как и портниху, модистку и ювелиров. А получив через час послание от брата Хита, извещавшего его о новостях, связанных с Эммой, маркиз укрепился в своих подозрениях.

Он не знал, какую интригу замыслила его жена, но посчитал, что будет разумно ее опередить. Они с Джейн получали удовольствие, пытаясь перехитрить друг друга.

Она не смогла скрыть своего разочарования, узнав, что он хочет поехать в Лондон вместе с ней.

— Тебе нет никакой нужды менять свои планы из-за меня, — сказала она, когда они оба вышли в холл, где громоздился их багаж.

— Но мои планы не имеют никакого значения, если в них не участвуешь ты, дорогая.

У нее приподнялась тоненькая бровь. Он заглянул в темно-зеленые глаза и почувствовал, как дрогнуло сердце. Брак нисколько не заглушил желания, которое он испытывал к ней. А также никуда не исчезло ее остроумие. Поэтому, если некоторые мужья после женитьбы впадали в апатию, Грейсон все еще пылал страстью к очаровательной леди Джейн.

— Послушай, Грейсон, — сказала Джейн, пока служанка накидывала ей на плечи длинную мантилью на бархатной подкладке, — мне не нужна твоя помощь, чтобы увидеться с сапожником.

— Я невыносимо скучал бы без тебя, — заявил он и сам стал завязывать обшитые тесьмой шнурки на ее накидке. — Ты же не возражаешь, правда?

— Но это всего лишь сапожник. — Она надула пухлые губки.

Он улыбнулся. Сапожник! Как бы не так! Что-то явно затевается.

Эйдриан любовался похожим на камею профилем Эммы Боскасл через перламутровый оперный лорнет, который одолжил у одного из двух джентльменов, сидевших вместе с ним в ложе театра.

Интерес дам, проявленный к его особе, удивил Эйдриана. Когда он вошел, то в переполненном фойе театра повисла тишина. Он с любопытством огляделся, ища глазами важную персону, заставившую умолкнуть молодых леди.

Женское внимание было ему не внове. Он сознавал свою привлекательность для противоположного пола, хотя не всегда этим пользовался и не делал зарубки, отмечающие его победы, на столбиках балдахина над кроватью.

Он считал нелепостью, что некоторые женщины преследовали его из-за герцогского титула. И вот сейчас, не успела начаться опера, как он получил семь приглашений на ужин, три — на завтрак и два — на не столь невинные развлечения.

— Хотел бы я иметь такой же успех у дам, — заметил баронет, сидевший справа.

Эйдриану хотелось сказать своим новым поклонницам, что попытки завести с ним роман — это пустая трата времени. Он развлекался тем, что складывал записки с приглашениями в шарики и бросал их вложу Боскаслов на противоположной стороне зала.

С каким бы удовольствием он завлек Эмму в свою ложу, задернул занавески и целый вечер оказывал ей — и только ей! — знаки внимания. Но полчища братьев, маячивших рядом с ней, делали невозможным осуществить приятные мечты ни сегодня вечером, ни в ближайшем будущем.

Да, ему будет нелегко завладеть ускользающей от него Эммой. Если она вообразила, что он принадлежит к типу мужчин, способных тайно соблазнить женщину, а затем спокойно перейти к дальнейшим победам, то ее ждет сюрприз. Он и сам удивился своему стремлению добиваться ее для длительного союза.

Внутренним чутьем он понял, как только услышал ее голос, что она — та женщина, которую он ждал всю жизнь. До сих пор ему и в голову не приходило, что он ждет кого-то или что в будущем ему уготована истинная любовь.

Он знал многих мужчин, особенно среди наемников, которые не верили в любовь. Брошенные родителями, обижаемые дома, они приучили себя не искать ничего, кроме быстрого удовольствия, и — никаких чувств. Но Эйдриан помнил, как его любила мать, а брат и сестра бегали за ним, словно преданные собачонки, готовые на любое озорство.

Они его любили. А он любил их. Поэтому он никогда не признавался своим грубым соратникам, что верит в настоящую любовь. Когда-то такая любовь для него существовала. Почему же ей не возродиться?

Он выпрямился, заметив, что Эмма уходит. Одна? И как раз в тот момент, когда началось душераздирающее пение? Вот счастье!..

— Прошу прощения, — пробормотал он своим знакомым, один из которых уже спал. — Не ждите меня, если я скоро не вернусь.

Эйдриан чуть не сбил с ног лакеев и запоздавших театралов. Так спешил он задержать Эмму в холле. Если бы удалось уговорить ее встретиться с ним еще раз и обсудить будущее, которого, по ее убеждению, у них нет.

— Боже милостивый! — прозвучал прямо ему в ухо знакомый голос. — Неужели это мой Геракл?

Только не она! Эйдриан отпрянул от шумной пожилой дамы, загородившей ему дорогу. Она почти прижала его к стене. Поверх ее тюрбана со страусовым пером он разглядел Эмму — она обмахивалась веером, а неподалеку стоял Хэмм, лакей лорда Хита.

— Дорогая леди Далримпл, — вежливо произнес Эйдриан и отодвинул — вернее, переставил — ее в сторону, — я бы с большой радостью продолжил разговор, но я увидел друга, с которым не могу не поздороваться.

— Друга? — Леди Далримпл с интересом обернулась и ахнула, когда увидела, кого он имел в виду. — Неужели Эмму? Да, это Эмма. Вы... Эмму называете своим другом?

Эйдриан слишком поздно понял, что проговорился, и попытался выкрутиться:

— Конечно, она мой друг. Так же, как и вы, и ваша племянница Джулия...

Леди Далримпл заговорщицки понизила голос:

— Вы можете доверять мне, лорд Вулвертон.

— Да? — Он не спускал глаз с Эммы, которая повернулась к лестнице, ведущей к ложам. Возможность побыть с ней ускользает!

Он пересек холл и кинулся к ней.

— Леди Лайонс. — Он поклонился, поймал ее руку, затянутую в перчатку, и отвел в сторону. — Какая приятная встреча.

Ее лицо засветилось, и она не стала возражать, когда он придвинулся к ней ближе, чем следовало. Потом она засмеялась и спросила:

— Разве это случайность? Разве вы не знали, что мы будем здесь сегодня?

— Возможно, ваш брат упомянул об этом. Я мог лишь надеяться, что вы приедете вместе с ним.

Она опустила глаза.

— Вы любите оперу?

— Я ее ненавижу.

Она постукивала веером по плечу.

— Тогда я не буду спрашивать, почему вы приехали.

— Вы знаете почему, Эмма.

— Это Гермия смотрит на нас?

Он не собирался оглядываться, потому что ему ни до кого не было дела.

Она застегнута на все пуговицы — у шеи, на рукавах, на лифе платья. Маленькие перламутровые пуговички быстро не расстегнешь, но на то, чтобы их вырвать, уйдет всего минута. Она строгая и недоступная, но от этого он хотел ее еще сильнее.

— Какая Гермия? — рассеянно спросил он.

— Леди Далримпл. Художница.

— Спрячьте меня от нее, — простонал он.

Эмма весело засмеялась и подняла к нему лицо, согрев своей улыбкой. Он нагнул голову, умирая от желания вкусить сладость ее рта.

Кто-то шутливо хлопнул его по плечу.

— Господи, Волк, так это был ты в ложе напротив? А я-то думал, что ты порвал со светским обществом.

Эйдриан оглянулся — на него пристально смотрели синие глаза Дрейка Боскасла.

— Разве ты не слышал? Я на пути к самосовершенствованию, — спокойно ответил он.

— Да ну? — Дрейк недоверчиво усмехнулся. — Тебе надо было поехать вместе с нами. Мы с братьями всегда рады обществу беспутного приятеля.

Чтобы удержать его от общения с их сестрой.

Эмма вышла из ложи, сказав, что ей душно. Но дело в том, что у нее не было сил наблюдать, как дамы из кожи вон лезут, лишь бы привлечь внимание Эйдриана. Еще минута, и она забудет об изящных манерах и... отпустит грубое замечание. Чтобы не уронить достоинства, она улизнула из ложи... и от братьев.

Она стояла в холле и обмахивалась веером. Конечно, она заметила Эйдриана, как только он там появился. Первое, что ей пришло в голову, — он встречается с любовницей, поскольку его сегодняшнее появление в театре всколыхнуло женское общество. Но тут она увидела, как он обрадовался, заметив ее в углу.

Она наблюдала, как он отстранил леди Далримпл, буквально приподняв ее, чтобы подойти к ней, Эмме. А к кому же еще? В холле нет других дам. Она должна была сделать вид, что они незнакомы, но когда он встал перед ней, такой дьявольски красивый, горячий, полный жизни, она забыла о благоразумии. Почему не насладиться несколькими мгновениями? Когда же он наклонил к ней голову, сердце у нее бешено забилося. Она

разрывалась между страхом и надеждой, он не осмелится поцеловать ее в театре! А вдруг?... Брат Дрейк положил конец ее муке. Эмма не могла разглядеть лица Дрейка, поскольку его заслонила огромная фигура Эйдриана, но все же поняла, что появление брата не было случайным. Лакей Хэмм стоял всего в нескольких шагах, так что приличия были соблюдены. Выходит, что Дрейк умышленно помешал им с Эйдрианом.

Эмма обмахивалась веером, прислушиваясь к разговору мужчин.

— Серьезно, Эйдриан, — сказал Дрейк, — я бы пригласил тебя поехать вместе с нами в театр, если б знал, что ты тоже собираешься. А как сегодняшний аукцион?

Тут леди Далримпл выбрала весьма неподходящий момент и протиснулась между мужчинами, чтобы пригласить Эйдриана поужинать после спектакля с ней и ее другом графом Одемом. Эмма отвернулась, но успела поймать изучающий взгляд Дрейка — он явно заметил, как она взволнована. Но что известно ему и остальным братьям? Они о чем-то догадываются или просто чрезмерно беспокоятся за нее? Когда она осмелилась оглянуться, то увидела, как леди Далримпл тащит Эйдриана за локоть подальше от стайки молодых дам, ринувшихся к нему. Но он даже не удостоил их взглядом. — Какие невоспитанные, — пробормотала Эмма.

— Кто, дорогая? — спросил Дрейк, небрежно прислонившись к стене. — Я или Эйдриан?

— Те развязные женщины.

— А-а... Понятно.

— Что понятно?

— Ничего. — Он пожал плечами. — Вернешься в ложу?

— Конечно.

— Тебе стало лучше? — Он предложил ей руку.

— Почему ты спрашиваешь?

— Но ты выражала желание подышать свежим воздухом.

— Я себя прекрасно чувствую. Он похлопал ее по руке:

— Именно это я и хотел услышать. И помни — я всегда рядом, если захочешь поговорить.

— Поговорить... о чем? — глядя прямо перед собой, спросила Эмма.

— Ну, я не знаю.

— О погоде?

— Если хочешь, то и о погоде. О дожде, солнце... о любви.

Эмме стало смешно.

— Я буду иметь это в виду.

Ей, конечно, следовало быть благодарной Дрейку за то, что он вовремя вмешался, благодарной за покровительство семьи — Боскаслы защитят ее не только от неприятностей, но и от искушения. Братья любят ее и готовы охранять, как охраняют крепость.

Да, Боскаслы заботятся о членах своей семьи.

На следующий день Эйдриан продолжал строить планы, как встретиться с Эммой наедине, когда получил приглашение от Доминика Бреккланда пофехтовать в клубе Анджело. Доминик был не только его ближайшим другом, но и мужем Хлои, младшей сестры Эммы. А это означало, что он мог бы выступить нейтральной стороной и посредником между Эйдрианом и Эммой.

Эйдриан рассчитывал, что во время дружеского боя ему удастся намекнуть о своем положении, а Доминик — поскольку он разумный человек, к тому же сам влюбленный в женщину из семьи Боскасл, — согласится сыграть роль Купидона.

Но Эйдриана постигло разочарование, так как Доминик разрушил этот план, пригласив присоединиться к ним Хита Боскасла. В другое время Эйдриан не возражал бы пофехтовать с умелым партнером, но Хит нанес ему несколько ударов, какие нельзя назвать спортивными. Эйдриан с легкостью мог бы их отразить, но передумал и позволил Хиту одержать верх.

Они подвозили Хита к его городскому дому, и Доминик даже высказался по поводу несвойственной Хиту агрессивности.

— Я-то думал, что мы с Эйдрианом можем считать тебя другом, — шутливо произнес Доминик, когда карета остановилась. — Ты, кажется, на минуту забыл, кто твой противник.

Хит ответил не сразу. Молчал он долго.

Эйдриан не придавал этому случаю большого значения. Лишь дурак станет ссориться с человеком, который всегда хорошо к нему относился. Но все же очевидно — придется ловчить, чтобы остаться с Эммой наедине и заявить о своих намерениях. Он не хотел плести интриги против семьи, настроенной к нему по-дружески. Если бы он не дал Эмме слово сохранить их секрет, то пошел бы к ее братьям и признался в своих чувствах. Может, написать ей письмо? Нет. А если письмо попадет в чужие руки и опозорит ее?

Послать письмо с выражением своих чувств через посредника? Например, через камердинера? Но он понимал — даже при его невоспитанности, — что письмо, полученное от слуги, обидит ее. К тому же Эйдриан не представлял, как с таким поручением справится Бонес, будет ли он тактичен.

Выходя из кареты, Хит бросил на Эйдриана пристальный взгляд. Неужели он чувствует, что Эйдриан не откажется от Эммы? Конечно, Эйдриан сам виноват, так как не был осторожен. Но их секрета он не выдал.

— Не возражаешь зайти и чего-нибудь выпить, Эйдриан? — предложил Хит. — Хотя бы для того, чтобы Доминик не разуверился в моих хороших манерах.

Эйдриан разрывался на части. Они с Хитом оба знали, почему Хит с такой агрессивностью набросился на него в фехтовальном клубе. Правильным было бы поблагодарить и отправиться своей дорогой. Но тогда он упустит возможность увидеться с Эммой. Господи, помоги хоть взглянуть на нее!

— Не откажусь от бренди, — сказал Эйдриан. Лицо Хита оставалось бесстрастным. Он лишь вежливо кивнул.

— А ты, Доминик?

Друг отговорился тем, что у него встреча, но Эйдриан не вслушивался — все его помыслы были направлены на возможную встречу с Эммой. Конечно, он знал —

маловероятно, что ему удастся поговорить с ней без свидетелей. В это время дня она, скорее всего, дает уроки.

— Входи, Эйдриан. — Хит стоял у парадной двери, распахнутой дворецким. — Нежелательно, чтобы кто-либо из дам заметил нас в таком виде. Моя дорогая сестра с радостью прочтет нам лекцию.

Эйдриан понял, что имел в виду Хит, когда вошел в гостиную и бросил на себя взгляд в зеркало над камином. Взъерошенные волосы, сюртук расстегнут, сорочка мокрая.

— О Господи, — пробормотал он. — Неудивительно, что цветочница у клуба едва не уронила корзинку, увидев меня.

Хит рассмеялся.

— Ты наверняка захочешь привести себя в порядок. Я выгляжу не лучше. Сейчас вернусь, только сменю рубашку. Бренди в шкафчике, а я предпочитаю кофе. Я вызову Хэмма.

Эйдриан стоял на середине комнаты. Он не мог поверить, что Хит оставил его одного. Но конечно, умный Хит знал, что Эйдриан едва ли решится подойти к Эмме в таком виде, словно прибежал после уличной драки.

Он смотрел на закрытую дверь, медленно расправляя манжеты на рубашке. Битва проиграна, и должен возобладать здравый смысл. А вдруг он сможет увидеть ее так, чтобы она не увидела его? Только бы взглянуть на нее, хотя бы мельком. Что касается его вида, то она ухаживала за ним, когда он выглядел еще хуже.

Открылась дверь, и появился высоченного роста лакей. Это Хэмм, он служил в армии под началом Хита.

— Могу я вам что-нибудь предложить, милорд?

— Кофе, пожалуйста, для лорда Хита.

— Что-нибудь еще?

— Нет. Пожалуй... если к нам присоединятся дамы...

— Дамы, милорд? — Редкие брови Хэмма полезли на лоб.

— Да. — Эйдриан пожал плечами. — Жена лорда Хита. И его сестра. Возможно, они захотят выпить чаю.

— Леди уехали делать покупки, милорд.

— Понятно. — Лакею, очевидно, тоже было все понятно. Эйдриан почувствовал себя болваном. Ну почему он пообещал Эмме не добиваться встречи с ней?

Хэмм поклонился.

— Я принесу кофе, милорд.

Когда закрылась дверь, Эйдриан сбросил плащ и тут только обнаружил, что не снял шпагу. Неожиданно из глубины дома послышался сдавленный крик. Разумеется, он не оставил это без внимания, хотя ни Эммы, ни Джулии дома не было.

Крик, явно испуганный, принадлежал женщине.

Эйдриан поспешно вышел из гостиной. Наверняка ничего страшного он не обнаружит. Ну, какая-нибудь ученица Эммы испугалась мышки, пробежавшей по ее башмачку, и вскочила на стул.

И скорее всего ему попадет от Эммы за то, что опять нарушил приличия, появившись в ее академии, когда его ни кто не ждал.

Эмма едва не уронила учебник по этикету, услышав крик, доносившийся из библиотеки. Опять Харриет! Что на этот раз?

Эту девицу Гарднер нельзя и на минуту оставить без присмотра. В последний момент

Эмма решила не ехать с Джулией по магазинам. Правда, сделала она это не по причине собственного аскетизма. Новая шляпка не меньше, чем любой другой даме, доставила бы ей удовольствие. Шарлотта и мисс Пеппертри прекрасно справились бы без нее. Говоря по совести, она осталась дома, потому что в душе лелеяла надежду на то, что Эйдриан нанесет визит брату.

Эмма скучала по беспутному наследнику герцога. Она этого никак от себя не ожидала — ведь она, в сущности, выбросила его из своей жизни. Но она скучала по Эйдриану сильнее, чем по покойному мужу все годы после его смерти.

Эмма подошла к двери в библиотеку. Что на этот раз случилось с Харриет?

Как было бы чудесно наставить Харриет на правильный путь! Сделать из нее воспитанную юную леди. Такая девушка не должна была бы опять издавать такие душераздирающие крики.

Эмма сунула учебник под мышку и раскрыла дверь в библиотеку. Картина, представшая взору, лишила ее дара речи. Такого в своей жизни ей не приходилось видеть, хотя, как представительнице семьи Боскасл, ей было не привыкать к самым невообразимым ситуациям.

Двое чумазых головорезов пытались вытащить Харриет в окно, выходящее в сад. Рот ей завязали грязным шейным платком, чтобы заглушить вопли.

Но это не обескуражило Харриет. Похитители тащили ее за руки и за ноги, а она изо всех сил отбивалась, извиваясь словно обезьяна, и изливала на бандитов поток таких ругательств и проклятий — пусть и приглушенных, — что Эмма, к своему стыду, даже обрадовалась, что несчастной девочке заткнули рот.

— Как вы смеете? — Голос Эммы прозвучал так грозно и громко, чего она сама от себя не ожидала.

Первое потрясение прошло, и Эмму охватил гнев. Не только дом ее брата, но и ее академия — образец благопристойности — подвергается нападению отбросов общества.

Что делать? Хит с утра ушел в клуб Анджело, где собирался встретиться с Домиником. Вероятно, после этого они заехали куда-нибудь пообедать. Невестки Джулия и Элоиза наверняка сейчас заняты выбором фасонов у модистки. Шарлотта в это время дает девочкам урок латинского в восточном крыле, а Хэмм, лакей Хита, где-то в доме, но не поблизости.

Эмма посмотрела на шнурок звонка. А Харриет, воспользовавшись некоторым замешательством при появлении Эммы, лягнула в пах одного из парней. Негодяй взвыл от боли и схватился за ушибленное место. Его напарник расхохотался, но и он получил от Харриет удар плечом.

Освободившись от неумелых похитителей, Харриет сорвала с лица засаленный платок и бросила на пол.

— Получили, дерьмо собачье? Помогите, леди Лайонс! Эти вшивые ублюдки хотят меня украсть!

Один из «ублюдков», тот, что повыше, перебросил ногу через подоконник и окинул взглядом фигуру защитницы Харриет.

— Это наша сестра, так что мы в своем праве. Отец заболел и требует, чтобы она вернулась.

Харриет презрительно фыркнула.

— Это мои сводные братья Люк и Роб. А старый хрыч поздоровее меня будет.

— Харриет, у тебя кровь на локте. — Эмма с ужасом смотрела на свою незадачливую

ученицу.

— Если не пойдет с нами, то такой же будет ее задница. — Второй парень схватил Харриет за руку. — Нечего ей голову морочить ученьем. Благородной она все равно не станет.

Эмма твердым шагом приблизилась к разбитому окну. От волнения горло сдавило, но голос все же прозвучал звонко и отчетливо, отдаваясь в ушах:

— Власти придерживаются другого мнения. Мисс Гарднер останется здесь под моим наблюдением.

Грязная рука потянулась к ножнам, выпирающим под потертой кожаной безрукавкой.

— Она пойдет домой. У нее есть работа. — Парень нагнул голову и стал похож на разъяренного быка.

— Какая именно? — спросила Эмма. Только бы у Харриет хватило ума молчать.

— Да здесь, в Мейфэре, — ответил другой, сидя на подоконнике. — Приличная работа... служанки у графини. Вот так-то. Не хуже, чем у вас.

Эмма заметила, что рука его брата полностью исчезла под курткой.

— Боюсь, что хуже. Я могла бы объясниться с этой графиней.

Харриет рассмеялась:

— Ну-ну! Представляю себе, как вы, леди Лайонс, заявляетесь к ней и говорите, что новая горничная подослана ворюгами-братцами, чтобы обчистить ее во время приема гостей.

В эту минуту бандит, которого звали Роб, вытащил из куртки угрожающих размеров острый нож, известный под названием «бабочка». Эмма, как ни странно, узнала это страшное оружие, так как у брата Грейсона такой нож был вывешен на стене оружейной комнаты в загородном доме.

— Прочь с дороги, — крикнул Роб Эмме, — или я укорочу твой маленький носик!

Харриет кинулась вперед, загородила своей тощей фигуркой Эмму и подняла кулаки, целясь в лицо обидчику.

— Только посмей ее тронуть, и я отрежу тебе яйца, когда напьешься! Клянусь памятью нашей шлюхи матушки!

— Убери нож, — пробурчал Люк, сидя на подоконнике. — У нас мало времени. Харриет все равно нас надует. Найдем кого-нибудь еще.

Роб, вроде соглашаясь, кивнул, но неожиданно обхватил Харриет за талию.

— Вот теперь порядок. Приказы отдаю я. — Он прижал кончик ножа к ее уху и стрельнул в Эмму злобным взглядом. — А вы держите язык за зубами, пока мы не уйдем. А не то я отрежу ей ухо.

— Кто-то идет. — Люк перекинул обе ноги через подоконник. — Давай ее сюда и смываемся.

Эмма осуждала насилие в любой форме, но она выросла в семье с пятью драчливыми братьями и неугомонной младшей сестрой. Ей не один раз приходилось вмешиваться в кулачные бои, а также отвязывать от стула в буфетной несчастную жертву, запертую там братьями в наказание. Поэтому, нисколько не колеблясь, она запустила учебником по этикету — этой библией хорошего тона — в голову похитителя Харриет. Вся сила бесценных советов была потрачена на примитивный лоб. Удар на секунду оглушил парня. Он бросил Харриет, и она упала на колени. Придя в себя, Роб замахнулся на Эмму ножом.

Эмма мгновенно схватила диванную подушку и швырнула ему в лицо, туда же

последовал томик Шекспира в кожаном переплете. Негодяй выругался и прикрыл лицо руками. Он не увидел, как Харриет набросилась на него сзади и изо всех сил толкнула к окну.

Он зашатался, а Эмма подбежала к звонку и стала лихорадочно дергать за шнурок. Почти мгновенно дверь распахнулась и появилась высокая фигура.

— Эйдриан!

Какое облегчение! Его быстрый взгляд сразу охватил представшую перед ним картину: Эмму, книгу на полу, разбитое оконное стекло. В два шага он пересек комнату и встал, закрывая Эмму собой.

С его лицом произошла удивительная и устрашающая перемена. Прямо у нее на глазах он превратился из импозантного джентльмена в безжалостного мстителя. Даже его улыбка стала зловещей.

Это не Эйдриан Раксли, наследник герцогского титула. Человек, появившийся в комнате, вполне мог только что спрыгнуть с пиратской джонки и ввязаться в битву где-нибудь на чужеземном берегу. Он скинул сюртук и вытащил из ножен шпагу.

Белая льняная рубашка прилипла к телу. В другое время Эмма отвела бы взгляд от потной мужской груди — она боялась признаться себе, но ее всегда это привлекало, — а сейчас было не до приличий, и она испытывала исключительно благодарность за то, что он появился.

— Эмма, скажите мне, что вы не поранились, — бросил он через плечо.

Она кивнула и услышала голос брата, доносившийся с лестницы. Затем — топот Хэмма в коридоре.

Но ее внимание было приковано к Эйдриану. Главное, что он находится здесь. Такой красивый. Настоящий герой.

— Со мной ничего не случилось, но Харриет!!!

Эйдриан посмотрел в окно — один из братьев уже неся по саду, теряя на ходу сыпавшееся из карманов столовое серебро и табакерки. Роб попятился к окну, держа наготове нож.

— Мы еще вернемся, — пообещал он, — так что не радуйтесь.

— Что ты сказал? — Эйдриан поднял шпагу. Эмма не сводила глаз с Эйдриана. На его губах играла угрожающая улыбка.

Харриет на всякий случай спряталась за секретером. Роб в страхе дико озибался и кричал:

— Кто-нибудь остановите его! Харриет?

Эйдриан двигался вокруг Роба кругами, потом приблизил конец шпаги к его горлу.

— Мне очень хочется тебя убить, — произнес Эйдриан таким тоном, словно сам удивился этим словам. — И я не уверен, что смогу удержаться.

Краем глаза Эмма, все еще сжимающая шнурок звонка, увидела в дверях Хита и лакея, а за ними — Джулию с теткой. Какое счастье, что Шарлотта и мисс Пеппертри проводят занятия с девочками в другом конце дома! Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы они узнали о случившемся.

У Роба на лбу выступили капли пота: брат удрал, а этот дылда вот-вот проткнет его шпагой. По взгляду видно, что не пощадит.

— Послушайте, мы же никого не тронули, — пролепетал он.

Эйдриан шпагой загнал его к окну.

— Кто это подтвердит?

— Сестру спросите, — просипел Роб. — И ту леди...

— Что скажешь, Харриет?

Харриет вылезла из-за секретера и откинула волосы со лба.

— Распотрошите его, как лосося. Это наказание Божье, а не человек.

Эйдриан посмотрел на Эмму:

— Решение за вами.

У Эммы в голове все смешалось, и хотела она лишь одного — чтобы этот кошмар закончился.

— Отпустите его, — прошептала она.

Эйдриан вздохнул, всем своим видом показывая, что ему ничего не стоит отправить Роба на тот свет.

— Вы уверены? — спросил он.

— Пожалуйста...

Бледный, как смерть, Роб застыл. Кончик шпаги мог в любой момент пропороть ему горло.

— Леди просит меня проявить сострадание. Так что вынужден тебя отпустить.

Роб стоял, затравленно глядя то на Эйдриана, то на Эмму.

— Вали отсюда, безмозглый дурак! — презрительно фыркнула Харриет. — Убирайся вон, пока он не передумал.

Роб развернулся, шагнул по усеянному стеклом полу, выпрыгнул в окно прямо на кусты роз и пустился наутек. Эйдриан с отвращением покачал головой и вложил шпагу в ножны.

Харриет в восторге захлопала в ладоши:

— Здорово! Я всю жизнь ждала, чтобы он получил по заслугам. А вы герой, лорд Волк. Будет что рассказать девочкам...

— Харриет Гарднер, — Эмма повысила голос, — ты не будешь никому об этом рассказывать. Никому! Понятно?

— Но почему, мэм? Волк ведь не сделал ничего плохого. Во всем виновата моя паршивая семейка.

— Пожалуйста, пойді с Хэммом на кухню, и пусть кухарка смажет тебе локоть мазью.

— Я сама ее отведу, — предложила Джулия. — Хит пошел в кабинет, чтобы удостовериться, не пропало ли оттуда что-либо ценное, а Хэмма отправили за стекольщиком. По-моему, надо послать кого-нибудь из лакеев в сад собрать разбросанные вором вещи.

Эйдриан обернулся:

— Могу я предложить свою помощь?

Эмма вздохнула:

— Вы более чем помогли.

Он нагнулся и поднял ее учебник.

— Отличный способ вдолбить правила поведения кому-либо в голову.

Она засмеялась, но смех получился какой-то дрожащий.

— Я не стала бы советовать этот способ.

И вдруг они остались в библиотеке одни. Эйдриан смотрел на нее, понимая, какой у него устрашающий вид.

— Я едва не убил этих негодяев, когда увидел вас здесь... и разбитое стекло...

— Но ваша выдержка достойна восхищения. Думаю, что братья Харриет не скоро объявятся — а может, вообще не объявятся, — после того, как вы с ними разделались.

— Вы не пострадали — вот причина моей выдержки. — Он понизил голос, поскольку услышал, как Хит разговаривает со слугой в коридоре. — Я сойду с ума, если мы не сможем встретиться наедине. Я веду себя так, словно...

— Завтра я буду в парке, — с улыбкой ответила она.

— Одна? — спросил он, пристально глядя на нее.

— Разумеется, не одна, — сказал Хит, входя в библиотеку. — Посмотри, что случилось с ней сегодня. Брат не может оставаться в стороне, когда дело касается благополучия сестры. Уверен, что ты со мной согласишься. — Он посмотрел Эйдриану прямо в глаза.

— Кто же с этим не согласится? — вежливо ответил Эйдриан.

Хит пожал плечами. Он уже переделся в свежую рубашку и светло-коричневые брюки.

— Останешься обедать? Ты — герой дня и, по меньшей мере, это заслужил.

— Нет. — Эйдриан покачал головой. Он боялся, что, сидя напротив Эммы за столом, не сможет совладать со своими чувствами. Получается, что он уйдет, ничего не добившись. — Я и так достаточно вам надоедал. Сначала скандал, — он поморщился, — а сейчас вообще выгляжу пиратом.

Хит расхохотался — к нему вернулось хорошее настроение.

— Скандал для Боскаслов — дело привычное. Даже не знаю, как бы мы без этого обходились.

Эмма положила учебник на стол и стала проверять, не разорвались ли страницы. Она чувствовала изучающий взгляд брата.

— Мне симпатичен Волк, — сказал Хит. — Он по природе своей защитник. Однако...

Эмма продолжала осторожно переворачивать страницы. Надо быть начеку, когда Хит говорит «однако» и сверлит ее взглядом, по которому нельзя ни о чем догадаться. Кажется, он всегда знает, что у людей на уме. Он — знаток человеческой натуры. Не зря из него получился отличный шпион.

Эмма подняла глаза:

— Что ты сказал?

— Я сказал, что мне симпатичен Волк, — помолчав, ответил Хит. — Он смелый человек. Однако...

Эмма, разглаживая листки, спросила:

— Однако что?

— Он прожил полную тягот жизнь, много сражался, и порой это были жестокие и кровавые битвы.

— Да?

Хит приподнял бровь.

— Я хотел сказать, что иногда бывает так: когда человек защищает свою жизнь и жизни других, то он жертвует частью своей души.

Эмма захлопнула учебник и посмотрела на брата.

— И с тобой так было, Хит?

Он не ожидал такого вопроса.

— Да, когда-то было именно так.

— А теперь? — мягко спросила она, чувствуя себя виноватой зато, что толкает на

откровенность. Ведь Хит вмешивается только потому, что искренне беспокоится за нее.

— Теперь у меня есть жена и семья, так что я не испытываю ни в чем недостатка.

— Милый Хит. — Эмма печально улыбнулась. — Что бы мы без тебя делали?

Он вздохнул:

— Не хочешь что-нибудь сказать мне по секрету? Я никогда не воспользуюсь твоим доверием.

— Только одно, — ответила она, опустив глаза.

— Да?

— Я хочу, чтобы ты знал — за все твои жертвы и потери во время войны ты приобрел мудрость и доброту.

— И это все? — Он был явно разочарован. Она подняла на него игривые голубые глаза.

— Мы уже не дети и больше не играем в инквизицию Боскаслов. Я достаточно взрослая, чтобы самостоятельно решить, чего хочу в жизни.

— Я рассчитывал услышать другой ответ, — улыбнулся он. — А это вообще не ответ, умница моя.

* * *

«Будь счастлива, Эмма».

Это были последние слова ее покойного мужа. Его благословение.

Но он не сказал ей, как быть счастливой.

Просто: будь счастлива.

Когда он умер, она почувствовала себя осиротевшей, но не одинокой, потому что едва его гроб опустили в землю, как братья убедили ее, что она должна оставить свою академию для юных леди в Шотландии и переехать в Лондон, где они смогут защитить ее от всевозможных бед, которые грозят молодым вдовам.

А получилось так, что как раз Эмма — о чем она ни разу не пожалела — стала заботиться о Боскаслах, предупреждать неприятности, в которые они могли угодить. Трагическим исключением стал самый младший брат Брандон.

Эмма не жаловалась на судьбу. Она стояла на страже интересов братьев, и это заполняло пустоту в жизни. Теперь все они обзавелись семьями, а она смогла найти применение своим педагогическим способностям, открыв академию в Лондоне.

Но неожиданно-негаданно Эмму побили ее же оружием. Братья всегда обвиняли ее в том, что она вмешивается в их дела. А теперь в ее дела вмешиваются они, так что они отплатили ей той же монетой.

За последующие два дня Эмма в этом убедилась. Семья едва не задушила ее в своих заботливых объятиях. Да она и чашки чаю не могла выпить, чтобы кто-нибудь из братьев не объявился у нее под носом. Ее повсюду сопровождали. С каких это пор Девон стал проявлять интерес к посещению библиотеки и как раз в то время, когда туда пошла она? И скажите на милость, почему Хит полюбил делать покупки — подумать только, кружева! — и торговаться о цене носовых платков?

Но до того момента, пока она неожиданно не столкнулась с лордом Вулвертоном в

музее, Эмма не понимала, что разработан скрупулезный конспиративный план по предотвращению ее встреч с Эйдрианом наедине. Они с Шарлоттой повели девочек на урок истории. Вдруг из-за египетского саркофага появился Дрейк и прошествовал мимо нее к коллекции античных гончарных изделий. Дрейк и античное искусство?

Ясно, что ее изобретательные братья решили, что у них есть веская причина встать на защиту ее интересов.

— Как вы узнали, что я буду здесь? — шепотом спросила она Эйдриана, когда он последовал за ней в римскую галерею.

— У меня есть доносчик в вашем доме, который сообщает мне о том, куда вы пойдете.

— Это Харриет? Эйдриан, как вы могли? Вы не сказали моим братьям... о нас? — Она с трудом сглотнула слюну. — Они знают. Другого объяснения нет.

Эйдриан шел за ней на приличном расстоянии.

— От меня они ничего не узнают. Я скорее умру, чем предам вас.

Эмма заметила, как Харриет потихоньку отстала от группы учениц.

— Харриет, не смей лезть рукой в урну. Никогда не знаешь, что там может быть.

Весь день шел дождь, и в музее было холодно. Но от фигуры Эйдриана в шерстяном плаще веяло теплом, и Эмме даже стало жарко. Чуть слышно она спросила:

— Эйдриан, почему вы меня преследуете?

— Потому что я хочу... потому что я... о черт! Эмма, мы можем выйти в коридор хоть на минуту?

Она оглянулась. — Ну, если только на минуту. Он посмотрел через плечо и заметил всего в нескольких шагах Дрейка.

— Между вами и мной ничего не кончено, — еле слышно произнес он. — Каждый час с тех пор, как...

Он замолк, потому что стоило им свернуть за угол, как они увидели младшего брата Эммы Девона, внимательно изучавшего коллекцию манускриптов.

— Странное дело, — пробормотал Эйдриан. — Здесь, оказывается, вся семья. Вон ваш брат.

Эмма в ужасе оглянулась.

— Не может быть. Он стоит рядом с Шарлоттой.

— Другой брат. Девон.

— Девон? В музее? Теперь мне все понятно!

Девон сел в кресло и, опустив на колени папку с манускриптами, изобразил удивление, затем дружески им помахал.

Эмма остановилась.

— Это зашло слишком далеко. Я положу этому конец, как только вернусь домой.

— Эмма, я всего лишь хочу поговорить с вами без полного состава охранников.

Она многозначительно посмотрела в сторону брата.

— Кажется, вам придется сделать это в присутствии целого комитета спасения.

— Я предпочитаю устроить личную встречу.

— Мы не сможем, — шепотом ответила она. — По крайней мере, до тех пор, пока они не перестанут сторожить меня, как сейчас.

Он нахмурился.

— Я не сдамся. Возможно, вам это неизвестно, но я всегда доводил задуманное до конца и сейчас не собираюсь отступить.

Вот она, мужская самонадеянность. И в то же время в его лице было что-то трогательно-беззащитное.

— Посмотрим, — тихо ответила она.

Эйдриан понимал, что объявленная любовная война потребует более искусной стратегии, чем прямые военные действия, которые он вел в прошлом, приобретая репутацию безжалостного воина.

Однако прежде ему не приходилось вести военную кампанию против братьев Боскасл. Он не мог не восхищаться их изобретательностью и решительностью, когда дело касалось защиты члена семьи.

Но как бы он ими ни восхищался, это не удержит его от осуществления поставленной цели. Наоборот — он станет добиваться ее еще настойчивее. Правда, пока что он не знает, как этого достичь. Он один против четырех братьев Боскасл? Очевидно, что ему необходим могущественный союзник и более четкий план действий.

Черная лакированная карета Хита прогрохотала по блестящим от дождя булыжникам. Трое братьев Боскасл, сидевшие внутри, оглянулись на здание музея. Все хранили молчание. Девон снял черные кожаные перчатки и с раздражением швырнул их на сиденье.

— Это нелепо. Мы не можем повсюду гоняться за Эммой. Сегодня вечером она собирается посетить выставку фламандского рукоделия на Кавендиш-сквер. В конце концов, есть же мужская гордость!..

— Господи, — вздохнул Дрейк, — с меня хватит античных горшков.

— Но никому из вас не пришлось покупать розовое кружево, — сухо заметил Хит. — А завтра утром ее пригласили проинспектировать приходскую школу для детей проституток.

— На меня не рассчитывайте, — заявил Девон. — Потому что с Эммой, по-моему собирается пойти Хлоя.

Хит усмехнулся:

— А Хлоя, как нам всем известно, абсолютно ничего не знает о недозволенных связях. Да она сама толкнет Эмму прямо в объятия Эйдриана.

— Мы не можем без конца ходить за ней следом, — пробурчал Девон. — Я уже смахиваю на престарелую дуэнью. Боюсь, как бы Джоселин чего-либо не заподозрила. Она может вообразить, что я занимаюсь неблагоприятными делами.

У Хита вырвался вздох.

— Нам надо продержаться до приезда Грейсона. Тогда мы все соберемся и решим, что делать дальше.

— Непохоже, что наше присутствие около Эммы отпугнуло Волка, — заметил Дрейк.

Хит засмеялся:

— Вероятно, он просто не может с собой совладать.

— Эмма и Волк... Он ведь полная противоположность нашей сестре, всему, что ей дорого, — улыбнулся Дрейк.

— Я бы так не сказал, — задумчиво произнес Хит. — В один прекрасный день он станет герцогом. А если ему привить манеры, то кто знает? Разве все мы — не так уж давно — не нуждались в перевоспитании?

— Насколько я могу судить, она делает все возможное, чтобы вообще с ним не говорить, — сказал Девон. — А когда приезжает Грейсон?

Хит отдернул занавеску и посмотрел в окно.

— К вечеру, если гроза не помешает.

Джейн, маркиза Седжкрофт, и, несмотря на молодость, матриарх клана Боскаслов, приехала в свой лондонский дом, опередив мужа на два часа. Было уже темно, когда она устроила в детской сына Роуана и оставила его на попечении няни миссис О'Брайен.

Она второпях выпила кофе с бренди, чтобы подбодрить себя после дороги, снова села в карету и отправилась в дом зятя, надеясь не застать Хита. Но даже если он дома, все равно безопаснее устроить встречу там, а не у себя, потому что Грейсон мог появиться в любой момент и помешать.

К тому же эту встречу назначила жена Хита Джулия. Возможно, Эмма тоже будет, но это сомнительно.

В письме Джулия настаивала на секретности и намекала на срочность. Из чего Джейн сделала вывод, что нельзя терять ни минуты.

То, как Джулия встретила ее, подтвердило подозрения Джейн.

— Слава Богу, ты здесь! Скорей, скорей!

Джейн сняла накидку и перчатки и последовала за Джулией к боковой лестнице.

— Куда мы идем? Разве в твоей комнате нам кто-нибудь может помешать?

— Мой муж, — нисколько не смутившись, ответила Джулия.

— Понятно.

— Я хотела сказать...

— Можешь не объяснять. Я сама замужем за Боскаслом.

Они вошли в освещенную свечами большую гостиную. Одна из женской половины клана Боскаслов, Хлоя, темноволосая младшая сестра Эммы, поднялась с кресла и обняла Джейн. Хлоя тоже не избежала скандальной истории. Она вышла замуж за ближайшего друга Эйдриана Доминика Бреккланда, виконта Стратфилда, после того как обнаружила его у себя в шкафу, где он прятался и едва не задохнулся.

Позади Хлои на красивом стеганом диване удобно устроились кузина Эммы Шарлотта, новобрачная Девона Джоселин, в девичестве Лидбери, и жена Дрейка Элоиза, до замужества гувернантка.

Тетя Джулии Гермия занимала почетное место в кресле у камина. Гермия была связана родственными узами с Боскаслами только через племянницу, вышедшую замуж за Хита, но все семейство безоговорочно приняло ее в свои ряды. Гермию любили за жизнерадостность, а также за склонность к авантюрам. Единственной настоящей любовью Гермии был граф Одем, он когда-то изменил ей и до сих пор пытался заслужить прощение.

— Как твой мальш, Джейн? — спросила она.

— По-прежнему толстый и веселый.

— Резвый мальчик?

Джейн вздохнула:

— Особенно когда с ним играет Грейсон.

Гермия довольно засмеялась.

— Я бы хотела изобразить его маленьким купидончиком для моей коллекции.

— Полагаю, вы собираетесь нарисовать Роуана, а не моего мужа. — Джейн взяла из рук Джулии бокал с портвейном. — Вижу, что я вовремя приехала из Кента.

— Как бы нам не опоздать и опередить наших противников мужчин;- сказала Джулия.

Гермия поставила бокал на стол.

— Поздно, говоришь? Всего десять часов или около этого. В мою молодость вечерние

развлечения в это время только-только начинались. У вас, молодых дам, совсем нет энергии...

— Я говорю о ситуации вокруг Эммы и Эйдриана Раксли, — раздраженно прервала тетку Джулия. — Тетя Гермия, вы что, меня совсем не слушаете?

Хлоя перестала беспечно играть с жемчужным браслетом и недоверчиво взглянула на Джулию:

— Эмма? И Волк? Это уж слишком!..

Элоиза Боскасл, бывшая гувернантка — когда-то она очень хотела работать в таком уважаемом заведении, как академия Эммы, — пришла в ужас.

— Леди Лайонс и этот... наемник? Не может быть. Ты ошибаешься.

— Конечно, она ошибается. — Джоселин чуть не подавилась хересом. — Эмма и лорд Вулвертон... Трудно представить более неподходящую пару во всем Лондоне.

— Во всей Англии, — шутливо поправила ее Хлоя.

— Во всей Европе, — решительно заявила Элоиза, не допуская и мысли, что с леди Лайонс может такое случиться. Для членов семьи не являлось секретом, что Элоиза много лет почитала и почитает Эмму как образец истинной леди.

— Джулия, объясни нам прямо, в чем дело! — потребовала Джейн. — Если нужно действовать немедленно, то зачем терять время? Вот что знаю я: Эйдриан пришел на помощь Эмме на свадьбе. Возможно, не очень тактично, но...

— Поздно что-либо предпринимать, — тихим голосом произнесла Шарлотта.

— Понятно. Тогда скажи, как обстоят дела у наших влюбленных — осмелюсь так их назвать? — спросила Джейн.

— Я бы сказала, что ситуация зашла в тупик, — ответила Шарлотта. — Эмма и шагу не может ступить, чтобы у нее за спиной не появился кто-нибудь из моих кузенов.

Хлоя фыркнула.

— Я хорошо помню их опеку. Просто чудо, что нам с Домиником удалось, в конце концов, пожениться. Эти четверо негодяев ходили за мной по пятам. А теперь они еще и Гейбриела привлекли. Бедная Эмма. Наконец-то она нашла свою любовь, и вот...

Джейн подошла к окну.

— Боюсь, что ты права. Они испортят ей жизнь. О Боже! Он уже здесь.

— Лорд Вулвертон? — Гермия приподнялась в кресле.

— Нет, это Грейсон — глава заговорщиков. Явился решать судьбу Эммы.

По дому прокатился глухой стук.

— Вы слышали? — встревожилась Джейн.

Хлоя, внимательно изучавшая бисерины у себя на туфлях, подняла глаза на Джейн.

— Да. Это Грейсон. Неужели ты до сих пор не усвоила, что он всегда хлопает дверью?

— Это не дверь! — воскликнула Джейн. — Это...

— Что-то хлопнуло с другой стороны дома, — сказала Шарлотта. — Оттуда, где комнаты Эммы.

Эйдриан вскарабкался по шаткой деревянной лестнице, ухватился рукой за подоконник, потом перекинул левую ногу.

Спасибо этому бесенку Харриет зато, что не забыла открыть окно в покои Эммы. Разумеется, он хорошо заплатил алчной девчонке за услугу. Нет сомнения, что она на этом не остановится и постарается еще выудить у него деньги за свое молчание. Но с мисс Гарднер он разберется после, а если сегодня все пройдет гладко, он ее отблагодарит.

Эйдриан оглядел полутемную комнату. Ага, оказывается, он попал прямо в спальню. В камине играло янтарно-желтое пламя. Отлично! Значит, Эмме не будет холодно, когда он с ней объяснится и уложит в постель...

Через открытую дверь в соседнюю комнату он разглядел Эмму — она сидела на диванчике розового дерева с изогнутыми ножками с книгой на коленях. Чудесные длинные волосы были распущены и волной лежали на одном плече. Рапунцель [\[11\]](#). Его прекрасный ангел. Ему захотелось, чтобы эти пряди обвились вокруг его шеи, рук, бедер. Он почти ощутил их мягкое прикосновение к своей спине и животу.

Эйдриан бесшумно шагнул к ней. Она не заметила его появления.

Он обладал умением прокрасться на борт пиратского судна и успеть перерезать горло команде, пока все спали. А уж тайком проникнуть к женщине, по которой сгорает от любви, и упасть перед ней на колени... Это он может проделать с легкостью.

Задумавшись, Эйдриан врезался прямо в вазу с каким-то растением, стоящую на мраморной подставке около двери. Эмма вскочила, глядя на него широко раскрытыми блестящими глазами.

— Вы!

— Господи, Эмма. — Эйдриан успел поймать горшок с английским плющом, прежде чем он разбился об пол, и осторожно поставил его обратно. — Пожалуйста, что угодно, только не кричите.

— У меня нет ни малейшего желания кричать, поскольку это бесполезно. — Она вгляделась в его лицо. — Если ваше появление связано с уроками по этикету — в чем вы крайне нуждаетесь, — то я порекомендую вас одному французскому графу, приятелю Девона. Насколько мне известно, он с большим удовольствием учит англичан изящным манерам.

Он подвел ее обратно к дивану.

— Дорогая, мне наплевать на мои манеры. Они никогда меня не занимали.

— Это очевидно. — У нее слегка дрогнул голос, выдавая волнение.

Его руки легли ей на плечи.

— Я пришел сюда только с одной целью.

— Эйдриан Раксли, если вы сию секунду не уйдете...

— Я обожаю вас, — сказал он, склонив к ней лицо. — И хочу, чтобы вы стали моей женой. Эмма, пожалуйста, положите конец моим страданиям. Вы тоже это чувствуете? Нет, не отвечайте. Я и так знаю.

Он — кондотьер, не привыкший упускать момент, поэтому воспользовался ее замешательством и, прежде чем она успела сказать хоть слово, поцеловал ее, прижав к себе так крепко, что она не могла пошевелинуться, а тем более вырваться из его объятий. Стоило ему коснуться ее губ, как он ощутил, что ее тело расслабляется.

Зная Эмму, он понимал, что времени полностью сломить ее сопротивление у него мало. Но ему необходимо услышать ответ. Сердце бешено стучало. Он провел ладонью по ее

волосам, распутал пряжку и погладил теплую кожу затылка.

Она чуть отвернула голову, и его губы переместились ей на щеку.

— Вы делаете мне предложение? — спросила она тихо, но отчетливо.

— Да. — Он засмеялся, чувствуя себя таким счастливым, как никогда в жизни. — Да!

Глаза Эммы пытливо смотрели на него, боясь подвоха. Наверное, он выглядит глупо, но ему все равно — лишь бы она согласилась.

— И об этом вы хотели со мной поговорить? — спросила его недоверчивая маленькая учительница, наставница, без которой он не может существовать. — Почему же вы раньше об этом не сказали?

— А когда у меня была такая возможность? — удивился он. — Я шел за вами до галантерейного магазина, надеясь, что смогу хотя бы намекнуть об этом, но увидел там Хита — он выбирал носовые платки. Сами понимаете — неблагоприятный момент для того, чтобы сделать предложение.

Эмма с досадой покачала головой:

— Они все знают. И нам несдобровать, если нас застанут вместе.

— Давайте сбежим.

— Сбежим? Сейчас?

Он провел пальцем в перчатке по ее губам, потом по подбородку и задержался в ложбинке на груди.

— Почему нет?

— Вы хотите, чтобы братья ловили нас по всей Англии? Это был бы ад, а не медовый месяц. А какой ущерб я нанесу академии? Нет, у нас будет подобающая свадьба или не будет никакой.

Он улыбнулся. Теперь палец терся о ее грудь, а сосок твердой бусинкой уперся ему в ладонь.

— Значит, вы согласны?...

— Разве я согласилась? — Она подняла на него взгляд.

Глаза Эйдриана, такие теплые, ласковые... Он медленно распустил завязки на лифе пеньюара, и в вырезе показалась обнаженная грудь.

— Вы согласились, — произнес он.

Она прикрыла руками набухшие розовые соски. Дыхание участилось.

— Но мои братья...

— Поцелуйте меня, Эмма. — Он опустился на диван, усадил ее на колени и глухим голосом попросил: — Обнимите меня за шею. Мне необходимо, чтобы вы меня поцеловали.

Она поймала ладонью полу его плаща. Ему показалось, что она хочет его оттолкнуть. Нет, он ошибся. Наоборот — она тянет его к себе. Слава Богу!..

Их поцелуи, жадные, требовательные... Эйдриан знал, что такое страсть, знал, как возбудить женщину, как удовлетворить и как продлить ей наслаждение, пока она сама не попросит остановиться.

Эмма откинула голову на спинку дивана, ее расслабленное тело влекло к себе. Она положила руку ему на колено. Его тело напряглось от прилива желания, плащ давил своей тяжестью Эйдриан пытался скинуть его, но вдруг ощутил на плечах ее руки — она помогала ему. Он прикрыл глаза, дыхание с трудом вырывалось из груди.

— В ту первую ночь я все испортил. Я воспользовался вашей слабостью, хотя и не нарочно.

— Вы это признаете?

— Да, к моему стыду.

— Принимаю ваше извинение. — Голос прозвучал сдержанно, но ее тело не было так сдержанно и прильнуло к нему.

— Это скорее не извинение, — пробормотал он, — а предупреждение.

Она вздрогнула.

— Предупреждение? Он глубоко вздохнул.

— На этот раз все будет по-другому — я ничего не испорчу.

— Эйдриан...

— Но вы же не станете убеждать меня, что это неприличное поведение для мужчины и женщины, которые собираются пожениться...

— Ради Бога, хватит извиняться. Я не хочу больше слов.

— Тогда я перейду к действиям, — заявил он, и глаза у него радостно засветились.

— Если вы сейчас же не дотронетесь до меня, лорд Волк, — прошептала она, снимая плащ с его плеч, — то я посрамлю само понятие этикета.

Он застонал от восторга.

— Как ваш будущий муж, я более всего хочу удовлетворять ваши желания. Дам следует пропускать вперед, не так ли? Видите — я кое-что усвоил...

Рука в перчатке оказалась у нее под пеньюаром и решительно заскользила по лодыжке, голому колену к животу. Ей стало трудно дышать.

— Перчатки, милорд, — прошептала она, откинув голову на подушку. — Джентльмен должен снять перчатки, прежде чем интимно коснуться дамы.

— Это непререкаемое правило из вашего учебника? — Обтянутые кожаной перчаткой пальцы продолжали свой путь. — А может, вы с ходу придумываете новые правила?

— Эйдриан, — выдохнула она, чувствуя его указательный палец у себя внутри, — это...

Он склонился над ней.

— Я никогда не следую написанному. Я действую интуитивно, как зверь, так что простите.

И вот уже второй палец последовал туда же. У Эммы расширились глаза, плечи выгнулись назад. От прикосновения его пальцев в кожаной перчатке у нее внутри все сжалось.

— Это... это некультурно. Я даже не знаю, как это называется.

— Я тоже не знаю, но мне это очень нравится. Предлагаю вам не спешить с определением.

Она положила руку на его крепкое запястье. То желание, которое сейчас охватило ее, оно нездоровое, пагубное... Но сердце подсказывало ей, что это не так, что в этом нет ничего дурного.

— Сколько я должна ждать? — вырвалось у нее.

Он поднял подол пеньюара. Рука тяжело легла между ее ног. Золотистые завитки скрывали лоно от его хищного взгляда.

Он ослеплен любовью, околдован. Чтобы стать ее любовником, он готов на коленях просить ее об этом. Неужели он, человек, которого молили о пощаде, навсегда вложит шпагу в ножны и посвятит жизнь ей, лишь бы она ему это позволила?

— С той ночи, когда мы впервые оказались вместе, не было момента, чтобы я не думал о вас, — хриплым голосом произнес он.

У нее вырвался довольный вздох, и это его приободрило.

Эйдриан не спеша развязал остальные ленточки на пеньюаре Эммы, а она и не пыталась его остановить. Тонкая ткань соскользнула вниз, обнажив грудь с розовыми налившимися сосками.

— Эмма! — восторженно выкрикнул он. Аристократическое лицо, распущенные волосы...

Она похожа на грациозную наложницу. Эйдриан боялся, что у него от возбуждения вот-вот лопнут брюки.

«Не спеши, — приказал себе он. — Ей нужно время. Не повтори прошлой ошибки».

— Я стараюсь сдерживаться, — сказал он, — но мне это не очень удастся.

— Мой дикий Волк...

— Укротите меня, Эмма!..

— Зачем? — шепотом спросила она. — Иногда и леди может оценить буйство стихии. Гроза в горах. Дождь на летнем пикнике. Герцог, который не следует установленным правилам...

От безумного стука сердца Эйдриану стало больно дышать. Напряжение охватило все тело, воздух сгустился, пах сдавило. Господи, эта женщина сводит его с ума!..

Она прижалась к нему, и тогда он, подавив стон, сдернул влажную перчатку. Она по своей воле покоряется ему! Он ждал этого, знал, что она принадлежит ему с того самого первого момента, когда он ее увидел.

— Вы, наверное, считаете меня дьяволом, — хрипло произнес он. — Я умышленно заставил вас забыть о принципах, которые вы так цените.

— А что вы скажете, — голос ее тоже прозвучал хрипло, — мой искустель, если я заявлю, что вы для меня дороже принципов? Что я отдала бы все, чтобы принадлежать вам?

Он верил и не верил своим ушам.

— Тогда я ваш — и делайте со мной все, что пожелаете: наставляйте меня, учите изысканным манерам, превратите в благовоспитанного англичанина... Мне все равно, только не отвергайте меня, Эмма. Сделайте меня кем угодно, но молю — от всего сердца молю! — сделайте меня вашим.

Боскаслы, с раздражением подумал Хит, никогда не отличались терпением. Дрейк, к примеру, без конца барабанит по столу и почти пробил там дырку. Гейбриел уже выкурил три его лучшие сигары, а Девон ходил взад-вперед, пока, наконец, не уселся в кресло и не заснул.

Хит вздохнул с облегчением, когда появился старший из братьев — Грейсон.

— Ты слышал подозрительный звук, когда входил? — спросил Хит.

Грейсон сбросил плащ.

— Вероятно, это я хлопнул дверью. Я опоздал?

— Посмотрим. Джейн знает, что ты здесь?

— Конечно, не знает. Я всегда действую очень осмотрительно. Джейн занята каким-то новомодным итальянским башмачником. По крайней мере, она так сказала.

Проснувшийся Девон расхохотался:

— Это значит, что она все знает.

— Интересно, что такое она знает, чего не знаю я? — спросил Грейсон, сердито оглядев присутствующих.

— Сядь, — сказал Хит. — И я сообщу тебе факты, как я их понимаю. Все началось менее двух недель назад на свадьбе...

Грейсон нахмурился:

— Всегда все начинается на свадьбе.

Хит помолчал и продолжил:

— Мне кажется, было бы спокойнее, если бы кто-нибудь из вас обошел дом и выяснил, что это за шум мы сейчас слышали. Держу пари, это не стук двери.

Харриет стояла в саду на часах под окнами спальни леди Лайонс. Сколько раз она точно так сторожила, когда братья совершали набеги на особняки богачей в Мейфэре! Сейчас все проще, хотя тоже страшно. Из своего укромного места она не могла ничего разглядеть. И хотя в тюрьму ее не посадят, если поймают, но и кошелька с монетами она не получит.

Наверху ничего не происходило. Его сиятельства, увлекающего леди Л. в постель, слышно не было. А это, по подсчетам Харриет, уже должно происходить.

Она уселась на ступеньках беседки. Пора бы уж услышать любовные стоны ее светлости, хоть она и дама с манерами.

— Раз молчит, значит, все ясно, — прошептала Харриет серой кошке, которая подкралась поближе и обнюхивала ее башмаки. — У нас с тобой свои секреты, да, киска?

Харриет достаточно всего нагладелась в борделе, чтобы понять: мужчинам и женщинам безумно нравится то, чем они занимаются в спальне. Но она, Харриет, лгунья и воровка, свою добродетель очень ценит. Правда, какой в этом прок девушке, дорога которой лежит в Ньюгейтскую тюрьму?

Кошка наострила уши, и Харриет услышала шум со стороны кухни. Кто-то, чертыхаясь, не мог открыть дверь, которую она подперла скамейкой на случай, если какой-нибудь любопытный решит порыскать по саду. Господин Волк за эту предосторожность ей не платил, но она выпросит у него деньги потом, если он останется доволен проведенной ночью.

Загремела дверь. Приглушенный голос из верхнего окна позвал ее:

— Эй, Харриет. — Это писклявая Баттерфилд. — Мисс Боскасл тебя ищет.

— Черт возьми! — Харриет вскочила на ноги.

Ничего не поделаешь. Пришлось спрятать лестницу, чтобы ее не увидел тот, кто бьется в дверь. Да и самой надо спрятаться от Шарлотты Боскасл.

Не первый раз она тащила лестницу на своей тощей спине — и скорее всего не последний. Но сегодня его светлость должен ей столько, что она вполне может подобными делами больше не заниматься.

Выходя из дома, сэр Гейбриел Боскасл крепко выругался, так как едва не упал, споткнувшись о скамью, которую кто-то вплотную придвинул к двери с внешней стороны. Глупо таким образом помещать кому-либо попасть в сад, но, тем не менее, ненадолго задержать выходящего это приспособление может. Если бы он лучше знал расположение комнат в доме, то поискал бы другой выход. Гейбриелу очень хотелось, чтобы его включали во все дела, происходившие в семье Боскасл. Пора доказать, что он может преуспеть на поприще интриг не хуже своих кузенов. Его собственная семья принесла ему больше горя, чем радости. Кто бы мог подумать, что его, отщепенца, лондонские родственники примут в свои ряды как единомышленника?

В лунном свете сад выглядел вполне миролюбиво. Наверное, парочка слуг улучила минутку, чтобы уединиться, а он нарушил их планы. Гейбриелу даже стало стыдно.

Он прошелся по саду, заметил на ограде серую кошку. Ничто не вызывало подозрений, пока...

Он прищурился и остановился. Из дома вышла светловолосая фигура. Двигалась она украдкой. Что за черт...

— Шарлотта? — Не веря своим глазам, он пошёл ей навстречу. — Что ты здесь делаешь? В саду холодно.

Она испуганно вскрикнула.

— Я бы могла спросить тебя о том же.

— Я вышел, чтобы выкурить сигару, — ответил он и похлопал себя по карману жилета.

— Ну а я искала... Харриет. — Она потянула носом: — Странно. Я не чувствую табачного запаха.

Он огляделся:

— А я не вижу Харриет.

Но тут Гейбриел заметил лестницу, прислоненную к беседке. И почти одновременно лестницу увидела Шарлотта, потому что тихонько ойкнула.

Оба ничего не сказали. Гейбриел не знал, что подумала Шарлотта и что означает лестница, прислоненная к стене. Хотя... Возможно, это имеет отношение к словам Хита. Гейбриел не стал строить догадки — его дело поскорее сообщить братьям, что он увидел.

Ему не могло прийти в голову, что Волк похитил Эмму. Наверяд ли у кого-либо хватит на это смелости. А вообще-то обидно, что Эмма такая не в меру щепетильная. Она красавица. Эти волосы цвета абрикоса и гладкая кремовая кожа... Гейбриел был уверен, что в один прекрасный день в нее влюбится и потеряет голову какой-нибудь бедняга.

А если это Волк?

— Пойдем-ка в дом, — равнодушным тоном произнес он, — пока нас не хватились.

— Я тоже так думаю. — Шарлотта поспешила сделать это первой и почти что оттолкнула Гейбриела от двери.

Из мансардного окна донесся тонкий голос, и над подоконником появилась голова Харриет в ночном чепце с оборочками.

— Вы не могли бы болтать в доме?

Гейбриел сердито посмотрел вверх.

— Уж не ко мне ли ты обращаешься, мисс юная нахалка?

— Да. И что из этого? — Харриет взгляделась в него и заявила: — Ба! Я вас знаю.

Гейбриел хмыкнул.

— Если это про меня, то я сомневаюсь.

— Да я видела, как вы шлялись в трущобах.

— Это был не я, — с досадой сказал Гейбриел. По крайней мере, последнее время он там не появлялся.

— Тогда, возможно, у тебя есть распутный близнец, — насмешливо заметила Шарлотта.

— У меня хватит распутства и на тройню, — огрызнулся Гейбриел. — Кстати, как поживают твои братья?

— Я их не спрашиваю. — Она смерила его подозрительным взглядом. — А твои?

Он пожал плечами:

— Понятия не имею.

— А... — Харриет стукнула кулаком по подоконнику. — Кое-кому необходимо выпастся. Если не кончите чесать языком, я устрою такой шум, что разбужу весь дом.

Гейбриел поднял бровь. У него было предчувствие, что еще до утра шума хватит не только в доме, но и в целом Мейфэре.

Эмма со стоном опустилась на постель.

— Задерни, пожалуйста, полог, — попросила она. Как будто темнота может скрыть их неприличную страсть!

Он навис над ней. Рубашка наполовину соскользнула с плеч. В его чувственности было что-то первобытное, и вел он себя как неукротимый зверь.

— А если мне приятно на тебя смотреть?

— Не надо...

— Тише, любовь моя, — сказал он, расстегивая брюки. — У меня голова кружится, — еле слышно произнесла она. — Мне кажется, я сейчас потеряю сознание.

Веки у нее задрожали, и она закрыла глаза, когда он опустился на кровать. Большая ладонь нежно гладила ей лицо, горло, грудь. Она бедром ощущала его твердый член. Ноздри щекотал смешанный с мятой запах мужского тела.

— Ты не потеряешь сознания. — Он поцеловал налившиеся кончики сосков. — Хотя бы пока я тебя не...

— Эйдриан! — Она открыла глаза. — Только не это слово.

Он засмеялся и сжал ее ногами.

— Хорошо, не скажу, но сделаю это для вашей же пользы, леди Эмма. А сначала можно мне припасть к вашей груди? И могу ли погладить то, что укрыто у вас между ног?

Эмма закусилась верхней губой.

— Разве необходимо описывать все детали? Белые зубы сомкнулись вокруг нежного соска. У нее от удовольствия выгнулась спина.

— Самое главное как раз в деталях, — промурлыкал он, повторяя ее же слова, сказанные ему на свадьбе. — Маленькие штрихи, мелочи.

У Эммы вырвался смех.

— Я сделаю вам выговор, милорд... позже.

А он тем временем переместил ладонь вниз, задев влажные завитки на бугорке. Большой палец начал поглаживать плотный бутончик, спрятавшийся между мягких складочек.

— Ты вся шелковая, — тихо пророкотал его голос. — Моя искуcительница.

Она искуcительница? Менее всего это относится к ней. Но Господи, как прекрасно это звучит.

— Подожди, — прошептала она со слезами на глазах. От прикосновения его пальца тело затрепетало от желания, из горла вырвался стон. Член Эйдриана упирался ей в бок, и, казалось, разрастался в размере. Эмма облизнула нижнюю губу. Она представила, как его тяжелая мужская плоть погружается в нее.

— Эмма, ты как сливки. Я хочу тебя облизать...

— Не говори...

Она сейчас умрет, это страшно, невыносимо.

— Я хочу окунуть в тебя лицо. Столько сливок...

У нее приподнялись бедра, и она — о, какой стыд! — раскинула ноги. Ей хотелось, чтобы этот огромный член оказался у нее внутри и утолил ее голод.

— Я не могу...

— Можно тебя лизнуть? Ну пожалуйста!

— Я не могу ни думать, ни дышать...

Спина у нее напряглась. Его пальцы... Внутри все сжалось, она задрожала.

— Вот так, любовь моя, — хриплым густым шепотом произнес он, — вот так настоящая леди показывает своему лорду, чего она хочет.

У Эммы вырвались рыдания. А он опустил голову, и его лицо оказалось у нее между бедер.

Она, извиваясь, сжимала ногами его крепкие плечи. Все тело у нее пульсировало.

Эйдриан отодвинулся от нее, поднялся с кровати и начал торопливо раздеваться, словно догадался о ее нетерпении полюбоваться на его обнаженное тело.

Эмма не могла отвести от него глаз. Она похотливая женщина, пронеслось в голове. Чем она лучше Гермии, которая досаждаёт джентльменам, уговаривая их позировать ей, но Эйдриан — это шедевр природы. Словно высеченная из мрамора обнаженная грудь и выпирающие мышцы, едва заметные шрамы — свидетельства битв. Взгляд переместился к плоскому, мускулистому животу и ниже, к чреслам — к внушительному члену, похожему на меч. Она не удержалась от восторженного вздоха. Такой мужчина может заставить женщину рыдать.

Эмма закрыла глаза, чтобы он не догадался о ее мыслях. А он со смехом опустился на кровать.

— Можешь смотреть на меня сколько угодно. — И провел ладонью по ее груди, слегка пощипывая пальцами соски.

— Я хочу смотреть на тебя, — прошептала она. — Ты так прекрасен.

— Ты сама прекрасна и слаще, чем сливки и вишни. Тебе понравились мои ласки?

Она изогнулась под его рукой.

— Разве ты этого не понял?

— Я хочу, чтобы ты забыла обо всем, что тебе известно о поведении леди.

С замиранием сердца Эйдриан постепенно погружался в ее лоно. Оно было упругое и не сразу принимало его. Но он не торопился.

У Эммы по позвоночнику пробежала дрожь. Его Эмма. Грациозное тело с округлыми формами. Она — чувственная женщина. И она принадлежит ему одному. Он сжал зубы, боясь, что это прелестное тело может отвлечь его и развязка наступит слишком быстро.

— Не больно? — хрипло прошептал он. И не был уверен, что сможет остановиться, даже если ей больно.

Она покачала головой:

— Совсем немножко.

Таз у нее приподнялся, бедра задвигались, приглашая его продолжать. Тогда он, глубоко вздохнув, стал двигаться быстрее. Она тихонько постанывала, тело натянулось как стрела, а он говорил себе, что она женщина, а не девственница. Она несколько лет не знала любовных ласк и, тем не менее, смогла разбудить в нем дикую страсть.

Вдруг ему стало страшно. Он слишком огромен для нее, а сил остановиться нет — он вот-вот потеряет контроль над собой. У нее участилось дыхание, и она вцепилась ему в бедра.

— Не останавливайся, — низким голосом выговорила она. — Что ты ни сделал бы...

Она могла больше ничего не произносить — он понял, что опасаться ему нечего. Откинув голову, он дал ей то, о чем она его просила. Ее лоно приняло его, и у него вырвался радостный стон. Она освободила его от сомнений, он был желанен ей.

Он должен обладать ею. Грудь у него вздымалась, из горла вырвался хрип. Бедра дернулись, тело напряглось. Порыва такой мощности он никогда не знал.

Задышавшись, он уже не мог остановиться, отдавая себя ей. Казалось, что все клетки его существа рвутся наружу, сердце стучало так сильно, что удары отдавались в груди и голове.

Тело Эммы тоже сотрясало, но его крепкие руки держали ее. Господи, он будет вот так же держать ее и любить каждую ночь всю оставшуюся жизнь. Она — единственная и неповторимая, она вознесла его из темноты к свету.

Наконец он смог отстраниться от ее теплого тела и улечься рядом. Она поцеловала его в шею, а ее золотые волосы вуалью накрыли их. Он снова пожалел о своем наглom поведении в тот первый раз, о дерзкой попытке ее соблазнить. Надо было ждать, когда он сможет воздать ей должное.

В жизни Эйдриана были определенные важные вехи, какими он отмечал течение времени. Смерть матери. День на Рождество, когда отец сказал, что не считает его своим сыном. И тот октябрьский день, когда над дальним лесом разносилось карканье ворон. В этот день он ушел из дому.

День встречи с Эммой. Это Божья милость, что он ее не потерял. Он не мог выразить словами свои чувства, поэтому перевернулся на бок и поцеловал ее, надеясь, что она все поймет.

Она обвила руками его шею и прижалась к нему ароматным, влажным телом. Его снова охватило желание. Он с радостью продолжил бы любовные ласки, но совесть не позволила.

— Эмма, — он провел рукой по ее спине, — я должен сказать твоему брату, твоим братьям.

— Сейчас? — Он не успел опомниться, как ее тонкая фигурка выскользнула из его рук.

И вот они уже сидят на кровати, едва прикрывшись одеялом. Волосы у нее растрепались, она так влекла к себе, что Эйдриан пожалел — зачем он вспомнил про совесть?

Но пришло время все решить. То, что произошло, уже нельзя назвать неблагоразумным поступком, о котором забудешь через пару месяцев. Он вломился к ней в спальню и овладел ею. Теперь у него перед ней долг чести, но заплатит он этот долг с огромной радостью.

Конечно, он мог бы добиваться Эммы более тонко и искусно.

— Ты собираешься сейчас спуститься вниз и объявить о своих намерениях? — спросила она таким строгим голосом, что он повыше натянул на себя простыню. — После того, что у нас с тобой несколько минут назад произошло?

— Так будет лучше. А если они нас здесь найдут?

Эмма в ужасе посмотрела на него.

— Я скорее утоплюсь в Темзе.

Он поморщился. Ее тревога передалась и ему.

— Я брошу вызов всей твоей семье... обращусь к принцу-регенту, вообще ко всем влиятельным особам в Европе. Я заявлю во всеуслышание, что ты — моя.

Она внимательно на него взглянула, потом начала смеяться.

— Ты считаешь, что это поможет?

Он поднял бровь, не поняв, одобряет она его или нет.

— Нет, просто... трудно вообразить всех европейских влиятельных особ... — сквозь смех произнесла она.

Он чмокнул ее в нос, а она снова залилась смехом.

— Мадам, в чем причина вашего неподобающего поведения?

— В вас, милорд.

Он встал и подошел к окну, не позаботившись хоть чем-нибудь прикрыться.

— Очень благородно стоять на страже моей чести, — сказала Эмма уже тоном практичной, воспитанной леди. — Но подождем до утра.

— Ты уверена? Что-то мне подсказывает, что ждать нельзя.

Эмма извлекла из-под смятых простыней свои вещи и быстро оделась. Ничто не действовало так отрезвляюще на братьев и сестер Боскасл, как опасность. Эмма была в своей стихии, когда от нее кто-то зависел.

— Думаю, что нам надо потихоньку уйти...

— Поздно, — прошептал он, глядя в окно, через которое попал в комнату.

Эмма похолодела и подошла к нему.

— Ты о чем?

— Лестницы нет. Эта маленькая беспризорница меня надула.

Эмма высунулась в окно из-за его плеча.

— Беспризорница? — До нее не сразу дошло сказанное им, потому что даже сквозь одежду его близость волновала. — Господи, Эйдриан. Неужели ты вовлек в эту историю Харриет и она тебе помогла? Какое бесстыдство...

— Я хотел тебя увидеть. А попросить было некого. — Он смущенно пожал плечами и запустил руку в волосы.

Этот жест разбудил в Эмме материнские инстинкты. Сколько раз ей приходилось утирать братьям разбитые носы, перевязывать ссадины и чинить игрушечные мечи! Она приобрела ценный опыт в познании мужского характера и знала — необходимо щадить мужское самолюбие. В мужчине уживаются гордость и ранимость, трудно поддающиеся пониманию грубость и жестокость с доблестью и самопожертвованием. Она всегда требовала, чтобы братья умели за себя постоять, а при этом пряталась поблизости, чтобы прийти на выручку, если понадобится. Она заставляла их самим искать выход из опасных проделок.

И вот сейчас — невероятно, но это так — она противостоит тем самым мужчинам, которых всю жизнь опекала.

Эйдриан рассмеялся:

— Похоже, мне придется искать другой способ, чтобы скрыться.

— Ты смог бы влезть вон на то дерево? — с беспокойством спросила Эмма.

— Я и сонный мог бы на него влезть, — ответил он. — Но чем это мне поможет, когда внизу на скамейке сидит Дрейк и курит сигару?

— Дрейк? Ты уверен?

— Если только это не курящий в саду гном.

— Не помню, чтобы Дрейк когда-нибудь сидел под окном. Что прикажешь с тобой делать?

Эйдриан натянул рубашку и брюки.

— Я потихоньку спущусь вниз, а если меня заметят, то скажу, что только что вошел в дом.

Она покачала головой:

— Входить в дом без приглашения неприлично, и тебе никто не поверит.

Он поцеловал ее в макушку.

— Не более неприлично, чем то, что мы делали, поверь мне. Передай мне сапоги, дорогая. Что бы со мной ни случилось, это того стоит.

Покраснев, она нагнулась и сунула руку под кровать, но тут же оказалась зажатой между его ног. И они снова целовались. И с таким жаром, словно у них было полно времени, чтобы утолить страсть.

— Я уйду. — Он, наконец, отпустил ее. — Но знай, это меня убивает. Я вернусь, как только улажу все с твоей семьей. Ох, Эмма, как же мне не хочется уходить!..

Она посмотрела на окно:

— Может, Дрейк уже ушел? Я проверю.

— А я проверю, что делается за дверью. Через пятнадцать секунд все стало ясно.

— Он еще там! — воскликнула Эмма.

— На лестничной площадке устроился Хэмм и, судя по всему, расположился на всю ночь, — угрюмо сообщил Эйдриан.

— Это ловушка. — Эмма прижалась спиной к стене. — Эйдриан, мы попали в ловушку Боскаслов.

Он огляделся:

— Здесь есть потайная дверь или каморка, куда я мог бы спрятаться?

— К сожалению, нет, — прошептала она.

— Твои братья каким-то образом прятались в свое время, ведь правда?

Она бросила на него сердитый взгляд.

— Сейчас ни к чему обсуждать эти прискорбные обстоятельства.

— А куда ведет эта дверь? — Эйдриан указал на гардеробную.

— Там спит моя служанка, но не смей туда входить. Ей сорок два года, и мужчин в своей комнате она никогда не принимала.

Он встал на колени и посмотрел в замочную скважину.

— Там уже двое мужчин и никакой служанки.

— Что? — Не поверив Эйдриану, Эмма сама посмотрела в глазок. — Господи, помоги! Это Грейсон и Уид.

Эйдриан выпрямился и печально рассмеялся.

— Выходит, это засада. Нам ничего не остается, как выйти к ним вместе. Путей к

спасению нет. Девон наверняка сторожит у парадного входа.

Эмма поднялась с колен.

— Я скорее останусь в своей комнате до конца жизни, чем посмотрю в лицо братьям. Они превратят мою жизнь в ад, смакуя все подробности.

— Ты ни в чем не виновата, — попытался успокоить ее Эйдриан и кисло пошутил: — Порке подвергнусь я. Ты уж позаботься о моих достойных похоронах, хорошо?

Эмма побледнела, представив себе схватку в спальне между Эйдрианом и братьями. Ей остается лишь молиться, чтобы они сдержали свою ярость и вспомнили, что в доме живут ученицы, которых она, их наставница, предала. Скандал, в который она угодила, утром будет во всех подробностях известен всему Лондону. Эмма представила ликование Элис Клипстоун, когда та узнает, что ее соперницу уличили в любовной связи.

Но Эйдриан прав. Поймают их или нет, но украденная ночь любви того стоила. Любви Эйдриана значила для нее больше, чем репутация.

Он — любовь ее жизни. И он нуждается в ней.

Эйдриан отошел от двери, и она последовала за ним.

— Ты ошибаешься, — тихо сказала она, — выпороть они захотят меня, в отместку. Ведь я постоянно их муштровала.

— Прости, я не понял? — Он с удивлением воззрился на нее. — Твои братья тебя?...

— Да нет же, не физически. Но мне придется выносить их насмешки всю оставшуюся жизнь. Этим подлецам больше всего хотелось поймать меня на чем-то запретном после тех нравоучений, какие я на них изливала. Я называла себя моральным оплотом семьи и вот...

Он схватил ее за руки:

— Эмма, это моя вина. Это я втянул тебя в эту историю. Скажи, ты захотела бы связать свою жизнь с кем-нибудь еще?

— Нет, разумеется. — Она горестно улыбнулась. — Хорошо. Мы встретимся с ними вместе. Мы будем смелыми...

Кто-то тихонько постучал в дверь ее апартаментов. Она охнула — ей сделалось страшно.

— Мне открыть? — спросил Эйдриан.

— Спрячься в шкафу и не выходи, пока я не велю, — прошептала она в ответ. — Может, мне удастся уговорить того, кто пришел, уйти.

Он горько рассмеялся:

— Ты думаешь, это поможет?

Она с трудом сглотнула слюну.

— Я думаю, что у Наполеона была большая возможность удрать с Эльбы, чем у тебя выйти отсюда незамеченным. — И храбро сделала два шага к двери.

Эйдриан очутился перед ней, прежде чем она успела ему помешать.

Он посмотрел ей прямо в глаза. Она выглядела такой спокойной и уверенной, что он на секунду заколебался. Хватит ли у него выдержки и дипломатичности? Да и его манеры оставляют желать лучшего. Но мужская гордость победила, и он открыл дверь.

Хит вошел в комнату служанки, откуда вела дверь в покои Эммы — там, в тесной каморке нетерпеливо топтался Грейсон.

— Что-нибудь интересное заметил?

— Да. Перед окном скрипучая половица.

Хит усмехнулся.

— Влюбленных голубков видел?

— Нет. — Грейсон потянулся. — А где наши дамы?

— Беседуют в гостиной. Кстати, Джейн тоже там.

— Джейн? А-а, понятно. Видно, она советуется по поводу новых туфель.

— Пусть будет так.

— Ты о чем?

— Ни о чем. Просто у меня предчувствие. Если наши женщины собрались вместе...

— Но все пути Эйдриану отрезаны. Разве не так? — Грейсон довольно улыбнулся. — Он не может уйти из дома незамеченным. Мы охраняем все выходы.

* * *

Эйдриан приготовился защищаться от братьев Эммы и физически, и морально. Главное — защитить ее, а всю вину он возьмет на себя. Но он совсем не был готов к тому, что, приоткрыв дверь, увидит двух женщин.

В младшей он узнал невестку Эммы Джейн, маркизу Седжкрофт. Она мгновенно воспользовалась его замешательством и протиснулась в дверь. Ас ней была — черт, не кто иной, как Гермия, долговязая леди Далримпл — любительница пикантных рисунков.

Джейн быстро захлопнула дверь и повернула ключ в замке.

Эйдриан не поверил своим глазам.

— Хэмм все еще на лестнице?

— Да. — Джейн приложила ухо к двери. — А Девон сторожит в холле. Весь дом окружен врагами настоящей любви.

Сконфуженная Эмма закрыла лицо руками.

— Это точное объяснение того, почему я здесь прячусь, — сказал Эйдриан, немного смутившись от откровенного взгляда Джейн. — Это так. Правда, Эмма?

Зеленые глаза Джейн весело блеснули.

— Сомневаюсь, что такое объяснение устроит четверых чрезмерно заботливых братьев.

— Как ты узнала, что он здесь? — тихо спросила Эмма.

— Шарлотта устроила Харриет инквизицию Боскаслов, — пояснила Джейн.

Эйдриан едва не выругался.

— Кто такой граф Одем, черт возьми? — сердито спросил Эйдриан. Он чувствовал себя актером в какой-то непонятной театральной импровизации.

— Это пожилой джентльмен, который когда-то добивался расположения Гермии, — ответила Джейн.

— И сбежал, — уточнила Гермия.

— Мне очень жаль, — сказал Эйдриан.

— Не жалейте меня, — улыбнулась Гермия. — С тех пор я заставила беднягу достаточно пострадать. Можете ему верить. Меня он больше не подведет.

— Эмма, что скажешь? — с надеждой спросил Эйдриан.

— Я всю жизнь, — ответила Эмма, тщательно подбирая слова, — старалась следовать приличиям так, как их понимала.

— Вот что: либо обман, либо все выплывет наружу, — без обиняков заявила Гермия. — Решайтесь, Вулвертон.

— Эмма? — Эйдриан смотрел на парик как на гильотину.

Эмма решительно кивнула Джейн.

— Мне кажется, его нужно немного подрумянить, чтобы он походил на Гермия. И давайте хотя бы подвернем ему штанины.

Эйдриан спускался следом за Джейн по лестнице. Они прошли мимо Хэмма, который внимательно на них посмотрел. Очевидно, лакей питал теплые чувства к пышнотелой леди Далримпл, потому что, хоть он и вскочил на ноги, поклонившись Джейн, взгляд его остановился на фигуре, которую он принял за рослую Гермия.

— Могут ли я проводить миледи в карету?

— Нет, Хэмм! — отрезала Джейн. — Леди Далримпл немного нездоровится, и она не желает, чтобы вокруг нее суешили.

— Мне очень жаль, мэм. Надеюсь, ничего серьезного, — сочувственно произнес Хэмм.

— У нее... — Джейн на секунду растерялась, — болит горло, она охрипла. Ей необходимо беречь голос и поскорее вернуться домой.

— Конечно, мэм. Не принести ли мне в карету грелку, чтобы миледи могла согреть ноги?

Эйдриан выругался себе под нос, с трудом удержавшись, чтобы не спустить Хэмма с лестницы. И так достаточно унижительно опираться на Джейн, чтобы не упасть. Он еле-еле передвигал ноги в модных, с большими пряжками туфлях Гермии. Пришлось разрезать швы, чтобы впихнуть туда его ноги.

— Не нужно никакого шума вокруг миледи, — улыбнувшись, твердо сказала Джейн. — Лучше открой-ка дверь, чтобы граф поскорее отвез ее домой.

Эйдриан закивал головой, а Хэмм бросился исполнять приказ.

— Да, конечно. Если нужно что-нибудь еще...

— Это вы, Гермия? И ты, Джейн? — Внизу лестницы появился младший брат Эммы лорд Девон Боскасл. — Вы собираетесь домой?

Эйдриан злобно стрельнул на него глазами, но, к счастью, капюшон плаща надежно укрывал ему лицо. А может, быстро пробежать по холлу или... подняться наверх по лестнице назад... как трус? Он поклялся, что если Джейн выручит его из этой дрянной истории, причем без ущерба для Эммы, то своего первого ребенка он назовет в ее честь, а к тому же наймет всех сапожников в Европе, чтобы обували в модные башмачки ее изящные ножки.

— Гермии нездоровится, Девон. — Джейн вцепилась в руку Эйдриана, и они преодолели оставшиеся ступеньки. — У нее болит горло. И ей нельзя дышать сырым ночным

воздухом. Будь умником, принеси из гостиной мои перчатки.

Девон был в нерешительности.

— Но я собирался остаться...

— Девон! — Сестра Хлоя выбежала в холл и бросилась к нему. — Ах ты, негодный мальчишка! Я тебя сто лет не видела. Я даже говорила Доминику, как я по тебе соскучилась.

Девон бросил через плечо взгляд на Эйдриана и Джейн, не зная, как поступить. А Хлоя тянула его в другую сторону.

— Разве мы не обедали вместе три дня назад? — недоуменно спросил он.

Эйдриан плотнее запахнул плащ Гермии и шепнул Джейн:

— От этого унижения я никогда в себя не приду.

Джейн шагнула вперед и ровным голосом сказала: — Гермия, не волнуйтесь и не напрягайте голос. А вот и ваш верный Одем.

Каблук туфли застрял между булыжниками на мостовой, и у Эйдриана подвернулась нога. Он наверняка упал бы, но Джейн мгновенно поддержала его. Граф, проворный седой джентльмен лет шестидесяти, много лет влюбленный в леди Далримпл, вышел из кареты и побежал к ним по улице.

— Одем знает об этом маскараде? — сквозь зубы процедил Эйдриан.

Джейн пожала плечами:

— Джулия собиралась его во все посвятить, но я не уверена, что ей удалось проскользнуть мимо Хита.

Эйдриан нахмурился:

— Ведь Одем влюблен в Гермию! И как я смогу объяснить...

— Скорей в карету, моя маленькая шалунья! — закричал Одем и, подхватив Эйдриана под локоть, прошептал: — Прекрасно задумано, Вулвертон. Напоминает мне, как я, бывало, повесничал. Небольшая маскировка лишь усиливает желание, а?

Эйдриана буквально протащили через улицу и втокнули в поджидавшую карету графа. Первое, что сделал Эйдриан, очутившись внутри, — это избавился от туфель. Одем толкнул его на сиденье, постучал костяшками пальцев по крыше, и кучер пустил рысью двух серой масти лошадей.

Одем ликовал — он даже ногой притопнул.

— Получилось! Давно я так не веселился. О, Гермия всегда была бесстрашной. Господи, Вулвертон, эта женщина сводит меня с ума. А теперь чаша весов склонилась в мою пользу.

Эйдриан с угрюмым видом стянул с головы капюшон плаща.

— Мне бы не хотелось выглядеть в ваших глазах невоспитанным грубияном. Я, очевидно, ваш должник на всю жизнь. Скажите, мы с вами раньше встречались?

В карих глазах графа промелькнул азартный огонек.

— Мы оба большие негодники, так что какое имеет значение, были мы знакомы раньше или нет?

Эйдриан шумно выдохнул и посмотрел в окно кареты. На улице стояла Джейн и довольно улыбалась. Из дома выбежал высокий мужчина. Какой это из братьев Боскасл, Эйдриан не разглядел, но одно было ясно — хитроумная Джейн, несомненно, с ним справится.

А неприятности предстоит расхлебывать завтра.

Хит стоял рядом с невесткой и смотрел, как удаляется карета. У него зародилось неприятное — и даже ужасное — подозрение. Чему сейчас он был свидетелем? Побег?

Невозможно! Джейн повернулась к нему и подавила зевок.

— Уже поздно. Мне надо уложить сына. А где Грейсон? С Дрейком?

Хит продолжал смотреть вслед почти скрывшейся карете. Он нехотя улыбнулся:

— По-моему, он все еще наверху.

Джейн бросила на Хита взгляд снизу вверх и весьма убедительно — ну чем не актриса? — произнесла:

— Наверху? Что он там делает? Я думала, что мужской клан собрался у тебя в кабинете.

Сзади раздался удивленный женский голос:

— О чем это вы тут секретничаете?

Хит резко развернулся. Сердце, как обычно при виде жены, радостно замерло. Чему он радуется? Он подозревал, что Джулия и остальные дамы его перехитрили. Но этого не может быть! Хотя...

— Где тетя Гермия?

Джулия спустилась по ступенькам и положила голову мужу на плечо.

— Кажется, она еще наверху с Эммой.

— Но Девон сказал... Кто только что уехал в карете Одема?

Джейн плавной походкой прошествовала в дом.

— Одем, разумеется. Странно, что ты задаешь такой вопрос.

Хит сжал губы.

— Но я думал, что Гермия...

Джулия отодвинулась от него.

— Гермия с Эммой, Хит. Если ты о ней тревожишься, то я уверена, что она сама тебя успокоит. Правда, вечером она жаловалась на боль в горле.

— Понятно.

Хит медленно вернулся в дом, поднялся наверх и остановился у закрытой двери в комнаты Эммы. Там его и обнаружил Грейсон.

— Давай взломаем дверь и ворвемся к ней, — сказал Грейсон и уже занес кулак. — Дело зашло слишком далеко. Вулвертон не может прятаться там вечно.

Хит отрицательно покачал головой. Умный человек знает, когда следует признать поражение.

— Грейсон, я бы предпочел, чтобы ты не ломал двери в моем доме.

Но Грейсон уже колотил что было мочи в дверь. На пороге появилась недовольная Эмма.

— Грейсон, — раздраженно сказала она, — в чем дело? К чему этот грохот? Кто-то заболел?

Грейсон ворвался в комнату со словами:

— Почему бы Эйдриану не выйти из укрытия и самому не ответить на этот вопрос?

— Грейсон Боскасл, — с оскорбленным видом заявила Эмма, — я запрещаю тебе сделать еще хоть один шаг.

Он застыл от ее непререкаемого тона.

— Эмма, тебя я не виню, — наконец сказал Грейсон. — Вулвертон может обольстить кого угодно. Не важно, наследник он герцога или нет, но его следует...

Он замолчал, сделал для храбрости глубокий вздох и распахнул дверь в гардеробную. Возмущенный крик заставил его отшатнуться.

— О Господи! Боже милостивый! Гермия, я понятия не имел. Я не...

Перед потрясенным Грейсоном предстала леди Далримпл без парика, руки в боки. Ее пышный бюст негодуяюще колыхался.

— Надеюсь, ты объяснишь свое беспардонное появление, Седжкрофт?

Грейсон стоял с окаменевшим от ужаса лицом. У него не было сил вымолвить ни единого слова в свое оправдание. Наконец Хит со смехом отстранил его.

— Все кончено.

— О чем, черт подери, ты говоришь? — обрел дар речи Грейсон и выскочил за дверь.

— Нас победили, — усмехнулся Хит. — Пора бить отбой.

— Вы его нашли? — крикнул снизу из холла Девон. Из-за его спины прозвучал скрипучий голос Хэмма:

— Лорд Вулвертон не выходил из парадных дверей, милорды. Я стоял там, где вы мне велели. Он никак не мог пройти незамеченным.

Грейсон повернулся к Хиту и сердито спросил:

— Ты уверен, что Волк вообще был здесь? Хит покачал головой:

— Как же я не сообразил... — И с восхищенными нотками в голосе закончил: — Я же чувствовал.

— Тогда почему ты ничего не предпринял? — возмутился Грейсон.

Хит ничего на это не ответил и лишь улыбнулся.

Эмма провела всю ночь — вернее, часть, оставшуюся от ночи, — шепотом повествуя своим сообщницам Хлое, Джулии, Шарлотте и тете Гермии о тайной помолвке с Эйдрианом. Теперь, когда она приняла его предложение и призналась сама себе в своих чувствах, Эмма не видела причин скрывать восторг.

Конечно, при этом она вела себя так, как подобает будущей герцогине. А если приличия и были нарушены, то у них с Эйдрианом вся жизнь впереди, чтобы все исправить.

— Девочкам придется научиться обращению «ваша светлость», — мечтательно заметила Шарлотта, вытянувшись на кровати Эммы с бокалом шампанского в руке.

Лакей Джейн Уид доставил четыре бутылки «Дом Периньон» менее чем через час после того, как маркиза вернулась домой. После удачной проделки торжествовала любовь! Хлоя ловко извлекла пробки и произнесла тост в честь старшей сестры. Все выпили шипучее вино, которое прославил скромный монах-бенедиктинец, пожертвовавший свои доходы беднякам.

— Это благотворительное вино, — радостно объявила Хлоя.

— Тогда давайте выпьем еще! — подхватила Эмма.

— За Боскаслов и их друзей! — присоединилась верная Гермия.

— Эмма, как нам сказать ученицам о твоей помолвке? — спросила Шарлотта.

Эмма опустила глаза.

— Сама не знаю. И еще я не знаю, смогу ли вот так просто расстаться с академией.

— Почему нет? — громко воскликнула Гермия, хотя язык у нее немного заплетался. — Я всегда в жизни руководствовалась порывом и не жалею об этом. Сказано — сделано. Я опасная женщина.

— Только для красивых молодых людей, которые похожи на греческих богов, — не подумав, сказала Шарлотта.

Джулия залилась смехом, другие дамы тоже не удержались от хохота. Эмма встала с дивана и стала призывать их успокоиться.

— Пожалуйста. Мы должны...

— ...выпить еще шампанского, — подсказала Хлоя, подняв кверху похожую на луковицу бутылку. — Ох, Эмма, Эмма, кто бы мог подумать, что ты способна таким образом воздать должное нашим предкам? Клянусь, что буду умирать с улыбкой на лице, вспоминая эту эскападу. Эйдриан — самый восхитительный негодник на свете, а теперь он станет моим зятем. Наша фамильная дурная слава не посрамлена, и мне совершенно не стыдно.

Вскоре все устали и затихли. Шарлотта надела туфли, поцеловала Эмму и ушла проводить спящих девочек, да и самой ей было пора ложиться. Гермия уснула прямо на диване, и Джулия, укрыв ее теплым одеялом, на цыпочках направилась в собственную спальню к мужу. Эмма и Хлоя устроились рядышком на кровати, уютно прижавшись друг к дружке, как часто делали в детстве. Это напомнило Эмме, как по-матерински — и в радостные дни, и в печальные — она заботилась о братьях и сестре. И вот теперь им придется обходиться без нее. А она сможет без них?

Хлоя положила голову Эмме на плечо.

— Если бы я следовала своим безнравственным наклонностям, то не сосчитать, сколько раз тебе пришлось бы меня наставлять.

— Не надо идти на поводу дурных наклонностей, — строго сказала Эмма, потом вздохнула и уже мягче добавила:

— Что тут скажешь, когда мое поведение заслуживает наказания, а я при этом готова лопнуть от счастья?...

— Тогда пусть ничто не омрачит твоего счастья, — прошептала Хлоя. — Эмма, живи и наслаждайся жизнью.

Эмма снова вздохнула, но уже с улыбкой, вспомнив, как Эйдриан выходил из комнаты в парике и плаще Гермии. А если братья его все-таки поймали? А вдруг кто-то из учениц проснулся как раз во время этого маскарада? Хватит мучить себя предположениями: Лучше спокойно подумать о том, что будет с ее академией после объявления о помолвке.

Эмма хорошо изучила лицемерие высшего света и знала, что даже если бы скандал о ее тайной связи всплыл, то о нем вскоре забыли бы, поскольку ей предстоит стать герцогиней.

К тому же она будет вместе с человеком, которого любит. Это главное.

На следующее утро в девять часов Эйдриан прибыл в особняк Грейсона Боскасла на Парк-лейн и официально попросил руки Эммы.

Грейсон любезно принял его, выказав приличествующие удивление и удовольствие. При этом присутствовала Джейн и так неподдельно искренне радовалась и удивлялась, что Эйдриан спросил себя, уж не приснилось ли ему вчерашнее приключение.

— Это событие нужно отметить ужином, — заявил Грейсон, потирая руки с таким видом, как будто организатором этого бракосочетания был он. — Джейн, мы сможем все устроить?

Она улыбнулась:

— Конечно, дорогой муж. Наши слуги привыкли к тому, чтобы в последний момент приготовить обильный стол.

— Не надо никакого обильного ужина, — воспротивился Эйдриан, зная любовь Эммы к утонченности. — Надеюсь, что всех устроит, если мы поженимся без всякой пышности.

Джейн извинилась и оставила мужчин обсуждать имущественные вопросы, связанные с вдовой частью наследства Эммы, а сама занялась радостными приготовлениями к свадьбе. А это значит, конечно, что ей и невесте потребуется новый гардероб и соответствующая обувь в таком количестве, что итальянскому сапожнику не обойтись без многочисленных подмастерьев. Просто необходимо побаловать себя дюжиной новых туфель, чтобы отпраздновать помолвку невестки, еще одной жертвы наследственной семейной черты Боскаслов — страстности натуры. Джейн была полна решимости сделать так, чтобы путь Эммы к узам брака прошел как по маслу. А о том, что предшествовало свадебному маршу, лучше забыть.

Дочь графа и жена маркиза, Джейн прекрасно понимала, что появление в семейной родословной герцога и герцогини следует не только приветствовать, но и использовать в своих целях.

Сын Джейн Роуан, наследник маркиза, будет расти рядом с сыном герцога, его кузеном и товарищем по играм. Так и должно быть в среде аристократии. Через десять лет — да что через десять, через год — мало кто в надменном высшем свете вспомнит, какое нарушение приличий привело к союзу Эммы и Эйдриана. Ведь никто вне семьи не осмеливался упоминать скандал, связанный с браком Джейн.

Так что до поры до времени в мире Боскаслов все было хорошо.

В тот же вечер маркиз Седжкрофт устраивал ужин, чтобы объявить о помолвке своей сестры виконтессы Лайонс с Эйдрианом Раксли, виконтом Вулвертоном.

Приглашение, помимо членов семьи Боскасл, получили только несколько наиболее заметных представителей высшего света. Граф Одем пришел со своей любимой Гермией. Оба изобразили удивление по поводу помолвки. Были приглашены также два члена парламента с женами. В общем, это был прием для весьма ограниченного круга лиц.

На бракосочетании, происходившем через два дня в домовой часовне Грейсона на Парк-лейн, присутствовали только избранные. Эмма выглядела настолько спокойно перед церемонией, что Джулия потихоньку спросила, не дать ли ей понюхать туалетного уксуса, чтобы не упасть в обморок. На что Эмма ответила:

— Если я всю жизнь прожила в этой семье и ни разу не упала в обморок, то весьма

сомнительно, что сегодня это произойдет.

Но когда в часовне она увидела Эйдриана, то едва не лишилась чувств. Он был одет в темно-синий фрак и брюки тонкого черного сукна. На боку свисала шпага. Эмме вдруг пришло в голову: только бы ему не пришлось воспользоваться ею до конца брачной церемонии, пока не произнесены обеты. Он казался таким величественным, что Эмма в платье из серебристой полупрозрачной ткани и без украшений по сравнению с ним выглядела, как ей казалось, излишне скромной. Но это ее второй брак, и не могла же она украсить себя девственным флердоранжем. Полу-вуаль скрывала ее счастливую улыбку от немногочисленных гостей. Этого Волка укрощать будет она.

Посаженым отцом был Грейсон. После церемонии гостей угощали завтраком, состоящим из креветок, отбивных бараньих котлет, за которыми последовали яблочный пудинг, малиновое желе и взбитые лимонные сливки. Как и следовало ожидать, внесли трехслойный свадебный пирог с толстым слоем белой глазури.

Эйдриан поднял бокал шампанского в честь новобрачной и умудрился стянуть три засахаренные ягодки с пирога.

— Прости. — Он сжал Эмме руку. — Кажется, я никогда не исправлюсь.

Она улыбнулась ему, и вся ее любовь была в ее глазах.

— Я бы никогда не простила себе, если бы это произошло.

Шел дождь, когда они ехали в лондонскую гостиницу, где Эйдриан обычно останавливался в течение последнего года. Это место не было особенно удобным, но он ведь не собирался обосновываться в Англии. А вот теперь он пожалел, что у него нет собственного дома, куда можно привести свою жену.

Это была его брачная ночь.

Он старался не думать о покойном муже Эммы. Конечно, мелочно и нечестно ревновать к тому, кто уже умер.

Эйдриан был человеком действия, человеком, которого жизнь научила выживать. И теперь, чтобы выжить, ему необходима Эмма. Пусть это говорит о его слабости — ему все равно. Она для него — тепло свечи в зимней мгле. Ему ничто не нужно и никто не нужен, кроме нее.

Он снял фрак, а она скрылась за ширмой, чтобы умыться. Эйдриан открыл дверцу шкафа и заглянул внутрь, потом подошел к окну и посмотрел вниз — не видно ли карет?

Эмма высунула голову из-за ширмы и удивилась:

— Уж не хочешь ли ты признаться в нашу брачную ночь, что ты шпион?...

— Я проверяю, не прячутся ли где-нибудь твои братья.

— О Господи! Ты что, их нашел? — воскликнула она.

Он засмеялся:

— Нет.

— Слава Богу. Не поможешь мне? Не могу расстегнуть последний крючок. — Она появилась из-за ширмы с распущенными золотыми волосами и повернулась к нему спиной.

— Конечно. — Сердце у него сильно забилося. Он притворился, что никак не может справиться с застежкой, а на самом деле едва сдерживался, чтобы просто не вырвать крючок.

— Осторожно. — Она повернула к нему голову. — Материя очень тонкая и...

Он положил обе руки ей на плечи и решительным жестом сорвал платье из дорогой ткани, прошитой серебряными нитями. Та же участь постигла и нижнее шелковое белье.

Эмма пыталась протестовать.

— Эйдриан, это мое подвенечное платье!

— Ты же не собираешься снова его надевать, — пробормотал он, понимая, что это его не оправдывает.

— А наши дети? — негодовала Эмма. — Если я захочу передать это платье дочери? Ты подумал о том, что у нас может быть дочь?

Он погладил ее обнаженные плечи.

— Я только об этом и думаю. — И прошептал, наклонив к ней голову: — Если у нас будет дочь, то, надеюсь, точно такая, как ты.

— Эйдриан, — прошептала она в ответ, — я всегда хотела иметь детей.

Он улыбнулся и, подхватив на руки, отнес в постель.

— Подари мне прелестных дочек, которые будут похожи на их мать. Подари мне сыновей. Подари мне себя, Эмма.

Она смотрела, как он нетерпеливо сдергивает с себя одежду, и, помимо воли, ее охватило возбуждение. Она не могла отвести глаз от его наготы и видела, что он это заметил. Если бы покойный муж застал ее наблюдающей за тем, как он раздевается, то быстро бы прикрыл интимные места платком.

Эйдриан же, этот бесстыжий и свободный от предрассудков авантюрист, потянулся и выгнул спину, показывая ей свое потрясающее тело.

— Господи, до чего же тесная одежда, — пробормотал он, не сводя полуприкрытых глаз с ее лица.

Она лизнула уголки губ.

— Я понимаю почему. — И невинным тоном спросила: — А ты не хочешь прикрыться? Шейным платком, например?

Он засмеялся и прижал ее к себе.

— Завязать вокруг бедер? — шутливо произнес он, целуя ее. — Для этого тоже есть определенные правила?

У нее замерло сердце, потому что его твердая мужская плоть упиралась ей в живот.

— Не думаю.

— Какое облегчение! Потому что, когда дело касается невоспитанности...

Эмма уткнулась лицом в подушку, чтобы он не услышал ее стона. Но любая попытка скрыть от мужа свое нарастающее возбуждение была обречена на неудачу. Он осыпал поцелуями ее грудь, а у нее стянуло живот. «Господи, прости меня, — мысленно произнесла Эмма, — но я веду себя, как сластолюбивая Венера».

— Если мне предстоит обучать тебя манерам джентльмена, — со вздохом сказала она, — то нам придется начать с наблюдения за твоим ужасающим поведением.

Он усмехнулся:

— Уж в чем, а в этом, по моему скромному мнению, я весьма преуспел.

Она приподнялась на локте. Грудь у нее пылала от его жарких поцелуев.

— Тогда покажи, чтобы мы могли начать обучение. Он просунул язык между ее губ и стал ласкать ей рот, вызывая у нее новый прилив желания. Эмма вцепилась пальцами ему в спину, в упругие ягодицы.

— Я весь горю, Эмма. Твои прикосновения...

— Тогда можно мне...

Она не успела закончить, как он все понял и приподнялся. Она ощутила в своей

маленькой ладошке его огромный член и осторожно погладила.

У Эйдриана дрогнули плечи, затем он выгнул спину, показывая свою радость от ее легкого касания. В ответ она встала на колени и прижалась лицом к его груди.

— Никогда я не жаждал женской ласки и нежности, как твоей, жена моя, — с хрипом вырвалось у него.

— А я никогда не хотела вот так коснуться мужчины, — прошептала она в ответ. — Но признаюсь, если ты сию минуту не продолжишь своего ужасного поведения, то я...

Он потянул ее на себя, и она оказалась под ним. Лоно у нее пульсировало с такой силой, что казалось, вот-вот разорвется. Она развела бедра. Он понял и принял ее призыв. Тайна, сладкая тайна мужской силы снова была готова открыться для нее. И она тоже сильна, сильна своей слабостью, подчиненностью его силе.

Когда, наконец, она ощутила эту силу у себя внутри, в голове пронеслось: как чудесно быть не только женой, но и дамой с некоторым опытом, сознающей, что даже для внешнего приличия есть свое время и место.

Как и для страсти.

Новобрачные проспали бы все утро, если бы Бонес, камердинер Эйдриана, не поставил к дверям поднос с обильным завтраком вкупе с подарками и визитными карточками с поздравлениями.

Недовольно ворча, Эйдриан открыл дверь, но Эмма мягко попеняла ему на неблагодарность.

Ей всего три раза в жизни подавали завтрак в постель. Правда, она не хотела, чтобы это вошло в привычку.

— Не могу сказать, что мне очень удобно завтракать без одежды, — сказала она, а он довольно улыбнулся и положил ей в рот дольку испанского апельсина.

— Ты на редкость скандальная молодая дама. Должно быть, поэтому я в тебя влюбился, — шутливо произнес он.

— Не вздумай сказать это своему отцу, когда будешь представлять меня ему.

— Я не тороплюсь и не горю желанием это сделать.

— Так я и поняла. Но тебе никуда не деться от неизбежного, и ты не обретишь душевного покоя, пока не покончишь с этим.

— Вот что неизбежно. — Он просунул руки под ее голые бедра, и она оказалась под ним.

Снова раздался стук в дверь. На этот раз Бонес был так взволнован, что Эйдриан не стал его прогонять.

— Это ваш брат, милорд. Я взял на себя смелость впустить его. Он сказал, что не уйдет, не встретившись с вами.

— Мой брат? — не поверил Эйдриан. — Бонес, ты уверен?

Эмма села и с возмущением сказала:

— Он, скорее всего, ошибся. Только у моих братьев хватит наглости прервать завтрак в первое же утро нашего медового месяца. Кто именно из негодеев заявился, и что у него за оправдание на этот раз?

Бонес кашлянул.

— Это лорд Седрик, мэм. Брат милорда.

Эйдриан недоуменно посмотрел на дверь:

— Седрик здесь?

— Да, милорд, — ответил Бонес. — И он настаивает на том, чтобы вас увидеть.

Эмма оделась с особой тщательностью и выпила две чашки несладкого чая. Она решила не мешать встрече Эйдриана с братом. Конечно, Седрик появился не вовремя, но, вероятно, в родовом поместье возникли неотложные обстоятельства. Хотя Эйдриан и утверждал, что болезнь отца всего лишь хитрость, но, возможно, все обстоит не совсем так. Непохоже, чтобы лорд Седрик прервал первый день медового месяца брата по злому умыслу. Поскольку Эйдриан не общался с герцогом, то появление Седрика можно считать совпадением. Эмма не осмелилась настаивать на том, чтобы пригласить герцога на свадьбу, учитывая нелюбовь Эйдриана к отцу.

Через двадцать минут муж позвал ее в гостиную и познакомил с братом. Лорд Седрик оказался хорошо сложенным мужчиной среднего роста. Он был несколько смущен тем, что приехал в неурочный час. У Эммы создалось впечатление, что он рад тому, что старший брат взял в жены благородную даму. Интересно, а какую новобрачную он ожидал увидеть? Но что размышлять по этому поводу? Она ведь дочь из печально известной своими неприличными выходками семьи в Лондоне, поэтому ей понятно чувство облегчения, которое испытал Седрик.

Знакомство оказалось весьма приятным. Лорд Седрик говорил о необходимости возвращения Эйдриана в Скарфилд. Эмма не могла с ним не согласиться, хотя понимала, что решение за Эйдрианом.

Пока что первое знакомство с его семьей прошло хорошо. И только когда Седрик собрался уходить, еще раз поздравив новобрачных, его последние слова насторожили Эмму.

— Вот Серена удивится, узнав о твоей женитьбе, Эйдриан. Она часто о тебе спрашивает.

Эмма решила не придавать особого значения женскому имени. Мало ли кто это может быть: старая экономка или тетушка Эйдриана.

Но Эйдриан живо откликнулся:

— Серена? Она еще там? Замуж не вышла? Что-то в его тоне укололо Эмму. Что это? Любопытство, дружеский интерес?

— Нет, — ответил Седрик, уже держа перчатки в руке. — До сих пор не замужем. Кстати, будь осторожен при возвращении домой. На дорогах вокруг деревни стали часто появляться грабители.

— В Скарфилде? — удивился Эйдриан. — Что-то не припоминаю в прошлом ни одного преступления.

Седрик пожал ему руку.

— Времена изменились. Будем надеяться, что твое возвращение поможет ними справиться, Эйдриан. Нам необходим человек с твоим опытом.

Эмма боялась того момента, когда придется прощаться со своей академией, страшилась слез в момент расставания. Эйдриан много раз повторял, что они еще до конца весны либо вернутся в Лондон, либо переведут академию в Беркшир. Пока что Шарлотта, мисс Пеппертри и невестка Элоиза взяли бразды правления в свои руки. Эмма успокаивала себя тем, что оставляет учениц под надежным надзором.

Вот чего она не предвидела, так это того, что ее молниеносное романтическое приключение скажется на престиже академии. Как она могла забыть, что основная причина, по которой родители отправляли к ней дочерей, — это возможность выгодного брака?

На следующий день после свадьбы, выйдя из кареты Эйдриана, она увидела, что улица перед домом Хита запружена незнакомыми экипажами. Подобное скопление обычно наблюдалось у дома брата Грейсона, когда он устраивал званый вечер.

— Что-то, должно быть, случилось, — сказала Эмма Эйдриану, который также как и она, в недоумении оглядывал улицу.

— Надеюсь, ночью никто не умер, — не очень оптимистично ответил он.

При мысли о такой возможности Эмма взлетела по ступеням и столкнулась с Хитом.

— Что случилось? — встревоженно воскликнула она.

Он кивнул в сторону большой гостиной, откуда доносились голоса. Слуги сновали туда и обратно с чайными подносами и блюдами со свежими булочками. К счастью, Эмма не увидела никого, включая Хита, с черной траурной повязкой, да и шторы на окнах не были задернуты, как знак того, что скончался кто-то из родственников.

Но в доме царил суеда, что, видно, и заставило брата поскорее удалиться. Хит поцеловал ее в щеку со словами:

— Поздравляю, герцогиня. Позаботься о том, чтобы все визитеры ушли к моему возвращению. Я буду в клубе, если Эйдриан захочет меня увидеть.

Эмма, ничего не понимая, уставилась на него.

— Я еще не герцогиня. Я...

— Ой, Эмма, слава Богу, ты приехала. Я больше этого не выдержу. Мои силы и нервы на исходе. Все это очень мило, но...

Эмма повернулась и увидела Шарлотту в перепачканном платье. Кузина прислонилась к колонне в холле. А может, она там пряталась?

— Что, скажи на милость, происходит? — спросила Эмма, снимая перчатки.

— Я отбиваюсь от них с семи утра, — усталым голосом ответила Шарлотта. — А как твоя брачная ночь?

— Не любопытствуй, дорогая, но, тем не менее, спасибо — хорошо. От кого ты отбиваешься?

— С момента твоей свадьбы все родители дебютанток, кажется, сошли с ума. Они охвачены желанием выдать своих дочерей непременно за герцога. Ты подала пример, Эмма, и свет полон решимости разузнать твои секреты.

Ее секреты?!

Эмма обернулась, едва сдерживая смех. Вот он стоит — ее секрет. Наследник герцога, ее муж, немного растерянный. Господи, да у него совсем нет ощущения собственной важности, и даже будь это так, то Эмма подозревала, что он никогда не воспользовался бы этим.

«Он мой, — подумала она. — Мой!»

— Эмма, слава Богу! — раздался у нее за спиной голос Элоизы. — Закрой, пожалуйста, дверь. Девочки не смогут усвоить ни одной строки из итальянской поэзии, когда каждую секунду звякает дверной молоток. У тебя был... приятный вечер?

Эмма улыбнулась своей деликатной невестке:

— Очень приятный, спасибо. Тебе удалось познакомить девочек с Данте?

— Да как сказать. Если бы я знала, что твой брак наделает столько шума, то потихоньку увезла бы их за город на день. Вся эта суеда очень мешает учению.

Эмма споткнулась о целую гору коробок и сундуков, которые непонятно каким образом появились в холле.

— Кому принадлежит этот обширный багаж? — на секунду оцепенев, спросила она.

Ответом была мертвая тишина, что не предвещало ничего хорошего. Эмма вгляделась в позолоченную монограмму, украшавшую ближайший потертый кожаный сундук.

— О нет! — вырвалось у нее.

Владелица всех этих вещей как раз спускалась по лестнице.

— Я готова, мои дорогие. Что, Одем еще не погрузил мой багаж?

Эмма и Эйдриан переглянулись, не зная, ужасаться им или смеяться.

— Вы собрались путешествовать, леди Далримпл? — вежливо осведомился Эйдриан. — Если так, то я с радостью позову своего кучера...

— ...чтобы погрузить мой багаж в вашу карету? — Гермия промчалась мимо него, одарив на ходу воздушным поцелуем. — Вы такой милый молодой человек. Мы с Одемом пока устроимся в карете, а вы с Эммой попрощайтесь со всеми. Не возражаете, если я сяду у окна? Там не так трясет, а поездка по сельским дорогам болезненна для моих старых костей.

Около двери Гермия на секунду задержалась и помахала рукой племяннице Джулии, которая выглянула из гостиной, чтобы узнать, что за шум.

Эмма повернулась к невестке и с надеждой спросила:

— Гермия возвращается к себе в поместье?

Джулия замялась.

— Разве она тебе не сказала? Она решила, что ей следует сопровождать вас в имение герцога.

— Зачем? — изумился Эйдриан. Джулия подавила вздох.

— Она, кажется, считает себя ответственной за вас с Эммой, Эйдриан. Вероятно потому, что... свела вас вместе.

— Она не будет способствовать нашему сближению, если во время медового месяца увяжется за нами, — прямо заявил он.

Эмма покачала головой:

— Не может быть... Неужели она едет с нами?

— Боюсь, что так, — ответила Джулия. — И с ней для компании Одем. Это хоть небольшое утешение.

— Одем? — Эйдриан чуть не уронил свою черную шелковую шляпу. — А еще кто?

Джулия сочувственно смотрела на них.

— Хэмм выразил желание поехать, но он не поместится в карете.

Эйдриан выдавил улыбку.

— Но мы женаты. И обойдемся без дуэньи. Правда, Эмма?

— Мы у нее в неоплатном долгу, — прошептала она.

— Согласен и признаю это, но не могла бы оплата долга немного подождать?

Джулия опустила глаза.

— По-моему, она делает это ради вас, Эйдриан. Она уверена, что сможет примирить вас с отцом. Они когда-то были друзьями.

— Видишь, какие у нее добрые намерения, — тихо заметила Эмма, когда Эйдриан взял ее за руку и повел к двери. — И какое великодушие.

На улице собралась толпа зевак, чтобы поглазеть на то, как наследник герцога увозит новобрачную к себе в поместье. Одна продавщица селедки даже вспомнила про миф о том, как Плутон уносит Персефону в свое подземное царство. На что юный торговец килькой заметил, что тетка, должно быть, помнит еще римских завоевателей.

Из дома выбежала Харриет и бросила в карету украшенный лентами лавровый венок. Лакей Хэмм крикнул кучеру остерегаться грабителей на сельских дорогах. Кучер хлестнул шестерку крепких лошадей в блестящей сбруе. Лошади рванули вперед, из окна кареты Гермия махала провожающим, а взгляд Эммы задержался на женщине в плаще, одиноко стоявшей на углу.

Леди Клипстоун. Эмма сделала вид, что не заметила ее, посчитав ниже своего достоинства злорадствовать при поражении своей соперницы. Но Гермия высунулась из окна и торжествующе крикнула:

— Элис, душечка, посторонитесь! Вы же видите — едет герцогиня!

Эмма поскорее задернула занавеску.

— Это неприлично. Даже если она это заслужила.

Вскоре уже не было слышно ни звона колоколов, ни городского шума.

На второй день пути они повернули в сторону Виндзора, через пять миль миновали Камберли, затем их путь лежал по открытой ветрам равнине, где они попали в туман. К вечеру лошади еле-еле тащились, и было слышно, как кучер, закутанный в толстый шерстяной шарф, бурчит о том, что опасно ехать в полумраке.

С каждой милей, приближающей Эйдриана к Скарфилду, настроение у него портилось. Всплыли все старые обиды, как ни пытался он их забыть.

Но знакомые межевые знаки, проглядывавшие сквозь туман подобно призракам, казалось, здоровались с ним. Когда он уезжал отсюда, то они как будто усмехались ему вслед. Наверное, эти дорожные столбы будут стоять на тех же местах, когда он умрет и превратится в прах.

Заброшенное аббатство. Древний буковый лес, где он целыми днями прятался, пока управляющий поместьем не находил его. Таинственные могильные холмы его предков.

Он подался вперед и забарабанил кулаком по крыше.

— У следующего моста сделаем объезд, — приказал он кучеру. — Сверни налево у дубовой рощи, а иначе мы будем плутать в тумане бесконечно.

Эмма спала и ничего не слышала. Также, как и Одем. Проснулась только Гермия. Она поправила на плечах накидку и удивленно спросила:

— Объезд? В такой туман? Надеюсь, мы не угодим прямо в озеро.

Эйдриан снова откинулся на спинку сиденья. Он думал о Скарфилде и о том, что это место значит для него. Любящий взгляд остановился на спящей жене.

— Надеюсь, что все мы не угодим куда-нибудь похуже.

Голос Эйдриана пробудил Эмму от приятного сна.

— У нас есть выбор: продолжать путь и приехать до темноты или вернуться в трактир и подождать, пока не улучшится твоя английская погода.

Эмма посмотрела на него и утонула в тепле его глаз.

— Ты тоже здесь родился. Почему это моя погода?

— Не знаю. Наверное, потому, что ты женщина и подвержена таким же непредсказуемым настроениям, как и погода.

Она укуталась в плед.

— Ты проявил себя тоже непредсказуемо — даже не сверился с картой.

— Мы не заблудились, — кисло усмехнулся он.

Она вгляделась в затянутый туманом пейзаж за окном: кривые ветви деревьев, серые тени, похожие на сборище привидений.

— Мы уже подъехали к Бакстонскому мосту, — сказал Эйдриан, взяв Эмму за руку. — В нем пять каменных арок, и каждую весну выбирают деревенскую девушку...

Карета внезапно остановилась. Эмма почувствовала, как рука Эйдриана сжала ей кисть. За стенами кареты царила мертвая тишина, лишь тихонько ржали лошади, да под каменным мостом ритмично журчала вода. Скрипнули рессоры, когда слуги спрыгнули с козел на землю.

— Мы остановились, — сказала Эмма и выпрямилась.

Граф Одем открыл глаза:

— В чем дело?

— Странное место для отдыха, — вздохнула Гермия. — На ум приходят сказки о чудовищах, которые обитают под старыми мостами.

Эйдриан медленно поднял голову, нахмурился и сказал, обращаясь к Одему:

— Не выпускайте их.

Эмма в упор посмотрела на Эйдриана и увидела, как он сунул руку внутрь плаща.

— Будь осторожен, — с тревогой предупредила она. — Чудовища живут не только в сказках.

Он улыбнулся ей и повернулся к дверце, которая резко распахнулась. В тумане обозначилась фигура Бонеса — он пытался спрятать за спиной саблю своего господина. Эйдриан слегка кивнул, и Эмма поняла — муж намерен при необходимости сразиться с тем, кто остановил карету в этом пустынном месте.

— Они увели кучера и лакея на мост, милорд, — торопливо зашептал Бонес. — Меня не заметили. А теперь ждут с другой стороны.

— Сколько их? — спросил Эйдриан, ступив на дорогу.

— Я видел троих.

— Тогда они в меньшинстве. — Его спокойный тон показался Эмме неестественным. Неужели он не сознает опасности? Господи, какая она дурочка. Конечно, он все понимает, и у него к тому же такой вид, словно он с удовольствием ждет того, что последует.

— Останься позади кареты, Бонес, пока я тебя не позову. И ни под каким видом не оставляй мою жену без охраны.

— Да, милорд. — В мгновение ока Бонес превратился из лондонского камердинера в солдата, которому приходилось участвовать во многих жестоких схватках. — Кучера и лакея разоружили так быстро, что они и пикнуть не успели, — тихо добавил он.

Эйдриан сделал несколько шагов от кареты и остановился, чтобы сориентироваться. Он знал эти окрестности, этот мост. Несмотря на густой туман, он вспомнил, где между деревьями проходит верховая тропа и где полно мест, чтобы укрыться.

Судя по тому, что сказал Бонес, на мосту только два всадника. А где может быть третий? Где прячется этот негодяй?

Он оглянулся на карету. Ценное приобретение для грабителей на безлюдной дороге, ничего не скажешь. Зачем он решил ехать окольным путем? Будь проклято его упрямство. И будь он проклят за то, что не внял предостережению Седрика об опасностях на дорогах в Скарфилде.

Тому, кто приблизится к Эмме и ее попутчикам, не жить на этом свете. Про благопристойные манеры придется забыть, а его утонченная жена, несомненно, это поймет.

Ну и что? Англия не более цивилизованная страна, чем большинство стран, где живут язычники и где ему приходилось сражаться. Мужчины везде одинаковы, подвержены тем же

искушениям и алчности, как бы они это ни скрывали.

Эйдриан распряг одну из шести лошадей и вскочил на нее. Кобыла запрядала ушами и быстро двинулась, повинувшись седоку. Эйдриан поднял искусно украшенную персидскую саблю, которую получил для защиты гарема. На эмалевом с серебром эфесе была выгравирована голова Волка. Когда Эйдриан принимал этот дар, ему и в голову не могло прийти, что сабля пригодится в Англии.

Со стороны моста раздался оружейный выстрел. Эйдриану показалось, что кто-то — или что-то — упал в воду. А из-за деревьев вылетел всадник в маске. Эйдриан на полном скаку бросился на него. В жилах забурлила кровь, в воздухе запахло смертью. Туман похож на песчаную бурю, противник в маске мог вполне сойти за врага-кочевника. Тяжесть сабли привычна для руки, в другой он зажал пистолет.

Разбойник не ожидал сопротивления и никак не думал, что у его жертвы в руках окажется смертоносного вида сабля для защиты герцогской кареты.

* * *

Вот ужас — беспомощно сидеть, когда твой муж сражается с шайкой разбойников. Эмма встала, нащупала под накидкой ридикюль и посмотрела в окно. Кому противостоит Эйдриан? Она не увидела его в смоге, слышался только приглушенный стук копыт.

Одем похлопал ее по плечу:

— Лучше не смотреть, моя дорогая.

— Разумеется, она должна посмотреть, что происходит, — заявила Гермия, протиснувшись к окну. — Как же мы узнаем, что нас ждет, если будем сидеть и дрожать, как две старые девы?

Одем был занят тем, что пристраивал у себя на коленях кожаный футляр.

— Не бойся, моя дорогая. Я не пожалею жизни, если надо будет тебя защитить — вас обеих защитить, — и почту это за честь.

Гермия повернула к нему голову:

— Если кто-то думает, что я буду беззаботно сидеть в то время, когда нападают на тебя, Одем...

У графа от избытка чувств заблестели слезы на глазах.

— Ты смелая дама, Гермия. Для меня большая честь быть рядом с тобой.

— Одем, ради Бога, мы еще не умерли. Эмма, вам не нужно нюхательной соли?

Эмма сжала в руке ридикюль и ровным голосом ответила:

— Спросите меня об этом, когда все закончится. Вот тогда я с уверенностью скажу «да».

* * *

Эйдриан воспользовался удивлением противника и пришпорил лошадь, которая послушно бросилась вперед. Разбойник в замешательстве оглянулся, затем поднял кремневое ружье и прицелился.

Эйдриан пригнулся и, петляя, направил своего коня на нападавшего. Пуля пролетела у него над головой. Не дрогнув, он следил за тем, как разбойник перезаряжает ружье.

— Ну-ка, — прошептал он животному, — не бойся. Вперед!

Вонзив каблуки в бока лошади, он пустил ее легким галопом. Рука крепко сжимала саблю. Разбойник поднял голову и в ужасе закричал, увидев блестящий — даже в тумане — клинок. Возможно, он решил, что это мираж.

Изогнутый клинок прорезал воздух. Много жизней эта сабля отправила в мир иной и ни разу не подвела своего владельца. Во всяком случае, Эйдриану так говорили. Он опустил руку, разбойник покачнулся в седле, потом упал назад. В серых сумерках его окровавленная грудь выделялась ярко-красным пятном.

Бросив взгляд на карету, Эйдриан увидел сухопарую фигуру Бонеса, караулившего на козлах, затем развернул лошадь и галопом устремился к мосту. Хоть бы Эмма не стала свидетельницей того, что ее муж только что совершил, пронеслось в голове. Они с Гермией наверняка прильнули к окну, но, возможно, сквозь плотный туман она ничего не разглядела.

У моста он спешил и увидел, что к веткам дерева привязаны две лошади. Бандиты куда-то исчезли. Он крепко сжал пистолет и вдруг услышал стон, доносившийся из-под моста, — на берегу лежал кучер, которого почти не было видно за зарослями тростника.

— Милорд, они побежали к карете, — со злостью произнес он. — Лакея привязали к дереву, но он жив. Они сказали, что отправились за вами.

За ним?

Послышался выстрел. Эйдриан откинул сапогом поваленный сук и выругался. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Зачем он ускакал от кареты? Эта чертова разукрашенная карета! Неудивительно, что она послужила приманкой для грабителей на пустынной дороге.

Мост находился недалеко от поместья, всего в нескольких милях. В кого стреляли? Нет, не в его жену. Не в Эмму. Он велел ей оставаться со всеми в карете.

В туманной измороси обозначились две фигуры и исчезли среди деревьев. Не теряя времени, с поднятым в руке пистолетом он вернулся к карете и объехал ее. Из-под кареты вынырнул еще один человек.

— Боже мой, это вы! — воскликнул Бонес, опустив ружье. — Один из этих негодяев выстрелил в меня и промахнулся.

Эйдриан переступил через тело, лежащее у задних колес. Предусмотрительный Бонес, как мог, прикрыл зарубленного Эйдрианом разбойника. Выстрел, предназначенный Бонесу, не достиг цели. Этот выстрел и услышал Эйдриан. Тем не менее, чтобы быть уверенным, спросил:

— Моя жена и леди Далримпл?

Бонес не успел ответить, а Эйдриан чуть не сорвал с петель дверцу кареты, чтобы удостовериться самому. Из темноты на него смотрели три пистолетных дула. Он поднял свободную руку, чтобы показать: он сдается на милость отряда самообороны, состоящего из его жены, леди Далримпл и Одема.

От облегчения, что с Эммой ничего не случилось, у него даже закружилась голова.

Если кто-нибудь осмелился бы осквернить своим прикосновением его жену... Он покачал головой и рассмеялся. Его элегантная жена ловко направила дуло пистолета прямо

ему между глаз, словно у нее в руках был кружевной веер.

— Ох, Эйдриан! — вырвалось у нее с облегченным вздохом. Она кинулась к нему. — Мы чуть с ума не сошли от волнения.

Он держал окровавленную саблю за спиной, пока Бонес, который успел прийти в себя, незаметно не забрал ее из руки господина и не спрятал среди багажа.

Теперь Эйдриан мог обхватить Эмму за талию и прижать к себе. Краем глаза он заметил, что Гермия не опустила своего оружия.

Он уткнулся носом в теплую шею жены.

— Пистолет... в твоих руках? — И аккуратно вынул его из ее ладони. — Кстати, замечательный образец. Кремневый фирмы Мэнтон. — Он поднял на нее удивленный взгляд. — Надеюсь, Хит не попросил тебя использовать это против меня? Она улыбнулась:

— Нет. Его мне дала Джулия. И она не уточняла, в кого мне следует стрелять. Она лишь сказала, чтобы при необходимости я им воспользовалась. Ты считаешь, он мне не нужен?

— Нет, не нужен.

— Что с нашим лакеем и кучером? — забеспокоилась Гермия.

Эйдриан погладил Эмму по плечам. Он сделает все, что угодно, только бы она была в безопасности. Остается надеяться, что она никогда не узнает, каким он был в прошлом. И во многих своих проявлениях он не изменился.

— Они идут сюда, — ответил он на вопрос Гермии.

— Один из них хромает.

Эйдриан, с сожалением вздохнув, отпустил Эмму.

— Оставайся на месте на всякий случай.

Она тоже вздохнула, когда он вышел из кареты и вместе с Бонесом скрылся из виду под моросящим дождем. А к ним приблизились две фигуры, все в грязи, но не израненные. Это были лакей и кучер.

— Почему вы не сказали ему, что все видели? — спросил у Эммы Одем.

— Он не хотел, чтобы я это видела, — тихо ответила она.

— Понятно. — Одем кивнул. Настроение у него повысилось, и он предложил: — Думаю, что обе храбрые дамы не откажутся от укрепляющего чая.

Эмма отвернулась от окна. На ее щеках снова появился румянец.

— К черту чай, Одем. Мы заслужили каждая по бутылке портвейна.

Гермия одобрительно засмеялась:

— Хорошо сказано, дорогая. Вот первый совет от вас, который мне очень хочется принять.

Седрик с небольшой группой всадников перехватил Эйдриана меньше чем в миле от моста. Он объяснил, что забеспокоился, не обнаружив герцогскую карету на главном перекрестке перед Скарфилдом.

— Слава Богу, что никого из вас не убили. Не такого возвращения домой мы ждали.

Леди Далримпл высунулась из окна и заявила:

— Двое бандитов скрылись в лесу. Я теперь не смогу спать спокойно.

Эйдриан отвел брата в сторону.

— У моего кучера пуля в бедре, а около моста лежит тело, которое надо бы поскорее закопать.

— Ты... убил одного из них?

— Надеюсь, от меня никто не ожидал, что я вежливо с ним поздороваюсь и приглашу познакомиться с моим отцом? Я убил его, Седрик. Не забывай — в карете моя жена. И я убил бы всех этих шавок, если бы поймал.

— Понятно, — еле слышно произнес Седрик и растерянно заморгал. — Но ты не... видишь ли...

Эйдриан пристально посмотрел на брата. Что это? Запуганный отпрыск герцога, жертва постоянных отцовских угроз?

— Чего я не сделал? Да говори же ты!

— Ты не... — Седрик ослабил узел на шейном платке. — Ты не отрубил ему голову? В газетах столько всего писали... Я спросил только для того, чтобы предупредить слуг, когда они его найдут.

Эйдриан чуть не расхохотался. Видно, семья была в курсе его подвигов. И в письмах отца тоже об этом упоминалось. Но он никак не ожидал, что они поверят всем вымыслам.

— Не беспокойся, — криво усмехнулся он. — Мы скормим отрубленную голову волкам позже.

— Ты шутишь. Ты всегда подсмеивался надо мной, Эйдриан. Это нечестно. Знаешь, как мы с Флоренс плакали, когда ты уехал? За меня некому было заступиться.

Эйдриан сжал брату руку.

— Наконец я дома и, если позволишь, буду всегда за тебя заступаться.

Седрик вяло улыбнулся:

— Конечно, позволю. Я рад, что ты снова с нами, Эйдриан. У нас здесь не все так трагично, как тебе могло показаться. Возможно, не очень весело, но будем надеяться, что все неприятности позади.

Был уже вечер, когда герцогская карета в сопровождении слуг на лошадях добралась до поместья. Эмма с радостью удалилась в отведенные им с Эйдрианом комнаты. Тем более что герцог захотел встретиться с сыном наедине.

— Я знаю, что встреча будет нелегкой, — шепнула она Эйдриану. Они стояли в сводчатом парадном холле, украшенном головами оленей на стенах, и ждали, когда внесут их багаж. — Постарайся, пожалуйста, помнить о его возрасте и о том, что ты должен оказывать ему уважение.

Появился слуга в ливрее и объявил, что верхние комнаты протоплены и там все готово. Затем он разразился заготовленной речью по поводу того, как приятно, что наследник снова

дома.

Эйдриан боролся с желанием хлопнуть этого старомодного чудака по спине и попросить закончить свое скучное приветствие. Эмма, наоборот, кивала, воспринимая это как должное. Когда же она последовала за болтливым маленьким человечком через холл, Эйдриан ощутил себя потерянным.

Он проводил взглядом жену, поднимавшуюся вместе с Гермией и Одемом по старинной лестнице. Ребенком он, бывало, скатывался по перилам, размахивая деревянным мечом, пугая слуг и младших брата с сестрой.

Маленький дьяволенок, шептались о нем. Чего можно ожидать от сына порочной женщины и солдата?

Теперь он вернулся, чтобы исправить свое прошлое.

И получить то, что принадлежит ему по праву. Мальчик, который проказничал в этом доме, умер много лет назад.

Гермия тронула Эмму за руку, когда они поднимались по длинной лестнице. Одем и говорливый лакей их обогнали. — Герцог отдал в наше распоряжение целое крыло, — одобрительно сообщила она. Эмма вздохнула. Сейчас Эйдриан уже в личных апартаментах герцога. Она знала, что он хотел бы, чтобы она пошла с ним. Но она сослалась на усталость после дневных испытаний. Бедный Эйдриан. Он, вероятно, предпочел бы сразиться с еще одной шайкой грабителей, чем встречаться с отцом.

Две горничные провели ее по коридору с висевшими на стенах высокими венецианскими зеркалами.

— Мадам, — сказала старшая, — одна из нас будет спать около вашей двери на случай, если вам что-нибудь понадобится.

Эмма, не вслушиваясь, молча кивнула. Гермии и Одему предназначались комнаты в конце коридора, и Гермия уже справлялась у лакея, закрыты ли смежные двери.

— Сегодня вечером в деревенском трактире будут угощать элем за здоровье лорда и леди Вулвертон, — подавив зевок, сообщила горничная.

Эмма заколебалась, увидев, что к ней направляется Гермия. Совершенно недопустимо выспрашивать служанку о сплетнях, но она не смогла удержаться.

— У лорда Вулвертона, должно быть, много родных, близких друзей, которые ждали его возвращения.

— Мы все рады, что молодой хозяин вернулся, миледи, — сказала служанка.

Не узнав из вежливого ответа того, что надеялась узнать, Эмма все же отважилась продолжить.

— Какой праздник для них, — сказала она и остановилась перед дверью в спальню, заметив, что Гермия задержалась перед зеркалом. — Девушки... местные молодые леди будут рады снова его увидеть.

Обе горничные устали на нее, ничего не понимая. Наконец одна из них ответила:

— Думаю, что обрадуются. Такой ответ Эмму тоже не удовлетворил.

— Господи, Эмма! — вмешалась Гермия, подойдя к ним. — Хватит ходить кругами — спросите их прямо.

Эмма недовольно сдвинула брови.

— Мы ведем себя не слишком тактично, дорогая.

— Когда человек преклонных лет, — нисколько не смутившись, заявила Гермия, — то ему недосуг терять драгоценное время и беспокоиться о том, что подумают другие.

— Мне кажется, что забывают о приличиях и некоторые молодые, — печально заметила Эмма.

Гермия улыбнулась:

— Слава Богу, что хоть кто-то смолоду учится уму-разуму. По-моему, пустая трата времени — и жизни — ублажать других. — Она перевела взгляд на горничных, которых, вероятно, предупредили о том, что лондонские дамы временами ведут себя странно. — Леди Вулвертон хочет знать, не ожидает ли какая-нибудь красотка возвращения ее мужа.

— Ах вот вы о чем! — Старшая из горничных, наконец, поняла, в чем дело.

— Я, пожалуй, пойду спать, — сказала Эмма. — Гермия, благодарю за унижительную помощь. Вашу невообразимую бестактность я могу объяснить исключительно сегодняшними испытаниями.

Гермия уперлась руками в бока.

— Мне что, нужно подольститься, чтобы развязать вам язык? — обратилась она к горничной. — Так есть или нет в окрестностях особа, которая сохнет по вашему молодому хозяину?

Горничная нехотя кивнула.

— Вы говорите о леди Серене? Что же вы сразу не сказали?

— Наконец-то. Эта леди Серена замужем?

— О нет, мэм.

Эмма опустила голову и открыла дверь в спальню, где было светло от ярко горевшего камина.

— Всем спокойной ночи.

А горничная продолжала:

— У нее и времени-то, чтобы выйти замуж, не было. Столько забот на нее свалилось, когда отец занемог. Но думаю, что скоро и ее черед придет.

— Да на двадцать миль вокруг нет никого, кто бы не обожал леди Серену, — присоединилась младшая горничная.

— Понятно. — Гермия прищурилась. — Ну просто образец добродетели. Не хочу показаться злой, но эта леди немного смахивает на старую деву.

— Все, что я знаю, — это то, что она красавица, мэм, — сказала горничная. — Красива, как луч солнца в холодный зимний день.

Прежде чем сесть, Эйдриан постоял, оглядывая гостиную с дубовыми панелями. Он не очень хорошо помнил эту комнату, так как детям запрещалось входить в отцовское святилище. А сейчас вся семья — брат, сестра, старая тетушка и даже сгорбленный управляющий — собралась, чтобы поздороваться с блудным сыном.

На их лицах читалась любовь, благодарность за возвращение. И это поразило его и смирило.

— Молодой виконт, — в который раз повторял лысый Бриджуотер, — дома после стольких лет...

— А где же он был все это время? — спросила тетя Тиа — двоюродная бабка Эйдриана.

Герцог строго посмотрел на нее. Этот крепкий человек исхудал за прошедшие годы, но до сих пор сохранил способность внушать уважение и страх.

— Не важно, где он был. Сейчас он дома.

Сестра Флоренс тепло улыбнулась Эйдриану, говоря:

— И он привез жену. Где она, Эйдриан?

— Она иностранка? — снова спросила тетушка. — Надеюсь, она не заболит от английской погоды.

Эйдриан усмехнулся.

Уж кто-кто, а Эмма сумеет найти общий язык с его семьей и сделает это изящно, намного лучше, чем удастся ему.

— На Эйдриана на мосту напали грабители, — обратилась к тетке Флоренс. — Он их прогнал, тетя Тиа. Все закончилось хорошо.

Старая дама одобрительно закивала головой.

— Наверное, это были иностранцы. Эйдриан, почему ты уехал? Мне тебя не доставало. Седрик такой скучный, а Флоренс забыла, как смеются.

Эйдриан улыбнулся ей:

— Я тоже по вам тосковал.

— Как, дорогой, имя твоей жены?

— Эмма. Эмма Боскасл.

— Не похоже на иностранное.

Герцог, молча наблюдавший эту семейную сцену, сделал знак управляющему.

— Бриджуотер, пригласи всех в оранжерею, где приготовлено вино и кексы. Мы с Эйдрианом присоединимся чуть позже.

И вот Эйдриан наедине с герцогом. Воспринимать его как своего отца он еще не мог, но и прежней ненависти в душе не было. Он покорно ждал. На стене висел портрет матери в амазонке и с любимым спаниелем. Внутри зашевелилась старая боль — мать не заслужила того, чтобы умереть проклятой.

— Вы хорошо выглядите для человека, постоянно болеющего, — сказал он герцогу.

— Я уже десять раз мог умереть, пока ты собирался приехать, — не остался в долгу отец.

— Я...

— Не лги. У меня нет ни малейшего желания с тобой препираться. Нам предстоит решить очень много вопросов, касающихся поместья.

— А вы с леди Далримпл действительно старые знакомые? — Эйдриан перевел разговор на нейтральную тему.

— С Гермией? — Суровое лицо герцога смягчилось. — Я искал ее расположения еще зеленым юнцом и ничего не добился. К твоей чести то, что она относится к тебе по-дружески. — Вдруг он приложил руку к груди, и глаза у него потемнели. — Несварение желудка, — поморщившись, объяснил он. — Ты, надеюсь, больше не будешь уклоняться от ответственности.

Эйдриан не знал, что сказать. Насколько он помнил отца, тот всегда был сильным и надменным. Но мог проявить и малодушие, и злонамеренность. А теперь? Нельзя не заметить, что отец постарел, и неожиданно для себя Эйдриану стало его жалко.

— Это был долгий день... — заговорил отец.

И, словно подслушав под дверью, в комнату вошел Бриджуотер. В руках он держал поднос с лекарством.

— Пора принять сердечные капли на ночь, ваша светлость.

— Тебе нечем заняться, как только врываться ко мне каждые пять минут? — В голосе герцога было больше усталости, чем гнева.

Бриджуотер улыбнулся. Он тоже заметно постарел. Сказывался не только возраст, но и нелегкая служба. Вся семья Бриджуотера верно служила Скарфилдам, начиная еще — по словам самого старика — со времен крестовых походов.

Хотя Эйдриан не мог притворяться, что питает к герцогу добрые чувства, но и зла ему не желал. Он вообще не совсем понимал, какие чувства его обуревают.

— Тебе совсем не интересно узнать про свою прежнюю любовь? — спросил отец.

Эйдриан выдавил улыбку:

— Неужели моя овчарка все еще жива?

Герцог взял из рук Бриджуотера стакан с сердечными каплями и усмехнулся:

— Я говорю о Серене, предназначенной тебе в жены.

— Вы хотите сказать, что убедили ее меня дожидаться? — удивленно поднял бровь Эйдриан.

Отец рассмеялся, и неловкость между ними начала исчезать.

— Честно говоря, Эйдриан, я думаю, что Серена всегда больше любила своих лошадей, чем тебя. Ну когда же меня представят твоей молодой жене?

Взгляды отца и сына встретились.

— Завтра, — ответил Эйдриан.

— Боскасл, — задумчиво произнес герцог. — Как тебе это удалось?

— Сам не знаю. — Эйдриан покачал головой, не в силах скрыть гордость и счастье. — Но должен признаться, что лучше ее на свете никого нет.

— Женат и по уши влюблен. Я с нетерпением жду встречи с твоей женой за завтраком.

Влюблен. Эйдриан закрыл за собой на ключ дверь спальни и посмотрел на соблазнительную фигуру жены на кровати. Она заснула с раскрытой книгой в руке.

На ночном столике почти сгорела свеча, он задул ее, разделся и осторожно улегся рядом с Эммой. Она вскрикнула и села.

— Эйдриан, ты холодный как лед!

Он со смехом заключил ее в объятия.

— А ты очень теплая. — И погрузил пальцы в ее волосы.

— Как отец?

— Даже не знаю. Кажется, настроен весьма прохладно, но если тебе это интересно, то спроси у Бриджуотера.

Она выразительно на него посмотрела.

— Раз ты улыбаешься, значит, встреча прошла удачно.

— Более или менее. Мы не поссорились.

Эмма вздохнула, словно почувствовала то, о чем он умолчал.

— Все равно — хорошо быть дома, — сказала она и, свернувшись калачиком, прижалась к нему.

От ее тепла Эйдриан расслабился. Его жена.

— Хорошо быть здесь с тобой. Один я сюда не вернулся бы.

— Какое красивое поместье, Эйдриан, — сонным голосом прошептала она. — При луне парк похож на рай.

Он погладил ее по спине.

— Завтра я покажу тебе все остальное.

— И я, наверное, познакомлюсь со всеми?

Эйдриан закрыл глаза. Это не его дом. Здесь слишком много болезненных воспоминаний. В каждой комнате, в каждом лице.

— Ты уже знакома с моим братом. А Флоренс и отец ждут не дождутся, когда увидят женщину, которая меня укротила.

— И никто из старых друзей не пришел поприветствовать блудного сына? — невинным тоном спросила она.

— Если ты о Серене, то нет, — с озорной улыбкой ответил он.

Она замолчала, а он не знал, как дать ей понять, что никогда не было и не будет женщины, способной сравниться с ней.

— Как ты думаешь, — помолчав, спросила она, — ты мог бы остаться здесь?

— В Беркшире? Возможно. Я же обещал тебе загородную академию. Но не здесь и не сейчас.

— Меня мучает чувство вины из-за того, что я сбежала от своих обязанностей.

— Мы можем вернуться, когда пожелаешь, — сказал он.

Для английского аристократа зарабатывать деньги — занятие вульгарное, и Эйдриан никогда не обсуждал с Эммой свои капиталовложения. Но он мог себе позволить обосноваться и жить там, где только она пожелает.

Она резко выпрямилась и села.

— Вам не терпится совершить обратное путешествие с Гермией и Оденом, милорд?

— От одной этой мысли пропадает желание куда-либо ехать, — ответил он и со смехом уложил ее рядом с собой.

Эмма чувствовала, что следующий день станет экзаменом ее умению светского общения. Правда, она не ожидала, что Эйдриан оставит ее одну еще до завтрака.

Он уехал верхом вместе с братом осматривать поместье, а это означало, что ей предстоит завтракать с герцогом наедине в зимней столовой. Этот зал пышностью убранства вполне приличествовал римскому императору.

Лепной позолоченный потолок был украшен фресками с изображением мифологических сцен. Ноги тонули в мягком абиссинском ковре. Эмме казалось, что она ступает по лугу среди огромных пионов и важно расхаживающих павлинов. На буфете стояли тарелки веджвудского фарфора с белыми рельефными камнями и блестящие серебряные чайники. За всем этим великолепием наблюдали шесть лакеев.

На горячих подставках золотилась жареная индейка, аппетитно выглядел бифштекс с соусом, стояли блюда с пирогами. Эмма с удовольствием отметила, что среди высоких кофейников, сливочников и сосудов с горячим шоколадом дымится овсяная каша.

Рай, да и только, подумала она. Сначала она провалилась в сон в объятиях любимого мужа, а утро застало ее в элегантной обстановке старинного дома.

Герцог поднялся с кресла и пронзил ее орлиным взглядом. Если он ожидал, что невестку смутит роскошь окружающей обстановки или его собственное величие, то его постигло разочарование.

Эмма Боскасл попала в знакомую стихию. Да она не растерялась бы, будучи представленной любому королевскому двору. Соблюдать этикет было для нее так же естественно, как дышать. После смерти матери ей пришлось выполнять светские обязанности при отце. Юная Эмма отвечала на письма соблезнования, помнила все дни рождения, следила за манерами братьев и сестры. Родители всегда верили в нее, и она оправдала их надежды.

А теперь она присела перед герцогом в низком реверансе.

Он удовлетворенно выдохнул и протянул к ней руки.

— Слава Богу, — еле слышно пробормотал он. — Слава Богу.

Эмма прекрасно поняла, что он имел в виду: Эйдриан не взял в жены женщину, которая не умеет себя вести. И Эмма, несмотря на сомнительный с точки зрения приличий роман с Эйдрианом, была полна решимости не запятнать имя Скарфилд.

Они обнялись, но сдержанно. Неужели герцог мог усомниться в том, что Эйдриан его сын, пронеслось в голове у Эммы? Их сходство было поразительно. У обоих одинаковые резко очерченные скулы, оба высокие, поджарые, с грациозной плавностью в движениях.

Но Эйдриан еще обладает теплотой и непосредственностью. Это, вероятно, он унаследовал от матери, решила Эмма. А герцога, возможно, съедает тайная и загадочная болезнь. От стены отделился жилистый лысый человечек и подошел к отцу Эйдриана, который весь как-то сжался.

— Это моя нянька Бриджуотер, — кисло усмехнулся герцог.

Эмма села в кресло, предупредительно подвинутое ей лакеем.

— Вы говорите о вашем секретаре и управляющем, ваша светлость?

— Да. Иди, Бриджуотер. Можешь надоедать моим детям, а я хочу побыть наедине с очаровательной леди, которая привезла мне сына. — Он в упор посмотрел на Эмму. — Я полагаю, что он вернулся по вашему настоянию?

Эмма опустила глаза, разглядывая нож с ручкой из слоновой кости.

— Главное — он вернулся домой. И сделал он это по своей воле.

Вероятно, этот завтрак наедине замыслился как проверка ее характера. Но когда лакей подал блюдо фруктов из оранжереи — персиков, ананасов и ранней клубники, — Эмма и свекор уже непринужденно обсуждали хозяйственные дела имения, словно говорили о погоде.

— Мать Эйдриана весьма умело вела подсчеты, — с тоской в глазах произнес герцог. — В свое время я не оценил ее ума и сообразительности. Но у нее все сходилось до единого пенни.

— Похвальная практичность для леди, — с одобрением кивнула Эмма.

Он засмеялся.

— Как-то она поймала кузнеца на том, что он нас обсчитывает, а Бриджуотер этого не заметил. И мне тоже попадало, если случалось, что я недоплачивал работнику.

— А вы, будучи...

Эмма не договорила, так как отворилась боковая дверь и вошел секретарь. Бриджуотер бросил взгляд на хозяина и с тревогой произнес:

— Вы устали, ваша светлость.

Эмма уставилась в блюдо с фруктами. С одной стороны, Бриджуотер ведет себя немного навязчиво, но с другой... Она не могла не заметить, что герцог выглядит бледнее и более усталым, чем в начале завтрака. Беспокойство за здоровье свекра взяло верх, и Эмма решительно поднялась из-за стола.

— Ваша светлость, я вас утомила.

— Глупости и ерунда! Бриджуотер просто докучливая старуха.

Бриджуотер бросил на Эмму взгляд, молящий о поддержке. Тогда она сказала:

— Я тоже утомилась после вчерашнего приключения на мосту.

Герцог встал. Стальной взгляд ясно говорил о том, что его не обмануть.

— Мой сын превзошел мои ожидания, выбрав вас в жены. Я и мечтать не мог о такой леди, как вы, достойной стать герцогиней Скарфилд.

Эмма подошла к нему. Возможно, в ней разыгралась гордыня, но ей была приятна его похвала.

— Для меня честь быть женой вашего сына, — сказала она, коснувшись его руки. — Я люблю его.

Герцог, все еще не веря, покачал головой:

— Как, черт побери, он смог уговорить вас выйти за него? Ну да ладно. Он унаследовал материнское обаяние, а скоро наследует мое состояние. Для меня огромное облегчение уйти, зная, что вы будете рядом и дадите ему нужный совет.

Они шли к двери рука об руку, Бриджуотер — следом.

— А куда вы собираетесь уйти, ваша светлость? — спросила она.

— Скорее всего — к Аиду.

— Ничего подобного, — вмешался Бриджуотер. — Ваша светлость собирается наверх, отдохнуть.

— Ну нет! — раздраженно отрезал герцог. — Я пойду играть в карты с Гермией и Одемом. Мы с ним оба питаем пылкие чувства к этой женщине.

— Вы не должны давать волю пылким чувствам, ваша светлость. Это может вам повредить.

— Заткнись, старый хлопотун!

Эмма закусил губу, чтобы не рассмеяться, пока хозяин и верный слуга пререкались. Ясно, что герцог не допустил бы подобной фамильярности, если бы не относился к Бриджуотеру как к родственнику или близкому другу.

Но когда они дошли до сводчатого холла, Эмма заметила, что герцог на самом деле задыхается. Она вспомнила про своего отца, про то, как считала его не подверженным никаким хворям, пока он не умер.

— Он вовремя вернулся, не правда ли? — раздался с лестницы тихий голос сестры Эйдриана. — Теперь, думаю, в доме наступит мир для всех.

Эйдриан вернулся из поездки с Седриком только к вечеру. Легким галопом он пронесся на своем скакуне по парку, где Эмма прогуливалась вместе с Флоренс. Они остановились и повернулись к нему, а он спешил и побежал навстречу. Он великолепен, как и поместье, которое наследует.

Эмма не успела с ним, как полагается, поздороваться, а он уже подхватил ее и закружил в воздухе.

— Я скучал без тебя.

Флоренс деликатно кашлянула.

— Соскучился всего за шесть часов?

— За девять, — поправил он и опустил Эмму на землю. — Вам обоим будет приятно узнать, что в окрестностях нет грабителей.

— Так, значит, вот где ты был — ловил разбойников? — спросила Эмма. — Ты жить не можешь без опасности.

Он засмеялся:

— Я не могу жить без тебя.

Будь они одни, она не смогла бы заставить себя отодвинуться от него. Он выглядел

неотразимо красивым в раздувающейся на ветру белой батистовой рубашке и облегающих кожаных штанах для верховой езды.

— У тебя грязь на сапогах.

— Знаю.

— Сегодня мы ужинаем с семьей. Это официальный ужин, — подчеркнула она.

У него весело и озорно заискрились глаза.

— Ты считаешь, что я неприлично выгляжу для этого раута?

«Неприлично. Именно так. Но меня это устраивает», — подумала она и отвернулась, чтобы не выдать своих чувств.

— Ванна тебе не мешает.

— Согласен. — Рука в черной перчатке легла поверх ее руки. — Мы примем ванну вместе. У отца как раз имеется огромная, кажется, еще с римских времен.

— Эйдриан, — шепнула Эмма, — здесь твоя сестра.

Он подмигнул Флоренс.

— Собственную ванну она сможет принять позже.

— Ты совсем не изменился, — рассмеялась Флоренс.

Подбежал грум, чтобы забрать взмыленного коня Эйдриана. Мимо них к конюшням пронесся Седрик. Увидев дам, он кивнул им. А у парадного портика Эйдриану низко кланялся лакей.

— Приготовить вам ванну, милорд? — не совсем уверенно спросил он.

Эйдриан посмотрел на забрызганные грязью сапоги и улыбнулся своей беззаботной улыбкой.

— Вы что, все в заговоре с моей женой? Хотите сделать из меня уважаемого джентльмена?

Лакей тоже улыбнулся:

— Милорд, в ваше отсутствие к вам приходил посыльный.

— Ко мне? — удивился Эйдриан. — Что я еще натворил?

— Лучше сказать: чего ты еще не натворил, — уточнила Эмма, ловко увернувшись от его губ, пытавшихся поцеловать ее в подбородок.

— Не знаю, — прошептал в ответ он. — Если я чего-либо не успел, скажи. Моя жена постоянно хочет меня воспитывать.

Она кашлянула.

— Милорд, я хочу делать это не на людях. Он вздохнул.

— Что за посыльный?

— Леди Серена сообщает, что будет рада присоединиться к вам за ужином, — ответил лакей.

Эйдриан смущенно улыбнулся Эмме.

— Клянусь, я не имею к этому никакого отношения. Хочешь, я велю ей передать, что мы не сможем принять ее сегодня?

— Нет, — твердо ответила Эмма. — Если она твой друг, то было бы непростительно проявить к ней неуважение.

— Не знаю, как объяснить тебе наши с Сереной отношения... Близкими друзьями мы никогда не были.

Но Эмма была намерена вести себя любезно с бывшей возлюбленной мужа. Она — жена Эйдриана, женщина благородного происхождения. Она — победительница и поэтому

проявит сочувствие и снисходительность. Но очень-очень вежливо даст понять, что Эйдриан ее навеки.

Этот совет она дала сама себе и повторила через час, когда, собираясь спуститься к ужину, встретила Гермия в коридоре.

Гермия была разодета для торжественного приема: тюрбан из крепа с павлиньим пером, золотое вечернее платье с кремовыми кружевными оборками, с пухлого плеча свисала тонкая газовая шаль.

— Как я выгляжу? — спросила она. — Скажите честно.

— За столом все будут смотреть исключительно на вас, — заверила ее Эмма.

— Хм! Я только что узнала от экономки, что Серена — умопомрачительная красавица. Я, разумеется, не поверила, потому что экономки редко говорят правду.

Эмма промолчала. Ее наряд, как обычно, был прост. Платье из светло-коричневого атласа с длинными рукавами и шелковой оборкой с цветочным рисунком по подолу.

— Умопомрачительная или нет, — ответила она Термин, — но будет непростительно, если мы придем позже ее.

Когда они подошли к столовой, Гермия замедлила шаг и сказала:

— Она ждала почти десять лет.

— Знаю, — ответила Эмма.

— Возможно, больше она никого не заинтересовала, — добавила Гермия из чувства солидарности с Эммой.

Эмма подавила улыбку.

— Гермия, в прямолинейности вам не откажешь.

— В определенном возрасте делаешься знатоком человеческой натуры, — с обезоруживающей улыбкой ответила Гермия. — Не побоюсь предположить, что эта Серена злобная особа.

— Не может быть! — рассмеялась Эмма. На предсказания Гермии стоило полагаться не больше, чем на гадания ярмарочной цыганки.

— Те из нас, кто наделен красотой, должны развивать силу характера.

— О чем разговор? Не обо мне ли речь? — спросил Одем, подойдя к дамам и предложив каждой руку. — Силу чего?

А Гермия продолжала гнуть свою линию:

— Думаю, что там присутствуют мелочность, безвкусица и скорее всего эгоизм.

Одем ничего не понял.

— Очевидно, вы говорили не обо мне.

Из отцовского кабинета появился Эйдриан, серьезный, в темном фраке, который очень ему шел.

— Вы готовы? Я умираю от голода.

Эмма с нескрываемым удовольствием оглядела мужа.

— Разве мы не ждем нашу гостью?

Эйдриан коснулся ее щеки легким поцелуем.

— Серену? Она прислала сказать, что опаздывает.

— Что я говорила? — Гермия удовлетворенно качнула головой в тюрбане. — Вот показатель пренебрежительного отношения.

На обед подали суп из бычьих хвостов, жареного фазана и баранью ногу. Еда была безупречно сервирована на белоснежной скатерти. Эмма, конечно, не могла не отметить,

как вкусно приготовлены блюда, но с тем же успехом съела бы мел. Она понимала, что ведет себя недостойно, поддавшись пророчествам Гермии о Серене.

Леди Серена опоздала почти на час. Когда же, наконец, прибыла, то все в столовой — включая шестерых вышколенных лакеев — молча подняли головы и посмотрели на дверь.

— Театральный выход, — хмыкнула Гермия. — Все продумано до минуты.

Театральный выход? Серене это более чем удалось! Она стремительно вошла в зал — высокая, статная брюнетка с черными глазами и с зажигательным смехом женщины, сознающей свою красоту. Внимание всех присутствующих в столовой было приковано к ней.

— Голиаф! — с восторгом пронзительно выкрикнула она, когда Эйдриан поднялся, чтобы встретить ее.

Эмма не успела произнести что-то колкое, вроде «Я рада, что вы пришли и присоединитесь к десерту», как Серена пронеслась вперед и хлопнула Эйдриана по спине с такой силой, что любой другой свалился бы под стол.

Он же только кашлянул и удивленно поднял бровь.

— Я, вероятно, это заслужил.

— Ты заслужил в десять раз больше! — громогласно заявила Серена и окинула взглядом сидящих за столом. — Прошу прощения за то, что мы опоздали. Эту адскую леди необходимо было привести в порядок, да и викарию пришлось переодеться. — Она смотрела уже не на Эйдриана, а на Эмму, причем смотрела с изумлением.

— Не может быть... Так это и есть твоя жена?

Эйдриан рассмеялся:

— Да, это моя жена.

Гермия едва не уронила фужер с вином. Эмме удалось, не дрогнув, поставить свой фужер рядом с тарелкой. Где в ее учебнике по этикету описан подобный казус?

— Да, я его жена, и я очень рада познакомиться...

— Вот уж не ожидала! — весьма не изящно засмеялась, а вернее загоготала Серена. — Эйдриан, она для тебя слишком хороша. Во-первых, она крошечная, как росинка, а во-вторых — воспитанная. Она что, была пленницей в твоём гареме?

Он скрестил руки на груди.

— Как ты догадалась? А для тебя у меня припасена парочка пиратов.

Серена игриво ткнула его в бок.

— Мне пират не нужен. У меня есть викарий.

— Это кто? — спросил он с иронической улыбкой. — Еще одна лошадь?

— Он мой жених. Вообще-то если твоя жена не сочтет, что я покушаюсь на ее лавры, то мы с ним хотели объявить здесь сегодня вечером о нашей помолвке и обсудить благотворительные планы по сбору денег для сельской школы. — Она сделала запоздалый реверанс в сторону Эммы. — А если серьезно, леди Вулвертон, то я приветствую вас от имени прихода. Надеюсь, что мы с вами станем друзьями и будем вместе трудиться на пользу Скарфилда.

У Эммы на глаза навернулись слезы. Непозволительная чувствительность, с которой она мгновенно справилась. Быть любимой достойным человеком и помогать бедным... Это то, о чем можно только мечтать. И плюс еще подарок судьбы: у нее нет соперницы в любви.

Конечно, обязательства перед своей лондонской академией у нее остались, но от переезда в деревню выиграют все. Что касается беспокойства о семье Боскасл, то ей от этого никуда не деться.

Но... здесь она тоже нужна. Герцогу необходим сын. Флоренс необходим муж. А Седрику — жена. Так что забот у нее будет полон рот.

За поданным десертом — компотом из груш и сыром — вечер продолжался весело и приятно. Выпили также мозельского и бордо в честь радостных событий. Вскоре после Серены появился викарий, попросив прощения за опоздание, в котором снова оказалась повинна адская леди. Одем выразил глубокое сожаление по поводу здоровья этой достойной дамы, но Гермия вовремя его прервала, ткнув локтем и объяснив, что адская леди — лошадь, а не женщина.

Герцог, хотя и выглядел утомленным, был доволен. Извинившись, он удалился на покой, и Эмма проводила его до лестницы.

— Я знаю, что не заслужил такого счастья, — с улыбкой сказал он.

— Если бы дары, которые мы принимаем, давались по нашим заслугам, то мы все были бы нищими, ваша светлость.

Он кивнул:

— Возможно, он действительно вас заслуживает. Дай Бог, чтобы он не наделал тех же ошибок, что и я, там, где дело касается любви.

— Обманщик, — пробурчала Эмма, как только они с Эйдрианом остались в комнате одни.

— Прости, я не понял тебя.

— Твои манеры за столом безупречны.

— Тебе это не нравится? — Он изобразил удивление.

— Не твои манеры, а твоя лживая сущность не нравится. Ты просил обучать тебя этикету, а сам воплощение изысканности. Достаточно посмотреть, как ты споласкиваешь пальцы в чашке и как ешь ореховый пудинг.

Он развязал галстук и улыбнулся ей.

— А что, если я скажу, что просто следил за тем, как это делаешь ты?

— Я тебе не верю. Между прочим, Эйдриан, Серена — одна из самых красивых женщин, которых я когда-либо встречала.

Он поморщился.

— И одна из самых буйных. Я же тебе говорил, что она не хотела выходить за меня. Она слишком хорошо меня знает.

— Или недостаточно хорошо.

Свободной рукой он расстегнул застежку платья, и светло-коричневый атлас упал к ее ногам. Туда же последовало и белье.

— Между прочим, Эмма, самая красивая женщина, которую когда-либо встречал я, — это ты. — Он поцеловал нежную кожу между плечом и ключицей. — Неужели я тебе этого не говорил?

Эйдриан проснулся еще до рассвета и пошел к обрыву. Давным-давно он часто убегал сюда, чтобы спрятаться от отцовских нравоучений. Он представлял себя завоевателем, командующим непобедимой армией, который замыслил напасть на замок и сбросить правителя — герцога. Наивно, но он надеялся освободить таким образом не только себя, но и возродить дух матери.

У него в жизни были более трудные сражения. А теперь... теперь он хотел мира. Он может уйти отсюда. Эмма будет возражать, настаивать, чтобы он исполнил свой долг, но, в

конце концов, поддержит его решение.

Он ведь поклялся когда-то, что не останется. Он поклялся, что ему наплевать на то, что о нем подумают. Он вернулся отчасти для того, чтобы доказать отцу, что жил полной жизнью, обходился без тех выгод, какие дает богатая семья или аристократическое происхождение.

Но вдруг он засомневался: а что, если Эмма была права? Он ведь сын герцога и наследник не только отцовского богатства и положения, но и тех обязанностей, которые налагает титул.

Он уже не ребенок, играющий в победителя. Поднялся сильный юго-восточный ветер. Эйдриан смотрел вдаль на подернутое туманом озеро, на скот, пасущийся на холмах, и на деревню за холмами. Помещичий дом господствовал над окрестностями. Так было всегда. Годы не пощадили дом, и следы запустения нельзя не заметить. Дом. Что такое дом?

Дом — это его воинственный ангел. Вот она взбирается по холму, размахивая его плащом и крича, что он простудится, стоя в одной рубашке на ветру.

Он взял из ее рук плащ и накинул на плечи ей. Она продолжала его журить, а он обнял ее и прижал к груди.

Скарфилд нуждается в защитнике.

А защитник нуждается в Эмме Боскасл.

— Что-то случилось? — спросил он, прижавшись подбородком к ее голове.

Она вывернулась из его рук.

— Сейчас скажу. Я только что получила письмо из Лондона.

— От кого?

— От Шарлотты и Хита. Они оба заверяют, что беспокоиться не о чем.

— Что, разумеется, означает...

— ...что основания для беспокойства есть.

Он помогал ей спускаться с холма, заслоняя собой от ветра.

— С чего ты это взяла?

— Видишь ли, Эйдриан, мисс Пеппертри грозитя уволиться.

— Но она этого не сделала?

— Кто знает? Еще меня предупредили не верить ничему, что написано в газетах о моей академии и о заведении Одри Уотсон.

— Кто такая Одри Уотсон? — спросил он. — Кажется, я уже слышал это имя.

— Тебе делает честь, что ты не знаком с ее заведением. Ох, Эйдриан! Она содержит бордель под названием «Школа Венеры».

Он разразился хохотом.

— Но это еще не все, — сказала Эмма.

— Что же еще?

— Шарлотта выразила желание стать писательницей.

— Но это звучит достаточно безобидно. Разве нет?

— Не так уж безобидно, если она хочет написать историю семьи Боскасл.

Он присвистнул.

— Даже не знаю, что сказать.

— Я скажу за тебя. — Эмма покраснела. — Есть такие семейные истории, которые следует держать в секрете. В нашей не будет ни единой главы, ни единой страницы без скандала.

Эйдриан посмотрел на небо, потом перевел взгляд на Эмму. Ее маленькие ушки и нос покраснели от холодного ветра. Прядки абрикосовых волос выбились из прически. Она выглядела такой волнующе-неистойвой. Как же он любит свою жену! И как рад, что покончил с жизнью, полной сражений и путешествий. Его будущее — это семья. Возможно, разведение лошадей. А на Рождество он будет есть пудинг вместе с женщиной, которая заставляет его надевать плащ, чтобы он не простудился.

— Давай посмотрим на охотничий домик, — вдруг предложил он, взяв Эмму за руку. — Седрик говорил, что он разваливается, и его используют под сарай.

Она сморщила нос:

— Сарай? Ну, я не знаю...

— Эмма, сейчас пойдет дождь. Разве ты не чувствуешь?

— Нет. И в небе ни облачка.

— Это потому, что ты слишком маленького роста и не можешь видеть, что там наверху.

Она засмеялась:

— Какой вы напыщенный, милорд!

Не только напыщенный, но к тому же повелитель и искуситель.

Через несколько минут он все-таки заманил ее в охотничий домик, из которого открывался вид на озеро. После того как она покорно выслушала, сколько болтов и балок нужно заменить, он вдруг обошел ее сзади и тихонько толкнул на вязанку соломы.

— Что ты делаешь? — возмутилась она, разгадав его намерение. — Не могу же я вернуться в дом с сеном в волосах.

— Хозяин дома я, — заявил он хриплым голосом. — И ты сделаешь то, что я скажу.

— А если откажусь? — задыхаясь, спросила она.

— Могу тебя и отшлепать.

— Можно подумать, что я тебе это позволю, — засмеялась Эмма.

Он прижал ее своим телом.

— Можно подумать, что ты меня остановишь. Рука Эйдриана оказалась у нее под юбкой.

— Ты послушная или непослушная служанка своего господина? От этого многое зависит.

— Все зависит от того, кому я должна повиноваться.

— Мне.

Она шаловливо улыбнулась и обвила его шею руками.

— Если только ты обещаешь не рассказывать об этом хозяину.

Эйдриан сжал ладонями мягкие ягодицы.

— Это будет наш секрет, любовь моя. Но ты тоже не рассказывай своему мужу. — Он прикрыл глаза, и у него вырвался стон. — Господи, Эмма!..

Она замерла и прошептала:

— Нам надо бояться не моего мужа. Эйдриан, отпусти меня. В дверях кто-то стоит. Нас увидели.

— А... Кто это?

— Не знаю. Разве это важно? Нельзя, чтобы увидели, как мы забавляемся в сарае.

Они отодвинулись друг от друга. Эйдриан выругался себе под нос, а Эмма ужасно смутилась.

В сарай вошел немолодой мужчина с вилами в руках.

— Прошу прощения, — сказал он. — Я Робин Тернер, сторож. Могу быть вам чем-нибудь полезен?

Эйдриан рывком поднял Эмму на ноги.

— Видите ли, это моя жена, и мы...

— А-а, новые слуги? — догадался седой сторож и сочувственно посмотрел на них. — Нелегко начинать здесь служить, а потом ничего, обвыкнетесь. Главное — прилично выглядеть, когда повстречаете герцога. Сейчас вернулся его наследник, и от нас потребуют стараться изо всех сил.

— Спасибо, сэр, вы очень добры. — Эйдриан заслонил собой Эмму, чтобы она могла одернуть юбку и стряхнуть соломинки с платья. — Я в долгу не останусь.

— А теперь вам лучше уйти и заняться работой. Я еще не так стар, чтобы не помнить... Но точно уж, уходите. Я ничего не скажу хозяину.

И он действительно ничего не сказал, даже когда двумя часами позже был призван к герцогу, чтобы обсудить, какие починки нужно произвести в надворных постройках, и его представили лорду и леди Вулвертон.

Эйдриан и его новый надежный союзник Тернер весьма убедительно сделали вид, что не знают друг друга. Но когда сторож повернулся, чтобы уйти из зала, Эмма весело ему подмигнула. У Эйдриана аж челюсть отвисла, а Тернер едва не врезался в стену.

Герцог удивленно засмеялся:

— Что происходит?

— Мы с Эммой с утра пораньше осматривали охотничий домик, — уклончиво ответил Эйдриан, не сводя глаз с жены. — Вы ведь сами хотели, чтобы мы занялись хозяйством?

— Знаешь, чего я хочу, прежде чем умру? — спросил герцог с лукавым блеском в глазах. — Пойдем-ка со мной. Я изложу тебе мою последнюю просьбу, Эйдриан.

Вечером, когда Эйдриан лежал в постели рядом с женой, она никак не могла успокоиться и без конца ворочалась на огромной кровати еще времен королевы Анны. Наконец он спросил:

— Что с тобой? Тебя что-то волнует?

Она выглянула из-под одеяла и, в свою очередь, спросила:

— А тебя?

Он прижался к ней, положив руку ей на бедро. Ему нравилось спать, обнимая Эмму, словно он охранял ее своим телом.

— О чем ты?

— Я про последнее желание твоего отца, — с тревогой ответила она. — Это что-то секретное, и ты дал слово молчать?

— Нет.

Он потерся подбородком о ее щеку. Тело Эммы звало к себе, позвоночник изгибался под его ладонью, кожа была нежная, как сливки. Она ждала. И он тоже ждал с улыбкой на губах.

Казалось, что он ждал этого момента с того дня, как убежал из Скарфилда.

Сейчас он стал сильнее, а его единственная слабость — это женщина, которую он обнимает.

Вдруг эта женщина отстранилась от него и твердым голосом произнесла:

— Ты собираешься лежать и улыбаться всю ночь или дашь мне ответ?

— Он хочет, чтобы мы подарили ему внука до того, как он умрет. Он такой упрямый, что не оставит нас в покое, пока мы не выполним его просьбу.

— Понятно, — задумчиво сказала Эмма. — И что ты ему ответил?

Эйдриан прокашлялся.

— Я заверил его, что мы со своей стороны не уклоняемся от выполнения святого долга герцога.

— Неужели ты его в этом заверил? — со смехом в голосе прошептала Эмма.

— Да, но подробности я ему, конечно, не сообщил. Она провела рукой по его гибкой, мускулистой спине.

— Герцог всегда выполняет свои обещания.

Он завладел ее ртом.

— Я всего лишь сын герцога. Ты предлагаешь, чтобы мы не теряли времени даром, пока я не стал герцогом?

Он не успел и глазом моргнуть, как она оказалась лежащей на нем.

— Практика, — заявила она с насмешливой улыбкой. — Много часов практики... нет, дней и ночей старания и усердия.

— Моя прилежная жена, — пробормотал он. Бедра у него приподнялись, и она едва не упала, но его крепкие руки удержали ее.

Она медленно опускалась на него, ощущая, как его плоть разрастается в ней.

— Эйдриан...

Таким образом, будущие герцог и герцогиня Скарфилд приступили к выполнению самой важной из своих обязанностей. Эйдриан заявил, что надо упорно практиковаться, чтобы получить хороший результат, и что эти занятия должны быть достаточно долгими. Он также сослался на слова жены о том, что от мелочей и деталей зависит очень многое.

Маленькому наследному герцогу нужны для компании братья и сестры, а Эмма так любила заботиться о других. Эйдриан был благодарен защищающим ее братьям, которые спасли Эмму для него, пока он не нашел ее, а она не нашла его.

Она наклонилась вперед, и розовые кончики сосков защекотали ему грудь. Она целовала его — как сладостны ее поцелуи! — а он все глубже погружался в нее.

— Если это долг... — он закрыл глаза и застонал, — то я готов умереть, исполняя его.

Она выпрямила спину, ее прекрасное тело трепетало от наслаждения.

— Я люблю тебя, — сказала она. — И я буду любить наших детей...

— Я люблю тебя, Эмма. — Он сцепил руки у нее на бедрах и достиг пика восторга.

Кого они смогут зачать? Сына. Дочь. Что сейчас управляет ими: долг или желание? Ему не важно, лишь бы его утонченный диктатор — любимая жена управляла всеми ими.

Через минуту их сомкнутые тела смогли разъединиться.

— В конце концов, — прошептала Эмма, — все кончается семьей. А ты породнился с одной из самых...

— ...верных и любящих семей в Англии? — закончил за нее Эйдриан.

Она улыбнулась:

— Я вообще-то собиралась сказать — порочных. Он смотрел на нее, и в его глазах было столько любви, что казалось, она сейчас выплеснется наружу.

— В таком случае боюсь, что ожидать благопристойности от следующего поколения будет трудно.

— Думаю, мы с этим справимся, — с довольной улыбкой ответила Эмма.

Он засмеялся:

— Я справлюсь с чем угодно, лишь бы у меня была ты.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

---

notes

[1] Wolf (*англ.*) — волк. — *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Меня (*франц.*)

[3] Голый (*франц.*).

[4] Оплошность (*франц.*).

[5] Имеется в виду император Наполеон, сосланный в 1814 году на о. Эльба, а затем в 1815 году на о. Св. Елены.

[6] Завершающий смертельный удар (*франц.*).

[7] Немезида — в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм.

[8] Ваше высочество (*франц.*).

[9] Нелл Гвин (1650–1687) — английская актриса, фаворитка короля Англии Карла II. Начинала работать в театре разносчицей апельсинов.

[10] Орион — в греческой мифологии охотник-великан.

[11] Рапунцель — персонаж сказки братьев Гримм. Девушка с очень длинными волосами, которая была заточена в высокой башне.